ОБРАБОТКА ТЕКСТА
И
КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

*

TEXT PROCESSING
AND
COGNITIVE TECHNOLOGIES

10

Moscow-Varna
2004

CML-2004 was organized by:
Kazan State University (Russia)
Institute of Linguistics (Russian Academy of Science) (Russia)
Moscow State Linguistic University (Russia)
Moscow State Steel and Alloys Institute (Technological University) (Russia)
New Bulgarian University (Bulgaria)
Sofia St. Kliment Ohridsky University (Bulgaria)

Editors of paper collection:
Valery Solovyev
Vladimir Polyakov

Programm Committee of CML-2004:
Valery Solovyev, chair (Kazan State University, Russia)
Elena Andonova (New Bulgarian University, Bulgaria)
Alexander Dikovsky (University of Nantes, France)
Gertraud Fenk-Oczlon (University of Klagenfurt, Austira)
Tatiana Gavrilova (S-Petersburg State Technical University, Russia)
Laura Janda (University of North Carolina, USA)
Stig Joergensen (Copenhagen Business School, Denmark)
Andrey Kibrik (Institute of Linguistics of RAS, Russia)
Irina Kobozeva (Moscow State University, Russia)
Nina Kolodina (Tambov University, Russia)
Philippe Martin (School of Information Technology, Australia)
Barbara Partee (University of Massachusetts, USA)
Anatoliy Polikarpov (Moscow State University, Russia)
Rodmonga Potapova (Moscow State Linguistic University, Russia)
Kiril Simov (Central Laboratory for Parallel Processing, BAS, Bulgaria)
Velina Slavova (New Bulgarian University, Bulgaria)
Alona Soschen (Massachusetts Institute of Technology, USA)
Svetlana Vasilyeva (Kazan State University, Russia)
Viktor Vinogradov (Institute of Linguistics of RAS, Russia)
Helene Zaretskaya (Governmental Academy of Industry, Russia)

Organization Committee of CML-2004 :
Vladimir Polyakov, chair (MSLU, MISA)
Anatoly Diachko (MISA)
Evgeny Kalashnikov (MISA)
Marina Kolbetskaya (MISA)
Krasimira Petrova (Sofia St.Kl.Ohr.University)
Velina Slavova (NBU)

Summary
The paper collection comprises the second part of proceedings of the VIIth International Conference "Cognitive Modeling in Linguistics" (CML-2004, Varna, 2004), devoted to perspective branch of cognitive science. The aim of the conference is an integration of efforts of specialists in cognitive psychology, learning theory, neural networks, cognitive linguistics, knowledge engineering, semiotics, psycholinguistics etc. in investigation of cognitive processing of language information.

Text Processing and Cognitive Technologies. Paper Collection. N 10. (Edited by V. Solovyev, V. Polyakov) –Moscow-Varna, MISA, Ucheba, 2004, 168 p.

© Title and design
Copyright, 2004
Moscow State Steel and Alloys Institute
(Technological University)

CONTENT

Author, Title	Page
N.Yu. Borodulina, E.M. Kolomeyceva THE MODEL OF METAPHOR AND METAPHORIC MODELS (RUSSIAN AND FRENCH TEXTS ON ECONOMY)	5
Irena Borozdina CONSEPTUALISATION OF SPACE AND SEMANTICS OF ENGLISH AND RUSSIAN PREPOSITIONS	11
Igor Visokov SEMANTIC NETWORK AND DYNAMIC OF COGNITION	20
E.V. Vitlickaya GENDERIC STEREOTYPES AND MENTAL MAP	31
Bulat Galeev SYNESTHESIA IN THE WORLD OF METAPHORS	35
Nadezhda. Zabelina CONCEPT STRUCTURE OF CULTURE	46
Irina Ilyina USING FRAME APPROACH TO ANALYZING OF THE HAND GESTURES VERBAL REPRESENTATION (on the example of gestures "handshake")	52
Boris Kobricov LEXICAL DISAMBIGUATION OF RUSSIAN NOMINAL SUBSTANTIVES BASED ON RULES OF CONTEXTUAL PATTERNS FOR TAXONOMIC CLASSES	58
O. Lyabina LEXICAL AND STYLISTIC REPRESENTATION OF INDIVIDUAL THINKING ANNOTATION	66
M. Makeeva, A. Gvozdeva TO THE PROBLEM OF WORLD PERCEIVING: GENDER ASPECT	73
Larisa Pautova THE CONCEPTS STABILITY AND CHAOS IN RUSSIAN EVERYDAY CONSCIOUSNESS	80
Svetlana Pesina DETERMINATION OF CONTENT CORE FOR POLYSEMANTIC WORD FROM THE STANDPOINT OF LANGUAGE AND SPEECH DIFFERENTIATION	92
Anna Rafaeva THE CONTACT BETWEEN HUMAN BEING AND SUPERNATURAL CREATURES IN FAIRY TALES	98
Alexander Repeko UNDERSTANDING METAPHORICAL STATEMENTS	103
Oleg Skljarov AGE-SPECIFIC PHONETICS AND VERBAL MEMORY IN FEIGENBAUM AND POMEAU-MANNEVILLE SCENARIO	112
Irina Frishberg SYNONYMIC ATTRACTION IN CREATING THE IMAGE OF "URAL OLD DAYS"	121
Victoria Khurshudyan HESITATION MARKERS IN ORAL ARMENIAN AND ITALIAN NARRATIVES	131

Author, Title	Page
Vyacheslav Shevchenko COGNITIVE ASPECTS OF CONCEPT ACTUALIZATION “SUBJECT OF BUSYNESS ACTIVITY” IN THE COMBINED ACADEMIC AND BUSINESS DISCOURS	142
Sergey Shcherbakov RUSSIAN FOLK RIDDLE AS A MODEL OF HUMAN INTELLECTUAL ACTIVITY	147
Natalya Yudina COGNITIVE “RUSSIAN PHILOLOGY” (ABOUT COMBINATIONS "ADJECTIVE + SUBSTANTIVE" FROM THE COGNITIVE STANDPOINT)	152
Nikolay Almaev PSYCHOLOGY, LINGUISTICS, AND COMPUTER TECHNOLOGIES IN LANGUAGE AND SPEECH STUDY	156

МОДЕЛЬ МЕТАФОРЫ И МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Н. Ю. Бородулина Е. М. Коломейцева

На протяжении многих веков, начиная с глубокой древности, ученых интересовал такой феномен языка, как метафора. Подход к изучению данного языкового явления менялся в зависимости от состояния научного мировоззрения. Когнитивная теория, поставившая в центр исследований человека, связала понимание метафоры с ментальными процессами, которые сопровождают порождение и восприятие речи. Метафора представляется как ментальный и языковой механизм, состоящий во взаимодействии двух сущностей, которое приводит к получению нового знания об окружающей действительности. Данное свойство метафоры позволяет, во-первых, рассматривать ее применительно к научному тексту, во-вторых, трактовать метафору как структуру, т.е. представить ее в виде модели.

Рост теоретического интереса к метафоре стимулирован увеличением ее присутствия в различных видах текста (до различных отраслей научного знания). Сегодня особенно возросло значение экономических текстов, поскольку они передают знания, используемые не только в экономике, но и в других научных областях, а также выводят на мировоззренческую проблематику, приобретают философский характер. Преимущество “профессиональной философии” состоит в том, что она и есть “непосредственное, живое, реально действующее убеждение”, включающее логическую, эмоционально-психологическую и ценностную стороны (Гусев, Пукшанский, 1994). Усвоение подобной философии формирует у личности целостное, научно-обоснованное мировоззрение, реализуя бытие человека в созданной им системе культуры.

Экономические понятия, как и любые другие понятия, могут репрезентироваться любыми языковыми средствами. Современные исследования свидетельствуют, что одним из продуктивных способов отражения объектов и явлений мира экономики является когнитивная метафора, позволяющая наглядно, доходчиво и разнообразно описывать сравнительно недавно появившиеся в концептуальной системе человека экономические понятия. Когнитивная (или концептуальная) метафора рассматривается как “видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме” (Кубрякова и др., 1996). В процессе познания сложные непосредственно ненаблюдаемые экономические явления соотносятся через метафору с более простыми или конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами, например, с играми, спортивными соревнованиями, военными действиями и т.д.

Метафоры экономических текстов позволяют, таким образом, эксплуатировать смыслы, выработанные обыденным сознанием, опираются на житейскую картину мира. Выявление скрытых отличительных характеристик у концептов, хорошо знакомых человеческому сознанию, дает возможность их переноса в область экономики и четкого определения сложных понятий, постоянно возникающих в процессе экономических изменений, происходящих в окружающем мире. По словам Х. Ортега-и-Гассет, человеческий ум формировался в процессе постепенного удовлетворения биологических нужд и овладевал сначала конкретными предметами, составляя о них представления. Они и образуют наиболее древний слой нашего сознания, вызываемые ими интеллектуальные реакции хорошо отработаны (Ортега-и-Гассет, 1990).

Таким образом, метафора в экономическом тексте активно участвует в сложном механизме познания окружающей действительности. Метафора нужна для того, чтобы, пользуясь статическим знанием, зафиксированным в национальной концептосфере, получить новое знание о событиях, происходящих в мире. Метафора нужна также для того, чтобы описать это знание с помощью языка. В этом отношении “теория метафоры

сливается с теорией моделей настолько, что ее можно считать моделью изменения нашего способа смотреть на вещи, способа восприятия мира" (Никитин, 1979).

Моделирование как особая форма научного исследования, как специфическое средство отображения человеком изучаемых объектов с помощью аналогов, "заместителей", т.е. моделей давно и широко используется при анализе языковых явлений в лингвистике. Этот метод дал возможность соединить чувственное и рациональное познание, учесть общие черты содержания знаний и различия в этом содержании, а также соотнести полученные выводы с действительностью. По словам А.А. Леонтьева, моделирование того или иного объекта предполагает "конструирование другого – реального или воображаемого – объекта, изоморфного данному в каких-то существенных признаках" (Леонтьев, 1965).

Исследования, которые проводятся в рамках когнитивной лингвистики, объединены центральной идеей о том, что наши знания о мире организуются с помощью определенных структур – когнитивных моделей. Согласно концепции Дж. Лакоффа, когнитивные модели понимаются как характеристика процесса категоризации в естественном языке. Когнитивные модели описывают механизмы мышления и образования концептуальной системы человеческого сознания как той базы, на которой мышление протекает (Лакофф, 1988).

Одно из положений теории когнитивных моделей заключается в том, что мысль образна. Так, согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, человек постоянно имеет дело с метафорами, которые представляют собой осмысление и переживание явлений одного рода в терминах другого рода. Объект (событие, действие) является структурированным целым. Метафорическое значение основывается на проекции одной структуры в другую. В результате данной проекции появляется гештальт, который определяет наше сознание, мышление и язык. Например, метафора "спор есть война" осуществляет проецирование структуры, которая обычно присуща понятию "война", на значение другого понятия - "спор". В результате в человеческом опыте создается определенное структурирование понятие спора: противники, контратака, победа и т.д. (Лакофф, Джонсон, 1990). Таким образом, когнитивное моделирование отличается включением в него человека, осмыслением той части опыта, которая ограничена человеком и воспринимается самим человеком.

Термин метафорическая модель введен Дж. Лакоффом, под ним понимается один из типов когнитивных моделей. Метафорический перенос предполагает наличие "источника" (Source) и "цели" или "мишени" (Target). В процессе метафорического переноса структура области источника переносится из области источника на область цели. Основанием метафорического переосмысления является опыт или те знания, которые хранятся в памяти и по мере надобности извлекаются из нее для соотнесения с познаваемым миром (Лакофф, 1988: 31-32; Lakoff, 1990: 288, 435).

Несколько иное понимание термина "метафорическая модель" дается исследователями политических метафор А.Н. Барановым и Ю.Н. Карауловым. Авторы указывают на необходимость разграничения понятий "метафорическая модель" и "модель метафоры". В соответствии с концепцией А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова, "метафорическая модель" представляет собой только область источника, т.е. некоторую понятийную область, элементы которой связаны различными семантическими отношениями. Под "моделью метафоры" понимается весь комплекс смысловых составляющих метафоры в целом: источник, цель и процесс переноса характеристик с области источника на область цели (Баранов, Караулов, 1994: 14-15).

Таким образом, в отечественной лингвистике появилось два термина: "модель метафоры" и "метафорическая модель". В отношении первого термина разночтений не наблюдается, оно согласуется с определением модели как результата аналогов, заместителей (Леонтьев, 1965, Никитин, 1979) и соответствует пониманию метафоры как одной из моделей познания в трудах отечественных и зарубежных когнитологов (Баранов,

Караулов, 1994; Кубрякова и др., 1996; Лакофф, Джонсон, 1990; Маккормак, 1990; Рикер, 1990). Итак, **модель метафоры есть общий механизм образования метафорического значения, в котором метафорический перенос - это структура, состоящая из трех элементов: источник, цель и основание метафорического переноса**. В соответствии с данным определением модель экономической метафоры как структура ничем не отличается от модели любой другой метафоры, кроме области цели. Механизм ее образования состоит в перенесении в область цели (экономика) различных фрагментов картины мира (область источника) на основании сходства и подобия. Это общий принцип образования метафорического значения в экономическом тексте.

Что касается второго термина, “метафорическая модель”, в отечественной лингвистике появились различные толкования. Согласно одному из них, в соответствии с определением Дж. Лакоффа, “метафорическая модель” представляет собой механизм метафорического переноса и включает область источника, область цели и основание метафорического переосмысления. Именно так исследуются метафорические модели, репрезентирующие понятия из различных областей знания, например, медицины, в работе Мишлановой С.Л. (Мишланова, 1998).

Второе определение, предложенное А.Н. Барановым и Ю.Н. Карауловым, ограничивается областью источника. “Метафорическая модель”, то есть область источника, соответствует своеобразному “метафорическому концепту” и является единицей картины мира, воплощающей в языковой форме общекультурную модель мира. В соответствии с этим определением рассматривается, например, метафорическая модель Путь в исследовании Дубровиной И.И. (Дубровина, 2001).

Нам представляется более целесообразным толкование термина “метафорическая модель”, данное Дж. Лакоффом, поскольку мы считаем важным включение в структуру модели области цели. Это согласуется, на наш взгляд, с пониманием когнитологами способов репрезентации знаний: репрезентация – это “особые когнитивные модели объектов и событий, воспроизводящие лишь часть сведений о них” (Кубрякова и др., 1996). В соответствии с данным определением, можно выявить несколько метафорических моделей репрезентации различных областей знаний. В экономическом тексте **метафорические модели языковой репрезентации экономических понятий - это возможные способы познания экономических явлений окружающей действительности (область цели) за счет переноса в область экономики каких-либо конкретных фрагментов модели мира (например, жизнь человека или животных, механизмы, строительство, исторические события и многое другое), которые, переосмысляясь, дают дополнительные сведения об экономических явлениях**.

Таким образом, основным результатом метафорического переосмысления становится получение какой-либо дополнительной, уточняющей или новой информации о событиях, происходящих в экономической жизни социума (т.е. об области цели). Анализ фактического материала свидетельствует, что с помощью различных метафорических моделей многие экономические понятия переосмысляются семантически, оценочно, стилистически. Проиллюстрируем это положение на примере репрезентации экономического понятия БАНК через метафорическую модель “человек → экономика”:

“L’imperfection de l’information entre les banques commerciales, d’une part, et les déposants, d’une autre part, aboutit à ce que certaines **banques** sont devenues “**passagers clandestins**” … elles ne paient pas une prime identique à celle acquitée par leurs concurrentes” (Metais, 1999: 92).

В данном примере выявляется метафора *banques sont passagers clandestins* “банки – это безбилетные пассажиры” с концептом-источником БЕЗБИЛЕТНЫЙ ПАССАЖИР и целью, экономическим понятием БАНК. Основанием метафорического переноса является актуализация признака “не платит”. Содержание экономического понятия БАНК дополняется через метафору новой концептуальной характеристикой: банк не платит, т. е. не выполняет обязательства, ищет уловки, чтобы не платить страховую премию, пользуясь

несовершенством системы страхования. Осмысление сопровождается отрицательной оценкой, заложенной в источнике *passager clandestin* “безбилетный пассажир”, поскольку не платить за предоставляемые общественной системой услуги – это плохо. Таким образом, посредством метафоры передается предупреждение: не обращайтесь к нечестным банкам, они могут обмануть. Мы видим, что метафора выполняет не только функцию номинации, но и формирует отношение к описываемой с ее помощью ситуации.

Метафоры модели “животные → экономика” несут четкие оценочные коннотации, приписывая объекту или субъекту некоторые характеристики, имеющие оценочный смысл. Их декодирование дает возможность расшифровать метафору. Так, в следующем примере понятие БАНК характеризуется через метафорическую модель “животные → экономика”:

“Le résumé historique … donne un aperçu de la mutation qu’a dû subir ce **“mammouth” bancaire**. Son fonctionnement semble dater d’une autre ère” (Brafman, 2000: 80).

В приведенном примере используется оценочно-экспрессивная метафора с источником, который представляет собой концепт, вербализованный словом *mammouth* “мамонт”. Основанием метафорического переноса является актуализация такого признака животного как “древность”. Посредством метафоры, отражающей национально-культурный эталон древности, французский банк Crédit agricole характеризуется как старинный банк Франции. С помощью источника *mammouth* “мамонт” создается положительная оценка экономического понятия, зафиксированная в фоновых знаниях: старина вызывает чувство уважения.

Фоновые знания, заключенные в области источника метафорической модели, часто служат основанием для декодирования метафоры и для выяснения аксиологической оценки передаваемых с ее помощью характеристик экономических понятий. Рассмотрим репрезентацию понятия ГОСУДАРСТВО через метафорическую модель “строительство → экономика”:

“Ces trois fonctions … sont, en fait, souvent **imbriquées**” (Euzeby, 1999: 138).

В данном примере используется предикатная метафора с концептом-источником, отражающим способ покрытия крыши черепицей, который вербализуется словом *imbriquées* “наслаиваемые черепицей”. С помощью метафоры соотношение функций государства в экономике ассоциируется с признаком строительства, особым способом покрытия крыши. Ассоциация основана на образе, привычном для строительства зданий во Франции, т.е. метафора является культурно-маркированной. Осмысление сопровождается положительной оценкой, содержащейся в источнике *imbriquées* “наслаиваемые черепицей”: способ покрытия крыши черепицей – это хорошее соединение элементов.

Метафорические модели являются продуктивным способом репрезентации наиболее актуальных на данный момент развития экономических понятий. Так, несколькими метафорическими моделями представлено в экономическом тексте понятие ЕРОСОЮЗ. В русском тексте мы, например, встречаем модель “животные → экономика”:

“… многим в России и других странах трудно понять, что такое Европейский Союз и каким он хочет быть. В конце концов, **ЕС** – это сложный и уникальный “**зверь**”, и его природа меняется…” (Паттен, 2001: 38).

В приведенном примере используется метафора *Евросоюз – это зверь*. Через метафору экономическое понятие ЕВРОСОЮЗ получает следующую характеристику: “он еще не известен, не определен”. То, что в метафоре используется не образ какого-либо конкретного животного, характерные признаки которого могли бы быть для сравнения перенесены на Евросоюз, а собирательный образ животного, имеет смысл: признаки этого организма еще не определены. Отсюда формирование настороженного отношения к объединению Европы в экономический союз.

С помощью модели “человек → экономика” характеризуется роль Евросоюза в экономике и в политике. Интересно, что совершенно одинаковые метафоры обнаруживаются в обоих анализируемых языках. Сравним:

“On a pu dire, tout récemment encore à propos du drame Kosovar, que l’**Union européenne** était à la fois **un géant** économique et **un nain** politique” (Colin, 1999: 74).

“**Евросоюз** – экономический **гигант** и политический **карлик**” (Савельев, 1997:18).

Через метафору *Евросоюз – это гигант* Евросоюз характеризуется как организация, играющая большую роль в сфере мировой экономики. Кроме того, за счет контекста источник *гигант* несет положительную оценку: гигант в экономике – это хорошо. Посредством метафоры *Евросоюз – это карлик*, наоборот, Евросоюз характеризуется как организация, играющая малую роль в сфере мировой политики. В значении слова *карлик*, вербализующего источник, имеется также негативная коннотация, которая переносится на единицу, вербализующую экономическое понятие *Евросоюз*. С помощью метафоры выражается отрицательная оценка политического аспекта деятельности Евросоюза – эта деятельность мала.

Фактический материал исследования свидетельствует о довольно частом использовании схожих метафорических моделей в русском и французском языках, что может рассматриваться как результат европейского влияния, а иногда и американского. Так, в русской и французской метафорической модели “механизм → экономика” наблюдается положительное оценивание экономических понятий через метафоры, основанные на ассоциациях с работающими механизмами (*l’euro est levier; la monnaie unique sera un formidable outil; la BCE est le pivot; l’Etat est un instrument; les monnaies se sont ancrées sur le mark; предложение - двигатель экономической активности; государство – орудие; налоги – рычаги; якорная валюта*). Отрицательное оценивание сопровождает характеристики, выявленные в экономических понятиях через метафоры, основанные на ассоциациях с неполадками в работе механизма или его остановкой (*le moteur de l’activité économique française est cassé; le freinage de l’activité; торможение деятельности*).

Как любой поворот общественной истории, процесс создания единой Европы создает свой лексикон, отличный от предыдущих эпох. Фактический материал свидетельствует об активном использовании метафорических моделей для номинации новых реалий. Метафорическим путем образуется огромное количество понятий, например, *ниша* (место на рынке), *бегство капиталов, валютная змея, валютный коридор, дочка* (филиал предприятия), *Etat-ange* “ государство-ангел”, *Etat-gendarme* “государство-жандарм”, *foyer fiscal* “налоговый очаг”, *paradis fiscal* “налоговый рай” и т.д. Анализ свидетельствует, что метафорические модели способны передать больше информации, чем словообразовательные модели.

Итак, представление информации в виде концептуальной модели, демонстрирующей динамику языка, является актуальным способом отражения в экономическом тексте тех изменений, которые происходят в сфере экономики. Метафорические модели продуктивны при репрезентации экономических понятий, они способствуют упорядоченности знаний, позволяют получить новые знания, обнаруживая сходства и необычные характеристики привычных представлений о мире, организуют различные по происхождению фрагменты знания, помогают в создании целостной системы языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.

2. Гусев С.С., Пукшанский Б.Я. Обыденное мировоззрение. Структура и способы организации. – СПб., 1994.

3. Дубровина И.И, Особенности проявления семантической универсалии в разносистемных языках (Метафорическая модель Путь в русском и английском языках): Автореф. дис. … канд. филолог. наук. – Саратов, 2001.

4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. - М., 1996.

5. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.XXIII: Когнитивные аспекты языка. - М., 1988.

6. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990. – С.387-415.

7. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. – М., 1965.

8. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. – М., 1990. – С.358-386.

9. Мишланова С.Л. Метафора в поле термина (на материале медицинских текстов) // Фатическое поле языка (памяти проф. Л.Н. Мурзина): Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т. – Пермь, 1998. – С.76-83.

10. Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. - 1979. - №1. – С.91-102.

11. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. – М., 1990. – С.68-81.

12. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. – М., 1990. – С.416-434.

13. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What categories reveal abaut mind. Chicago, 1990.

THE MODEL OF METAPHOR AND METAPHORIC MODELS (RUSSIAN AND FRENCH TEXTS ON ECONOMY)[1]

N. Borodulina, M. Kolomeyceva

ABSTRACT

The article reveals the difference between the terms “model of metaphor” and “metaphoric model”. The model of metaphor is supposed to be a general mechanism of forming metaphoric meaning which consists of source, target and vehicle. Metaphoric models are specific cognitive models of objects and events of the world. Metaphoric models of representing economic notions are possible techniques of acquiring knowledge about economic phenomena by means of transferring concrete fragments of the world model into the field of economy (mechanism, construction, animal life, etc.). As a result metaphoric representation gives additional emotional, evaluating information about events in economic and social life. There is a variety of approaches to metaphor studies. Cognitive theory connects metaphor with human mental processes which generate and interpret speech. Metaphor is a mental and linguistic mechanism giving rise to new knowledge about the world. That enables one to regard it as a model. Nowadays metaphor is a great interest due to its use in texts of different styles genres and areas of knowledge. Economic notions may be represented by any linguistic means. Contemporary research shows that cognitive metaphor is one of the most productive ways of reflecting the surrounding world.

KEYWORDS

metaphor, metaphoric representation, mental processes

[1] © N. Borodulina, E. Kolomeyceva 2004

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПРЕДЛОГОВ

Ирена Бороздина

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена изучению семантики английских и русских пространственных предлогов «удаления», которые образуют микрогруппы из трех английских (***from***, ***out of***, ***off***) и трех русских (***от***, ***из***, ***с***) предлогов, с последующим сравнительным анализом их значений и отраженных в семантике этих предлогов способов представления пространственных объектов окружающего мира носителями двух языков. Выбор перечисленных предлогов определяется тем, что некоторые из них вообще не были объектом специального лингвистического исследования; другие еще не получили исчерпывающего описания, объясняющего разнообразные особенности их функционирования в речи, хотя отдельные существенные их характеристики были выделены.

Предлоги и, в частности, их значение представляют собой интересный объект исследования для лингвистов различных направлений, как занимающихся системными семантическими исследованиями, так и работающих в рамках когнитивной лингвистики (Маляр, Селиверстова (1998), Brugman (1988), Garrod, Sanford (1989), Hawkins (1988), Herskovits (1988), Jackendoff, Landau, (1991), Talmy (1983), Taylor (1995), Vandeloise (1994)). Высокий уровень интереса к предлогам обусловлен тем, что изучение этих лексических единиц позволяет выявить особенности пространственного восприятия мира, преломленного в языковых значениях, и помогает раскрыть систему понятий, через которые человек осмысляет окружающий его мир.

В ходе исследования был использован интегративный/комплексный подход, т.е. сочетание концептуального подхода, основанного на характере пространственных концептов, отраженных в сознании носителей языка и выраженных в семантике данных предлогов, и традиционного лингвистического описания парадигматических отношений между исследуемыми языковыми единицами. Следующий этап заключался в сопоставительном анализе результатов изучения семантики предлогов русского и английского языков.

При описании различных типов пространственных отношений в работе используются следующие обозначения: X (референт) – объект, пространственное положение которого определяется относительно другого объекта; Y (релятум) – объект, являющийся ориентиром, относительно которого определяется положение референта.

ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СЛОВ

В последние десятилетия все интенсивнее становится изучение картины мира в языке, взаимосвязи процессов, происходящих в человеческой памяти и определяющих построение и понимание языковых сообщений. Мы выбираем и исследуем один из самых интересных и важных фрагментов наивной модели мира, а именно – пространство: совокупность представлений и знаний о нем, зафиксированных в семантике пространственных слов. Обращенность к внеязыковой действительности, способы ее преломления в сознании и отображение этих процессов в языке, нашли свое отражение в новейших грамматиках английского языка, где при объяснении значения предлогов учитывается так называемая концептуализация объекта (CGEL (1985), Alexander (1988), Chalker (1991)).

Когнитивные исследования дают возможность получить более широкое представление о способах концептуализации объектов и сцен окружающего мира в сознании и их выражении в языке; выявляют лингво-культурные особенности пространственного восприятия мира, уточняют содержание тех концептов, которые

активизируются в сознании носителей языка. Использование когнитивного подхода имеет большое значение для исследования семантики пространственных предлогов.

Особый интерес в рамках когнитивного направления представляет концептуальный подход, который раскрывает своеобразие тех концептов, которые существуют в сознании и активизируются благодаря значению предлога. В зависимости от характера передаваемых отношений между объектами такие концепты могут иметь геометрические, топологические и функциональные характеристики. Проведенный анализ семантики пространственных предлогов позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев значение этих слов выходит за рамки описания элементарных геометрических и топологических отношений между объектами и включает в себя сложный комплекс отношений, среди которых особое место отводится непространственным, в частности – функциональным, отношениям между X и Y. Для целого ряда предлогов функциональные характеристики отношений становятся наиболее важными, так как именно они позволяют установить различия между синонимичными предлогами и позволяют объяснить многие случаи их употребления. Более того, тип и характер таких функциональных связей может варьироваться как внутри семантики одного предлога, так и у разных предлогов.

СЕМАНТИКА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ «УДАЛЕНИЯ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Пространственные значения исследуемых предлогов объединены общей идеей ‘удаление, отделение, утрата связи одного предмета с другим’. Термин «предлоги удаления» носит несколько условный и обобщенный характер, так как в значении каждого отдельного предлога происходит модификация понятия «удаление». Это может быть удаление из внутреннего пространства Y (***из*** дома, ***из*** ящика, ***out of*** *the house*, ***out of*** *the box*), пространства, которое формирует Y (***из*** *тепла*, ***из*** *поля зрения*, ***out of*** *the sun*, ***out of*** *one’s sight*), удаление с поверхности (***со*** *стола*, ***с*** *крыши*, ***from*** / ***off*** *the table*, ***from*** / ***off*** the roof), удаление из области Y (отойти ***от*** стены, отпрянуть ***от*** огня, *to go away* ***from*** *the wall*, *to rush away* ***from*** *the fire*), удаление какой либо части от целого (*пуговица* ***от*** *пальто*, *a button* ***from*** *the coat*) и т.д.

Анализ словарных дефиниций исследуемых предлогов показал, что в большинстве случаев значение одного предлога определяется через другой предлог, входящий в эту же группу, что не позволяет установить различий в их значениях. Толкования представляют собой обобщенные определения без указания на существование каких-либо ограничений на употребление предлогов.

Проведенный опрос информантов с использованием подстановочных тестов позволил определить те характеристики, которыми должен обладать Y при употреблении с предлогом ***out of*** – Y должен представлять собой пространство (любого типа, представленного на рисунке) или концептуализироваться как пространство. Тестирование подтвердило гипотезу о том, что предлог ***out of*** обладает семантическими характеристиками, которые отличают его от предлогов ***from*** и ***off,*** также входящими в группу предлогов удаления. В значениях предлогов ***from*** и ***off*** нет указания на удаление из особого объемного пространства. ***From*** указывает на удаление либо с поверхности предмета, при этом особенно важна идея начального положения X (указание на то место, где началось движение), либо из пространства, примыкающего к Y. Предлог ***off*** вообще не соотносится с концептом «пространство». Для его семантики характерно указание на удаление с поверхности Y, которая была опорой для X.

Значение предлога ***out of*** передает информацию о том, что X удаляется из внутреннего пространстве Y. X как бы переходит из одного пространства в другое; качественные характеристики этих пространств различны, и, следовательно, могут изменяться и условия существования X. В некоторых случаях денотат Y не является замкнутым трехмерным объектом с внутренним пространством (например, *corner of the room*), но концептуализируется как таковой, так как несет в себе некоторые качественные

характеристики отличные от остального пространства и создает определенные условия для X.

Предлог ***out of*** указывает на удаление X из объемного пространства Y. Если Y – трехмерный объект, то ***out of*** подчёркивает удаление из его внутреннего ограниченного пространства, которое качественно и функционально отличается от пространства вне Y. Если Y – двухмерный объект (плоскость или линия), то существует несколько вариантов объяснения использования предлога ***out of***: либо Y допускает свою концептуализацию в качестве трехмерного объекта (*way, course*), либо двухмерный Y (*door, window*) является частью трехмерного объекта и используется для передачи информации о том, через какую именно часть Y X выходит из его внутреннего пространства, либо Y является таким двухмерным объектом, который создает особое качественное и функциональное пространство (*населенные пункты*, *bed*).

В отличие от русского предлога ***из***, английский ***out of,*** помимо указания на удаление X из пространства Y, может указывать на особый вид или порядок совершения действия и представления всей ситуации, передаваемой высказыванием с данным предлогом: *Meg emptied the bag* ***of*** *groceries* (= быстро, все сразу) и *Meg emptied the groceries* ***out of*** *the bag* (= по одному, без спешки). В русском языке в аналогичных ситуациях используется только предлог ***из***.

Значения русских предлогов «удаления» также имеют дифференциальные компоненты, которые в общем виде можно представить следующим образом: ***из*** указывает на удаление X из внутреннего, качественного или функционального пространства Y (X – содержимое, Y – содержащее); ***от*** указывает на удаление X из пространства, прилегающего или примыкающего к Y (***от 1***), или указывает на отделение части от целого (***от 2***); ***с*** указывает на удаление X с поверхности Y, которая являлась опорой для X.

Анализ микроконтекстов позволил уточнить пространственные значения предлога ***из***, одновременно сопоставив их с результатами исследования английского предлога ***out of***. Оба предлога – английский ***out of*** и русский ***из*** – указывают на удаление X из замкнутого пространства Y, либо пространства, формируемого Y, благодаря его особым качественным и функциональным характеристикам. Особую роль в семантике сравниваемых предлогов играет наличие функциональной связи между X и Y как между содержимым и содержащим, так что предлоги ***out of*** и ***из*** могут использоваться даже тогда, когда X не полностью помещен в Y или вообще находится вне его, но при этом Y все равно выполняет свое функциональное предназначение и осуществляет контроль над X.

В некоторых случаях предлоги ***out of*** и ***из*** используются и со словами, обозначающими двухмерные, плоские объекты, которые могут концептуализироваться как пространства. Однако, далеко не все объекты, не имеющие четких характеристик пространства, одинаково концептуализируются в русском и английском языках. Например *путь* в русском языке концептуализируется как плоскость и используется с предлогом ***с*** (*Уйди* ***с*** *моего пути*), а в английском *way* – это пространство, используется предлог ***out of*** (*Get* ***out of*** *my way*). В русском языке страны, населенные пункты и другие подобные объекты воспринимаются как пространство, используется предлог ***из*** (*Он* ***из*** *Москвы*), в английском языке они представляются как плоскости, удаление из таких объектов передается при помощи предлога ***from*** (*He is* ***from*** *Moscow*). Описание подобных ситуаций при помощи предлога ***out of*** в английском языке происходит только в тех случаях, когда необходимо указать на необычное или затрудненное удаление X из Y (*He could hardly get* ***out of*** *the* country).

Различия в значении предлогов ***out of*** и ***из*** наблюдается в том случае, когда цель высказывания – указание на то, откуда родом, откуда прибыл, пришел X. В русском языке в таких случаях всегда используется предлог ***из***. В английском же, когда целью высказывания не является указание на выход из замкнутого или особого пространства, а необходимо установить первоначальное местонахождение или местожительство X, даже с трехмерными замкнутыми объектами используется предлог ***from***, а не ***out of***.

У обоих предлогов можно выделить динамическое и статическое значение, но при этом русский и английский предлоги указывают на абсолютно различные типы пространства. ***Из*** указывает на внутреннее пространство Y, которое являлось первоначальным местоположением X (*Алеша – мальчик **из** деревни*), а ***out of*** передает информацию о нахождении X за пределами Y (*She tried to keep him **out of** the premises*).

Между русским предлогом ***из*** и английским ***out of*** не существует полного семантического параллелизма. Значение предлога ***из*** коррелирует с английскими предлогами ***out of*** и ***from***. Важным результатом исследования является установление того, что в сознании носителей английского и русского языков одни и те же объекты экстралингвистической реальности находят разные способы концептуализации; это влечет за собой употребление не обычных соответствующих в двух языках пар предлогов (как, например, ***из – out of***), а других предлогов (например, ***из – from*** или ***out of – с***).

Для использования предлога ***from*** в значении указания на место первоначального пребывания X – «откуда X?» (***from 1***) с тем или иным релятумом важно, чтобы Y имел такие пространственные параметры, которые позволили бы X находится в нем. При этом (в отличие от предлога ***out of***) форма Y, его качественные и функциональные характеристики не имеют значения.

Во втором значении предлог ***from*** указывает на удаление X из пространства, прилегающего к Y (близпространства), при этом Y должен быть объектом, вокруг которого может сформироваться такое пространство: либо благодаря его относительно большому размеру, либо его качественным характеристикам и функциональной предназначенности. Использование ***from 2*** невозможно, когда Y не обладает такими характеристиками. В этом значении предлог ***from*** соотносится со значением русского предлога ***от***.

В третьем значении предлог ***from*** указывает на удаление X от какой-либо точки, которая является начальной точкой перемещения X, если ***from*** употребляется в динамическом значении, и точкой отсчета расстояния нахождения X от Y, если ***from*** употребляется в статическом значении. ***From 3*** коррелирует со значениями всех русских предлогов «удаления» – ***из, от, с***, в зависимости от того, является ли отправная точка движения X внутренним пространством Y, близпространством или плоскостью/поверхностью соответственно.

В английском языке предлог ***from*** употребляется с географическими названиями для указания на удаление из пределов этих объектов. В русском языке в таких случаях используется предлог ***из***. Однако, в тех случаях, когда подчеркивается ограниченность территории большого города, его особое пространство и вносится элемент неожиданности, возможно также употребление предлога ***out of*** (*One of the advantages of Dublin is that one can get **out of** it as easily as any other city.*)

Сравнение предлогов ***from*** и ***off*** показало, что одна и та же экстралингвистическая ситуация может быть выражена разными языковыми средствами в зависимости от того, что важно для говорящего: указывается ли только направление движения X (***from***), или уточняется, с какой поверхности оно совершалось, была ли поверхность опорой для X (*The lady gets a shawl **from** the hook. She stands looking at the phone and then takes it **off** the hook*). В предложении с предлогом ***from*** говорящий констатирует то, где находилась и откуда сняли *шаль*, а во втором случае предлог ***off*** показывает важность для говорящего того, что *трубку* сняли с *телефона* (*крючка*), который служил опорой для нее и теперь возможно использование X по назначению (позвонить кому-нибудь или ответить на телефонный звонок).

В семантике русского предлога ***от*** отсутствует такое пространственное значение, которое бы соответствовало первому значению английского предлога ***from 1***, т.е. информация об удалении X из внутреннего трехмерного пространства Y с целью указания на первоначальное местонахождения X (откуда исходит движение, перемещение X).

Предлог ***от***, как и английский ***from 2***, имеет значение указания на удаление X из близпространства Y, размеры близпространства зависят от размеров и функциональных характеристик Y. Данное значение предлога ***от*** не реализуется в тех случаях, когда X находится слишком далеко от Y. В отличие от английского ***from***, в качестве обязательного требования для употребление русского предлога ***от*** выступает способность Y создавать вокруг себя близпространство. Нахождение X в этом близпространстве позволяет Y и X оказывать взаимное влияние, которое проявляется тем сильнее, чем ближе к Y находится X.

Второе значение предлога ***от*** (как и одно из значений ***from***) выражается в указании на удаление X от какого-либо объекта – Y, который представляется как точка. Y является начальной точкой перемещения X, если ***от*** употребляется в динамическом значении, и точкой отсчета расстояния нахождения X от Y, если ***от*** употребляется в статическом значении.

От может указывать на то, что Y является источником распространения запаха, света, тепла, которые заполняют близпространство Y. В таких случаях именно Y является источником исходящего тепла, запаха, света (в отличии от предлогов ***из*** и ***с***, которае указывают на пространство или место, откуда распространяется X) (*В городе такого запаха* ***от*** *молока Бим не чуял ни разу… А* ***из*** *ведра пахло молоком. Пахнет овцами, сильно пахнет* ***со*** *двора*).

Английский предлог ***off*** характеризуется многозначностью. Он имеет по меньшей мере два четко выраженных пространственных значения: указание на удаление X с поверхности Y, которая выполняла функцию опоры для X (динамическое значение), и указание на нахождение X за пределами поверхности Y (иногда на некотором расстоянии от нее), что препятствует использованию ее как опоры и указывает на отсутствие возможности оказания Y влияния на X (статическое значение).

В значении перемещения с функциональной опоры предлог активизирует в сознании представление о поверхности Y, независимо от реальных пространственных характеристик Y, выделяя в нем лишь значение опоры для X. В трехмерном Y выделяется только одна из поверхностей, на которой находится X. С общественным транспортом, представляющим собой вместилище, ***off*** передает идею использования Y по назначению – как средства передвижения. У двухмерных Y ***off*** подчеркивает наличие ограниченной поверхности и передает оттенок скользящего движения при удалении X с ее поверхности. В семантику предлога ***off*** входит идея о перемещении X с функциональной опоры Y по вертикальной оси сверху вниз.

Предлог ***off*** имеет наиболее четкие семантические отличия от значения английского ***out of***, так как ***off*** ни в одном из своих значений не передает информацию об удалении X из внутреннего или объемного пространства Y. Различия между вторым значением ***off*** и ***from 3***, заключается в том, что ***off*** указывает на нахождение X за пределами поверхности Y (иногда на некотором расстоянии), что не позволяет использовать Y как опору, ***from*** же указывает на удаление от точки начального положения X или точку начала отсчета расстояния. Английский предлог ***off*** в разных значениях может коррелировать с такими русскими предлогами удаления, как ***с*** и ***от***. Общим для предлогов ***off*** и ***с*** является значение удаления с поверхности, которая является основой для X. В значении нахождения за пределами поверхности Y, которая могла бы служить опорой для X, ***off*** коррелирует с русским предлогом ***от***.

Русский предлог ***с*** имеет несколько пространственных значений. Существуют определенные ограничения на употребление данного предлога с рядом релятумов. В значении указания на удаление X с поверхности Y, которая служила опорой для X, предлог ***с*** не употребляется, если релятум не может служить опорой сам или у него нет ни одной поверхности, которая могла бы выполнять эту функцию.

Предлог ***с*** активизирует в сознании носителей языка именно ту часть релятума, которая может служить опорной поверхностью для X в тех случаях, когда Y допускает

различные варианты пространственной концептуализации (например, может быть представлен как объемное пространство, как точка и может создавать вокруг себя близпространство) в зависимости от употребления с тем или иным предлогом удаления.

Важным выводом стало то, что в значении предлога ***с*** присутствует функциональный компонент (Y – опора для X), который в некоторых случаях преобладает над пространственным компонентом значения. В таких ситуациях Y может не представлять собой поверхность, а X может не находиться непосредственно на Y: Y выполнял свою функцию опорного предмета через какие-либо другие предметы. Предлог ***с*** может также вносить идею об освобождении Y от X. X при этом, как правило, осуществляет движение направленное по вертикальной оси сверху вниз.

Как и английский предлог ***from***, русский ***с*** может указывать на первоначальное местоположение X, если Y – плоскость, поверхность. Функциональный компонент значения в таких случаях не так четко выражен и может быть не важен для описания всей ситуации.

При употреблении с существительными, которые не представляют собой реальную плоскость, предлог ***с*** вводит в представление о денотате таких слов идею плоскости или места. Предлог ***с*** может также указывать на опорную точку, с которой осуществляется какое либо действие. В реальности Y может быть объектом с любыми пространственными характеристиками (пространство, плоскость, точка), но в сознании они представляются как некоторая исходная точка или точка отсчета.

В значении удаления X с поверхности, которая являлась опорой и при передаче идеи освобождения Y от X русский предлог ***с*** (***со***) коррелирует с английским предлогом ***off***, при указании на удаление с первоначального местонахождения X – с английским ***from***. Английский предлог ***out of*** не является коррелятом русского ***с*** (т.е. у них нет одинаковых значений). Случаи, когда пространственная ситуация в русском языке описывается при помощи ***с***, а на английский язык переводится при помощи предлога ***out of***, объясняются различной концептуализацией объектов представляющих релятум в сознании носителей русского и английского языков (русский ***с*** требует концептуализации объекта как плоскости/поверхности, а английский ***out of*** как объемного пространства).

Результаты исследования интегральных и дифференциальных значений предлогов «удаления» в английском и русском языках представлены в виде таблицы 1.

Таблица 1.

Сопоставление пространственных значений предлогов ***out of, from, off*** и ***из, от, с***

	удаление из пространства, концептуализируемого как объемное с особыми функц. и качест. характеристиками	указание на пространствопредшествовавшего нахождения X	нахождение X вне пространства Y	удаление X из «близпространства» Y	удаление части от целого	удаление с поверхности - опоры	удаление с поверхности, места первоначального нахождения X (откуда X?)	нахождение X вне пределов поверхности опоры (на к-л. расстоянии от нее)
out of	+	–	+	–	–	–	–	–
из	+	+	–	–	–	–	–	–
from	–	+	–	+	+	–	+	–
от	–	–	–	+	+	–	–	+
off	–	–	–	–	–	+	–	+
с	–	–	–	–	–	+	+	–

ЛИТЕРАТУРА

1. Маляр Т.Н., Селиверстова О.Н. (1998). Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках. Munchen, Verlag Otto Sagner.

2. Alexander L.G. (1988). Longman English Grammar. – Longman Group UK Ltd.

3. Brugman C. (1988). The story of 'over'. In *Poliysemy, semantics and the structure of the lexicon*, Berkeley: Garland Press, 11-21.

4. CGEL - Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. (1985). A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman and New York Longman. Group UK ltd.

5. Chalker S. (1991). Current English Grammar. London: Mac Millan.

6. Garrod S.C., Sanford A. J. (1989). Discourse models as interfaces between language and the spatial world. *Journal of Semantics* (6), 147-160.

7. Hawkins B. (1988). The category Medium. In Rudzka-Ostyn, Brigida (Eds.), *Topics in Cognitive Grammar.* Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 231-270.

8. Herskovits A. (1988) Spatial expressions and the plasticity of meaning. In Rudzka-Ostyn (Eds.), *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 19 - 34.

9. Jackendoff R., Landau B. (1991). Spatial Language and Spatial Cognition. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

10. Talmy L. (1983). How Language Structures Space. *Spatial Orientation. Theory, Research and Application.* New York; Oxford: Oxford University Press, 225-281.

11. Taylor J.R. (1995). Linguistic Categorization. *Prototypesin Linguistic Theory* (second edition). Oxford: Clarendon Press, 109-116; 271-281.

12. Vandeloise C. (1994). Methodology and Analyses of the Preposition. *Cognitive Linguistics*, 5 (2), 157-184.

CONSEPTUALISATION OF SPACE AND SEMANTICS OF ENGLISH AND RUSSIAN PREPOSITIONS[2]

Irena Borozdina[3]

ABSTRACT

Cognitive linguistics has dramatically changed the approach to the study of language semantics, and, as a result of this, the meaning of such linguistic units as prepositions (which until recently were treated as formal grammatical markers) appears to be no less comprehensive, complicated and culturally rooted than the meaning of all other words. The use of the conceptual approach to the study of prepositional semantics enables the researcher to understand the concepts activated by the meaning of the preposition. Depending on the type of the spatial relations between extra-linguistic objects such concepts can have geometrical, topological and functional characteristics, the latter being essential for most preposition meanings as they help to differentiate between the meanings and function of synonymous prepositions (for example, English prepositions *out of, from, off* and the corresponding Russian ones – *из, от, с*). A comparative study of semantics of corresponding prepositions in different languages

[2] © Irena Borozdina 2004

[3] Kursk State University Department of Foreign Languages

throws light on the way the representatives of different linguo-cultural communities structuralize and conceptualize space, spatial objects and relations. For example, the English preposition *out of* corresponds to the Russian *из*, as they both mean "a removal of an object from a three-dimensional space or from a container", but the English expression *Get out of my way* is translated into Russian as *Уйди с моего пути*, where *out of* is translated by the Russian preposition *с*, which meaning is "a removal from a two-dimensional surface or from a supporting surface/point". Such discrepancies can be explained by the differences in the way the English and Russian speaking communities structuralize and conceptualize the landmark (*way*). The conceptual approach can be helpful in the solution of some problems of polysemantic prepositions (for example, in defining the number of meanings a preposition has) and in finding out integral and differential meanings of corresponding prepositions in two languages.

KEYWORDS
space, cognition, conceptualization, semantics, prepositions

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ДИНАМИКА ПОЗНАНИЯ

Игорь Высоков

ВВЕДЕНИЕ

А. Коллинз и Э. Лофтус в середине 70-ых годов прошлого века (Collins & Loftus, 1975) предложили концептуальную модель, в которой семантическую память описывается как квазипространственная сетевая структура, узлы которой отражают значения, а ребра — семантические отношения между ними (принадлежности, субординатности и т.д.). В процессах познания происходит активация определенной части этой семантической сети и передача возбуждения от этой части к другим по ребрам сети. Эти процессы могут генерироваться и намеренно самим субъектом в процессе решения конкретных когнитивных задач. Коллинз и Лофтус описали некоторые возможные процедуры взаимодействия с этой семантической сетью. Однако их представления носили в целом довольно абстрактный характер, что дало основание некоторым исследователям говорить о том, что модель распространения возбуждения открывает возможность **объяснить** любой феномен, но не дает возможности **предсказать** какое-либо явление или какую-либо закономерность более или менее определенно (Smith, 1978). Именно поэтому модель Коллинза и Лофтус получила признание в качестве общего принципа функционирования памяти, но не в качестве конкретной модели организации знаний и значений в памяти человека. Представляется необходимым поэтому, взяв сетевую модель за основу, попытаться достроить ее, придав ей более конкретное выражение.

Во-первых, необходимо предположить, что в инактивированном состоянии семантическая сеть актуально не существует, т.е. ее части (элементы) уйдут себя вполне автономно, независимо друг от друга. Тем но менее, в этой состоянии семантическая сеть существует в качестве потенциального образования.

Во-вторых, необходимо предположить, что в состоянии активации семантическая сеть существует не как глобальное целое, а в виде отдельных подсистем, имеющих свою собственную структуру, формирующуюся *ad hoc* под влиянием вышележащих процедур. Взаимодействие элементов внутри этих подсистем определяется их системными свойствами.

ЭЛЕМЕНТЫ И ОТНОШЕНИЯ

Э. Рош и ее коллеги (Rosch, Mervis, Gray, Johnson, & Boyes-Braem, 1976) анализировали функциональные различия между уровнями иерархии в категориальных структурах (семантической памяти). Было высказано предположение о том, что каждый уровень семантической иерархии — субординатный, средний и суперординатный — функционально приписаны к различным когнитивным задачам. Наиболее универсальный является средний уровень, синтезирующий функции субординатного уровня, описывающего наиболее специфические признаки предмета, и суперординатного уровня, описывающего признаки более или менее широкого класса предметов. К субординатному уровню, например, относится категория «малиновка», а к суперординатному — «животное». Средним уровнем абстракции и потому наиболее инклюзивным является для данного случая категория «птица». Рош et al. выдвинули идею о том, что средний уровень абстракции описывает наиболее существенные признаки предмета на основе принципа валидности сигнала (см. однако Murphy, 1984). Поэтому этот уровень категоризации был назван базовым.

В серии экспериментальных исследований, проведенных Рош et al., а также в последующих исследованиях был обнаружен целый ряд чрезвычайно интересных закономерностей, касающихся семантики познания.

Было обнаружено, в частности, что число признаков, приписываемых категориям суперординатного уровня, заметно меньше числа признаков, приписываемых категориям

нижележащих уровней. Базовый уровень оказался наивысшим уровнем, количество признаков на котором не меньше количества признаков на нижележащих уровнях (Rosch et al., 1976).

Другие исследователи показали, что между различными уровнями семантической иерархии наблюдаются не только количественные, но и качественные различия. Так, признаки суперординатного уровня представляют собой по большей части примеры категорий, либо отражают отношения данной категории к другим категориям (Hoffmann, 1982). Признаки нижележащих уровней являются описаниями наглядных свойств предметов (Hoffmann, 1982; Murphy & Smith, 1982), причем, признаки базового уровня представляют собой описания частей и материала предметов (Tversky & Hamenway, 1984). Кроме того, было показано, что признаки базового уровня являются наиболее специфичными, т.е. относятся лишь к одной категории и не относятся к другим. В то же время на субординатном уровне наблюдается сильное пересечение признаков, относящихся к различным категориям (Tversky & Hamenway, 1984).

Наиболее интересным в свете дальнейших исследований оказался тот факт, что верификация суждений, содержащих базовые категории, занимает меньше времени, чем верификация суждений, содержащих суб- и суперординатные категории (Rosch et al., 1976). Рош и Мервис (Rosch & Mervis, 1975) считают, что в основе этого лежит все тот же механизм семейного сходства. Другие исследователи предлагают другие объяснения. Некоторые из них будут вскоре рассмотрены. При этом, однако, следует иметь в виду, что эффект базового уровня не является специфичным для категорий. Подобные эффекты были обнаружены и применительно к пространственным сценам и скриптам (Canter, Mischell, & Schwartz, 1982; Tversky & Hamenway, 1983; Rifkin, 1985).

Анализируя проблему базового уровня абстракции применительно к предметным категориальным структурам, Хофман (Hoffmann, 1982) выделяет два вида свойств: сенсорные и категориальные признаки.

Сенсорные признаки отражают отношение отдельного референта (конкретного или абстрактного) данного значения к его частям, как например: канарейка — желтая; канарейка — крылья и т. п. В экспериментах было показано, что наибольшее число такого рода отношений свойственно категориям базового уровня. Под категориями в данном случае имеются в виду и представления о предметах, и представления о предметных сценах и направлениях их развития (Rifkin 1985). Чаще всего, когда говорят о признаках какого-либо понятия, имеют в виду сенсорные признаки, хотя нет абсолютно никаких оснований предполагать, что любое значение (понятие) может быть полностью описано только с помощью сенсорных признаков.

Для категорий более высокого (суперординатного) уровня более характерны признаки, описывающие отношения между различными категориями, образующими иерархию значений, как например: птица — канарейка; мебель — стул и т.п. Эти признаки Хофман называет категориальными.

Именно спецификация признаков лежит в основе современного выделение различных уровней обобщения, хотя само деление категории на категории суперординатного, базового и субординатного уровня исторически предшествовало выделению сенсорных и категориальных признаков.

Сенсорные и категориальные признаки формируют эмпирическую основу понятия. Абстрактно-эмпирический подход лежал в основе большинства исследований по семантической памяти. Вместе с тем, на мой взгляд, было бы ошибкой считать, что только эти признаки и могут описать всю сложность понятия. Остается невыясненным функциональный аспект значения.

Мэрфи и Броунелл (Murphy & Brownell, 1985) изучали эффект превосходства базового уровня категоризации, варьируя типичность категорий субординатного уровня, которые являются примерами категорий базового уровня. Известно, что эффект превосходства базового уровня категоризации среди прочего выражается в том, что то или

иное изображение быстрее опознается на уровне категории именно этого уровня. Так, если испытуемому для опознания (категоризации) предъявляется изображение канарейки, то он скорее всего вначале сообщит, что видит птицу, и лишь после этого произведет спецификацию (канарейка) или генерализацию (животное). Мэрфи и Броунелл высказали предположение о том, что атипичные примеры базовых категорий (категории субординатного уровня по определению) должны вести себя в процессах опознания (категоризации) изображений как базовые категории. Иными словами, ожидалось, что одна и та же категория может выступать в одно случае базовой, а в другом — суперординатной, в одном случае субординатной, а друга — базовой. Например, для изображения бульдозера базовой должна быть категория «бульдозер», а не трактор», как можно было бы ожидать, исходя из традиционных взглядов. В то же время для других примеров трактора базовой категорией будет выступать категория «трактор», а не что-либо иное.

Высказанные предположения были полностью подтверждены экспериментально.

В другом исследовании (Murphy & Wisniewski,1989) анализировался эффект превосходства базового уровня для различных случаев опознания одного и того же предмета.

Изображение одного и того же предмета (например, пилы) предъявлялось отдельно и в контексте изображений других предметов, относящихся к одной и той же суперординатной категории (в данном случае в контексте других видов инструментов), причем, сами предметы могли включаться в контекст какой-либо пространственной сцены (например, в контекст мастерской), предъявлению изображению предшествовало кратковременное предъявление названия категории (например, «инструмент» или «пила»), после предъявления Изображению предшествовало предъявление маркера, показывавшего к какому конкретно предмету относилась указанная ранее категория, если предмет на картинке предъявлялся в контексте пространственной сцены, либо просто сигнал для ответа, если предмет предъявлялся отдельно. Задача испытуемого состояла в том, чтобы как можно скорее определить, относится ли данный предмет к указанной категории.

Как и следовало ожидать, в случае предъявления изображения отдельного предмета наблюдался эффект превосходства базового уровня, т.е. преднастройка «пила» вела к кратчайшему времени реакции. В случае же, когда изображение предмета предъявлялось вместе с другими предметами в контексте пространственной сцены, эффект превосходства базового уровня не наблюдался: скорость ответа испытуемого была одинаковой для категории «инструмент» (суперординатной категории) и для категории «пила» (базовой).

Все эти результаты наводят на мысль о том, что категориальные структуры памяти получают свое содержательное наполнение не только в плане спецификации их эмпирических признаков (сенсорных и категориальных), но более широком ситуативном контексте.

Хорошо известно, что один и тот же предмет различных ситуациях может выполнять различную функцию. Так, например, стул в одном случае может служить средством для сидения, а в другом — в качестве средства для запирания дверей. Чаще всего то или иное функциональное назначение предмета в различных ситуациях не связано напрямую с теми или иными его сенсорными и категориальными признаками, а вычленение функциональных возможностей предмета в ряде случаев становится самостоятельной проблемой, что иногда используется в качестве методического приема диагностики творческих способностей. Напротив, в одной и той же ситуации различные предметы могут выполнять одну и ту же функцию. В отсутствие стульев сидеть можно на ящике из-под овощей, на подоконнике или просто на полу. Может так случится, что различные предметы, выполняющие одну и ту же функцию, не имеют общих сенсорных признаков и выражают различную категориальную принадлежность.

Все эти факты, как мне кажется, дают основание говорить о существовании особого вида признаков, описывающих содержание понятия в плане развертывания определенного вида активности человека, которые в принципе не могут быть сведены только к

категориальным или сенсорным свойствам абстрактного понятия, рассмотренного вне контекста человеческой деятельности. Эти признаки можно было бы назвать системно-тематическими, в том смысле, что они возникают системе конкретных тематических связей, таких как: стул — дверь, стул — сидеть и т.п. По-видимому, системно-тематические признаки являются одним из видов контекстно-зависимых признаков, описанных Л. Барсалоу (Barsalou 1982), однако не сводятся ним.

Таким образом, можно выделить два вида памятки: понятия эмпирические, и основе которых лежат эмпирические (сенсорные и категориальные) признаки, и понятия системные, в основе которых лежат системно-тематические признаки.

Попытка операционального разделения этих двух видов понятий в плане решения проблемы о соотношении категориальных и схематических знаний была предпринята в одной из моих работ (Высоков, 1993). В качестве эмпирического критерия была выбрана структура репертуарной решетки, получаемой по методу Дж. Келли. В качестве конструктов решетки были выбраны именные предикаты из определений понятия «гость», а в качестве элементов решетки — признаки категориальных *vs* схематизированных описаний данного понятия. В эксперименте приняли участие две группы испытуемых. Все они оценивали примеры названного понятия дважды. Испытуемые контрольной группы (15 человек) оба раза осуществляли оценивание относительно существенных признаков понятия «гость», а экспериментальной группы (13 человек) вначале осуществляли ту же процедуру, а затем оценивали примеры относительно деталей когнитивной схемы «прием гостя». Между первой и второй серией эксперимента проходило от 7 до 12 дней.

В качестве зависимой переменной были рассмотрены величина и характер связей между конструктами. В результате выявлен целый ряд количественных закономерностей. В частности, показано, что решетка, построенная на оценивании признаков схемы (нечто близкое к выделенным здесь системно-тематическим признакам, хотя и не тождественное им), характеризуется большей величиной связей между конструктами, меньшой размерностью факторного пространства (Рис. 1) и, что наиболее интересно, большей ролью первого фактора в ее структуре (Рис. 2), по сравнению с решеткой, построенной на оценивании признаков категории. К сожалению, в виду особенностей применявшегося метода статистической обработки репертуарных решеток их качественная интерпретация оказалась трудной, что в целом снижает ценность полученных результатов.

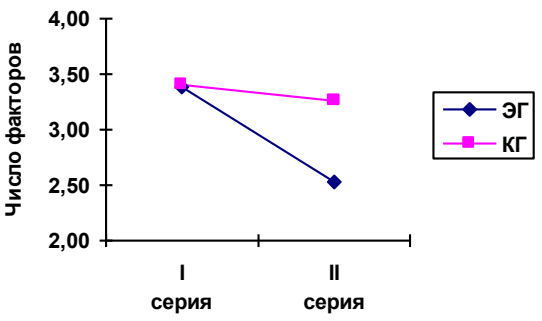


Рис. 1 . Число факторов, описывающих структуру решетки, у испытуемых экспериментальной (ЭГ) и онтрольной (КГ) групп

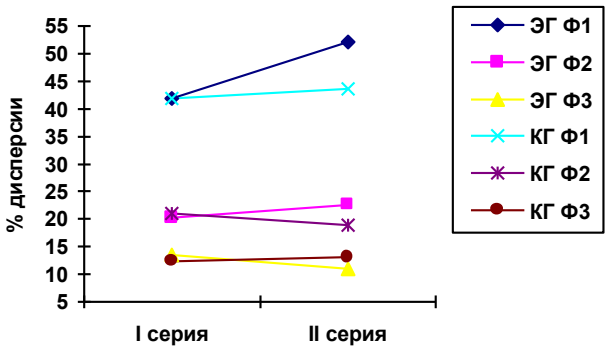


Рис. 2. Процент дисперсии, приходящейся на первые три фактора (Ф1, Ф2, Ф3) , у испытуемых экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) групп

ПРОЦЕДУРЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Руководствуясь приведенными соображениями, можно говорить о существовании в системе познания человека трех видов семантических процедур, связанных с

конструированием эмпирических и системных понятий. Таковыми процедурами являются процедуры сопоставления сенсорных признаков, процедуры верификации категориальных признаков (отношений) и процедуры разработки системно-тематического контекста. Проблема верификации эмпирических признаков уже достаточно подробно была разработана в многочисленных исследованиях семантической памяти (см. Smith, 1978), поэтому сразу перейду к анализу, касающемуся проблемы разработки системно-тематического контекста.

Процедура верификации тематических отношений, как мне представляется, является сложной и включает себя, по меньшей мере, две более или менее элементарные процедуры: процедуру разработки собственно тематических отношений (т.е. все, что связано с построением тематических — пространственно-временных — структур познания) и процедуру верификации системно-тематических признаков.

Проблема тематической организации памяти также уже довольно детально исследовалась в психологии познания. Поэтому сразу перейду к проблеме вычленения и анализа системно-тематических признаков в контексте той или иной пространственно-временной схемы опыта. Эта проблема находится лишь в самом начале ее исследования. Поэтому дальше будут описаны лишь самые общие подходы к ее возможному решению.

Санфорд и Гаррод (Sanford & Garrod, 1982) изучали работу семантической памяти в контексте общих процессов языковой обработки. В частности, их интересовала проблема распознавания анафоры. Испытуемому давался небольшой текст, состоявший всего из двух предложений, например:

[а] Ветер с силой раскачивал деревья

[б] Мощные дубы клонились к земле.

Первое предложение указывало на возможный референт с помощью названия семантического класса (категории; в данном случае «дерево»), второе — с помощью названия примера данной категории (в данном случае «дуб»). После того, как испытуемый прочитывал такой текст, ему предъявлялось тестовое суждение, как например:

[в] Ветер с силой раскачивал дубы.

От испытуемого требовалось определить истинность такого суждения. Предполагалось, что процессы верификации суждений, подобных [в], в конечном счете определяются наиболее общими принципами организации семантической памяти, как то, типичность или доминантность примера (продуктивная частотность). Иными словами, ожидалось, что ответ испытуемого должен опосредствоваться суждением типа «Дуб — это дерево», и чем выше типичность (доминантность) примера, тем быстрее должен выдаваться ответ «истинно». Это предположение полностью подтвердилось экспериментально (Garrod & Sanford, 1978).

Позже Рот и Шобен (Roth & Shoben, 1983) расширили диапазон подобного рода экспериментов. Варьируя контекст первого предложения текста, они обнаружили для определенных видов контекстов наличие отклонения во времени реакции на тестовое суждение по сравнению с предсказанным на базе представлений об организации семантической памяти, в частности, представлений о градуальной организации естественных категорий. Они выделили три вила контекстов: нейтральный, положительный и отрицательный. Так, контекст предложения [а] не предполагает более конкретной референции предложения [б], т.е. указание на дерево в контексте предложения [а] не предполагает дуб в качестве наиболее возможного примера этой категории. В отличие от контекста предложения [а] контекст предложения [г] предполагает скорее референцию [е], чем [ж]. Таким образом, в случае предложения [г] мы имеем дело с не нейтральным контекстом. По отношению к предложению [е] он является положительным а по отношению к предложению [ж] — отрицательным. Обратное справедливо по отношению к контексту предложения [д].

[г] Бывая на ферме, Стаси любит доить животных.

[д] Бывая на ферме, Стаси любит кататься на животных.

[е] Стаси очень любит коров.

[ж] Стаси очень любит лошадей.

Рот и Шобен в серии экспериментов показали, что в нейтральном контексте установление анафорических связей типа корова — животное или лошадь — животное требует примерно одинакового времени. В более общем плане, скорость установления анафорических связей в нейтральном контексте зависит от степени типичности гримера, не важно, каким образом измеренной. Использование положительного контекста приводит к уменьшению времени реакции испытуемого, а использование отрицательного контекста — к ее увеличению, причем, независимо от типичности примеров.

Далее Рот и Шобен обнаружили, что сами показатели типичности в конкретном семантическом (не нейтральном) контексте подвергаются трансформации. Рот и Шобен считают, что это связано с тем, что контекст актуализирует лишь вполне определенные признаки. Это так называемые контекстно-зависимые признаки (Barsalou, 1982). Если актуализированные признак соответствуют признакам примера, немедленно генерируется положительный ответ, если нет — происходит перебор признаков. Иными словами. Рот и Шобен считают, что с некоторыми коррективами обнаруженные эффекты могут быть объяснены в рамках абстрактно-эмпирической парадигмы теоретиков семантической памяти. Позже, однако, были получены данные, позволяющие сомневаться в возможности такого вывода (McKoon & Ratcliff, 1989).

Дело в том, что объяснение, которое предлагают Рот и Шобен, предполагает, что примеры категории, обладающие большим числом общих признаков, должны обрабатываться примерно одинаковым образом. На самом деле, как было показано в более поздних экспериментах, это не всегда так (McKoon & Ratcliff, 1989). Грейпфрут и апельсин, водка и пиво имеют большое число общих признаков. Однако в контексте рассказов о приготовлении сока упоминание о фрукте скорее влечет предположение о апельсине, чем о грейпфруте, равно как и в контексте рассказов о российском быте упоминание о напитке скорее влечет предположение о водке, чем о пиве.

Все эти данные наводят на мысль о том, что в плане функционирования схематизированных знаний происходит выделение особых признаков предмета, которые в предыдущем параграфе были названы системно-тематическими.

Возвращаясь к вопросу об эмпирических процедурах, связанных с анализом сенсорных и категориальных признаков (отношений), следует напомнить, что работа этих процедур определяется общими закономерностями организации семантической памяти. Эти закономерности можно описать с помощью ограниченного набора семантических переменных. Выделение таких переменных связано с интерпретацией довольно общих феноменов функционирования значений. Почти все эти феномены связаны с процессами верификации суждений, построенных по типу *S* есть *P* либо *S* имеет *P* (например, канарейка — это птица, канарейка желтая и т.п.). Таких переменных в предыдущей главе было выделено шесть, хотя вряд ли этот список можно считать исчерпывающим.

Объем категории. Выделение этой переменной связано с очевидным фактом того, что различные категории описываются различным числом примеров, составляющих их содержание. Эта переменная выражает процессы сканирования взаимопересечений «категория — пример». Так как большинство естественных категорий не имеют четко очерченных границ, а представители практически всех семантических классов обладают общими признаками, объем категории выражает лишь процессы абстрагирования понятийного содержания. Поэтому эта переменная вряд ли описывает самостоятельные процедуры базового познания.

Семантическая связность. Выделение этой переменной связано с фактом того, что они суждения, построенные по типу *S* есть *P*, оцениваются как более естественные по сравнению с другими суждениями подобного рода. Процессы, стоящие за этой переменной, представляют собой анализ признаков субъекта и предиката (Smith, Shoben, &

Rips, 1974), либо восхождение от одного узла семантической сети к другому (Collins & Quillian, 1970; Collins & Loftus, 1975).

Типичность. Выделение этой переменной обусловлено тем фактом, что одни примеры категорий оцениваются как «хорошие», а другие — как «плохие» (Rosch, 1973; 1975a; 1975b; Mervis & Rosch, 1981; Высоков, Люсин, 1998). В настоящее время все еще не вполне ясно, какие семантические процессы выражаются этой переменной (см. также Barsalou, 1985).

Категориальная доминантность. Выделение этой переменной связано с фактом того, что одни категории выбираются с большей вероятностью в качестве суперодинат того или иного значения по сравнению с другими (Loftus & Scheff, 1971; Loftus, & Suppes, 1972; Glass et al., 1974; Loftus, 1973; Chumbley, 1986; Casey, 1992). Эта переменная описывает процесс нахождения импликаций «пример → категория» (Glass & Holyoak, 1975).

Доминантность примера (продуктивная частотность). Выделение этой переменной связано с фактом того, что одни объекты приводятся в качестве примеров заданной категории с большей вероятностью, чем другие (Battig & Montague, 1969; Hampton & Gardiner, 1983; Casey & Heath, 1988; Люсин, 1996; Высоков, Люсин, 1997). Предполагается, что эта переменная синтезирует эффекты прототипичности и частотности слова (Rosch, 1973).

Знакомость. Выделение этой переменной связано с фактом различной длительности процессов, связанных с идентификацией значений различных вербальных единиц. Конкретная реализация этих процессов в системе познания пока не ясна (McCloskey, 1980; Hampton & Gardiner, 1983).

Так как все эти переменные высоко коррелируют друг с другом, исследования по семантической памяти долгое время были посвящены выяснению вопроса о первичности эффектов, выражаемых той или иной из них. Позже выяснилось, во-первых, что процессы верификации могут определяться самыми различными семантическими механизмами (Lorch, 1978), и во-вторых, что для различных когнитивных задач центральными могут стать различные переменные (Lorch, 1981).

Можно, таким образом, предполагать, что эффекты процедур анализа сенсорных свойств могут, в частности, проявляться в фактах семантического сходства, или семантической связности, описанных в исследованиях по семантической памяти (см., например, Collins & Quillian, 1972a; 1972b; Smith, Shoben & Rips, 1974). Это предположение подтверждается исследованиями, в которых испытуемые верифицировали суждения, построенные по типу *S* имеет *P*, как истинные, так и ложные, в которых единственно наблюдаемым феноменом был феномен семантической связности (Lorch, 1981).

Что касается собственно категориальных отношений, то есть все основания предполагать, что процессы их верификации описываются семантическим процессом поиска категориальных субординат и суперординат, выражаемым в мерах продуктивной частотности и категориальной доминантности (см. Chumbley, 1986; Высоков, 1996; однако Casey, 1992).

Сложнее обстоит дело с процедурами анализа и разработки тематического контекста. Эта проблема практически не исследовалась в психологии. Одно из возможных предположений по этому поводу состоит в том, что эти процессы проявляются в эффектах прототипичности. К такому выводу подводят поздние работы Э. Рош (см. Mervis & Rosch, 1981). В них было сделано предположение, что выделение прототипа происходит не столько на основе сопоставления эмпирических признаков и анализа семейного сходства, как это считалось ранее, хотя и это имеет место, сколько на основе анализа более широкого тематического контекста, в который включены представители этой категории. Так, например, категория «птица» в этом случае может быть определена как «то, что сидит за окном на ветке» (см. Величковский, 1982; Lakoff, 1986). Понятно, что такому определению могут соответствовать не все виды птиц, но лишь те, которые могут (физически) сидеть за

окном на ветке, т.е. птицы небольшого размера, умеющие летать. Другие птицы — большого размера и не умеющие летать — в таком контексте будут всегда оцениваться как атипичные. Из этого примера видно, что представления о типичности примеров категории могут быть описаны с помощью внешне наблюдаемых признаков, но в принципе не исчерпываются ими. Стоит только сменит экологический контекст, как тут же произойдет смена прототипа, а с ним и эмпирических признаков, описывающих категорию.

Косвенным доказательством этой гипотезы считаются работы Э. Рош, в которых испытуемым предъявлялись шаблоны, типа «_____ сидит за окном на ветке», в котором на место пропуска могли подставляться различные примеры птиц. Задача испытуемых состояла в том, чтобы оценить привычность получаемого суждения. Собранные таким образом данные были соотнесены далее с субъективными оценками прототипичности. В результате была отмечена довольно высокая степень соответствия между типичностью примеров и возможностью их подстановки в данный контекст.

Непосредственно, однако, не удалось получить доказательств в пользу гипотез такого рода. Так, в одном из моих экспериментов (Высоков, 1999) испытуемых просили оценивать различных представителей категорий «птица» (базовая категория) и «оружие» (суперординатная категория) по отношению к предварительно определенным самими испытуемыми деталям тематического контекста или существенным признакам. Эффекты прототипичности были отмечены лишь применительно к заявленным существенным признакам, которые в основном описывали качества возможного референта.

По-видимому, значительно более правильно сделать заключение о том, что типичность представляет собой сложную переменную, описывающую как семантическую близость, определяемую через механизм семейного сходства и/или категориальную доминантность, так и некоторые тематические отношения, которые также могут быть оценены с помощью продуктивных мер. Отсюда намечается второй путь анализа процессов распознавания тематических отношений в системе познание человека. Он заключается в поиске принципиально новых тематических переменных. Один из способов решения этой задачи — расщепление переменной типичность на ряд более элементарных составляющих, в частности, выделение такой семантической переменной как «тематическая доминантность» (см. Высоков, 2002).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М., 1982.

2. *Высоков И.Е.* Сравнительный анализ схематической и категориально-признаковой организации знаний. // Психологический журнал. 1993. Том 14. № 2. С. 36-43.

3. *Высоков И.Е.* Эффекты типичности в задачах распознавания семантических отношений. // Психологический журнал. 1996. Том 17. № 6. С. 95-101.

4. *Высоков И.Е.* Тематический контекст в системе организации естественных категорий. / Психологический журнал. 2002. Том 23. №5. С. 73-79.

5. *Высоков, И.Е.* Типичность в семантическом контексте. / Психологический журнал. 1999. Том 20. №3. С. 105-110.

6. *Высоков И.Е., Люсин Д.В.* Внутренняя структура естественных категорий: продуктивная частотность. // Психологический журнал. 1997. Том 18. № 4. С. 69-77.

7. *Высоков И.Е., Люсин Д.В.* Внутренняя структура естественных категорий: типичность. // Психологический журнал. 1998. Том 19. № 6.

8. *Barsalou, L.W.* Context-independent and context-dependent information in concepts. / Memory & Cognition, 1982, 10, 82-93.

9. *Barsalou, L.W.* Ad hoc categories. // Memory and Cognition. 1983. Vol. 11. P. 211-227.

10. Barsalou, L.W. Ideals, central tendency, and frequency of inslantiation as determinants of graded structure in categories. / Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition, 1985, 11, 629-654.

11. *Battig, W.F. & Montague, W.E.* Category norms for verbal items in 56 categories: A replication and extension of Connecticut Category Norms. // J. Exp. Psychology Monograph. 1969. Vol. 80. No. 3. Pt. 2.

12. *Canter, N., Mischell, W., & Schwartz, J.C.* A prototype analysis of psychological situations. / Cognitive Psychology, 1982, 14, 45-47.

13. *Casey, P.J., & Heath, R.A.* Category norms for Australians Australians. / Journal of Psychology, 1988, 40, 323-349.

14. Casey, *P.J.* A reexamination of the roles of typicality and category dominance in verifying category membership. // J. Exp. Psychol.: Learning, Memory, and Cognition. 1992, 18, 323-343.

15. *Chumbley, J.I.* The role of typicality, instance dominance, and category dominance in verifying category membership. // J. Exp. Psychol.: Learning, Memory, and Cognition. 1986, 12, 257-267.

16. *Collins, A.M., & Loftus, E.F.* A spreading activation theory of semantic memory. / Psychologycal Review, 1975, 82, 407-428.

17. *Collins, A.M., & Quillian, M. R.* Does category size affect categorization time? / Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1970, 9, 432-438.

18. *Garrod, S., & Sanford, A.* Interpreting anaphoric relations: The integration of semantic information while reading. / J. Verbal Learning and Verbal Behavior. 1977, 16, 77-90.

19. *Glass, A.L., & Holyoak, K.J.* Alternative conceptions of semantic memory. / Cognition, 1975, 3, 313-339.

20. *Glass, A.L., Holyoak, K.L., & O'Dell, C.* Production frequency and the verification of quantified statements. / J. Verbal Learning and Verbal Behavior. 1974, 13, 237-254.

21. *Hampton, J.A. & Gardiner, M.M.* Measures of internal category structure: A correlation analyses of normative data. / British J. Psychol. 1983, 74, 491-516.

22. *Hoffmann, J.* Representation of concepts and the classification of objects. // Klix, F., Hoffmann, J., & van der Meer E (Eds.). Cognitive research in psychology: Recent approaches, designs, and results Berlin: VEB, 1982. P. 72-89.

23. *Lakoff, G.* Classifiers as a reflection of mind. // Craig, C. (Ed.). Noun classes and categorization. Amsterdam: North Holland, 1986.

24. *Loftus, E.F., & Scheff, R.W.* Categorization norms for fifty representative instatnces. / Journal of Experimental Psychology, 1971, 91, 355-365.

25. *Loftus, E.F. & Suppes, P.* Structural variables that determine the speed of retrieving words from long-term memory. / Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1972, 11, 770-777.

26. *Loftus, E.F.* Activation of semantic memory. / American Journal of Psychology, 1973, 86, 331-337.

27. *Lorch, R. Jr.* The role of two types of semantic information in the processing of false sentences. / J. Verbal Learning and Verbal Behavior. 1978, 17, 523-537.

28. *Lorch, R.F. Jr.* Effects of relation strength and semantic overlap on retrieval and comparison processes during sentence verification. / Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1981, 20, 593-610.

29. *McCloskey, M.* The stimulus familiarity problem in semantic memory research. / Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1980, 19, 485-502.

30. *McKoon, G., & Ratcliff, R.* Inferences about contextualy defined categories. // J. Exp. Psychol.: Learning, Memory, and Cognition. 1989, 15, 1134-1146.

31. *Mervis, C.B. & Rosch, E.* Categorization of natural objects. // Annual Review of Psychology. 1981, 32, 89-115

32. *Murphy, G.L., & Brownell, H.H.* Category differentiation in object recognition: Typicality constraints on the basic category advantage. / J. Exp. Psychol. 1985, 11, 70-74.

33. *Murphy, G.L., & Smith, E.E.* Basic level superiority on picture categorization. / Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1982, 21, 1-20.

34. *Murphy, G.L., & Wisniewski, E.* Categorizing objects in isolation and scenes: What a superordinate is good for? // J. Exp. Psychol. 1989, 15, 572-586.

35. *Murphy, G.L.* Cue validity and levels of categorization. / Psychological Bulletin, 1984, 91, 174-177.

36. *Rifkin, A.* Evidence for a basic level in event taxonomies // Memory and Cognition. 1985. V. 13, 538-556.

37. *Rosch, E.* Cognitive representation of semantic categories. // J. Exp. Psychol.: General. 1975a, 104, 192-233.

38. *Rosch, E.H.* On the internal structure of perceptual and semantic categories. In: T.E. Moore (Ed.). Cognitive development and the acquisition of language. N.Y.: Academic Press, 1973.

39. *Rosch, E. & Mervis, C.B.* Family resemblance: Studies in the internal structure of categories. // Cognitive Psychology. 1975, 7, 573-605

40. *Rosch, E., Mervis, C.B., Gray. W.D., Johnson, D.M., & Boyes-Braem, P.* Basic objects in natural categories. // Cognitive Psychology. 1976, 8, 382-439

41. *Rosch, E.H.* Cognitive reference points. // Cognitive Psychology. 1975b, 7, 532-547.

42. *Roth E.M., & Shoben, E.J.* The effect of context on the structure of categories. / Cognitive Psychology, 15, 346-378. 1983

43. *Sanford, A.J., & Garrod, S.C.* Towards a psychological model of written doscourse comprehension. In: Le Ny, J.F., & Kintsch, W. (Eds). Language and comprehension. Amsterdam: North-Holland, 1982

44. *Smith, E.E.* Theories of semantic memory. In: W.K. Estes (Ed.). Handbook of learning and cognitive processes, 6. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1978.

45. *Smith, E., Shoben, E.J., & Rips, L.J.* Structure and process in semantic memory. // Psychol. Rev. 1974, 81, 214-241.

46. *Tversky, B., & Hamenway, K.* Objects, parts, and categories. // J. Exp. Psychol.: General. 1984, 113, 169-193.

SEMANTIC NETWORK AND DYNAMIC OF COGNITION[4]

Igor Visokov [5]

ABSTRACT

A cognitive model that describes basic organization and dynamic of human memory is proposed. It hypothesizes some semantic network consisting of potential *ad hoc* compilation of cognitive prototypes. This network is dynamically structured to solve cognitive processing tasks by some semantic procedure, i.e. (1) sensory features verification procedure; (2) category features verification procedure; and (3) context-dependent features verification procedure. The model was previously explored in some cognitive experiments which results were published earlier and in this paper are discussed in the framework of the model proposed.

KEYWORDS

human memory, semantic network, semantic procedure, typical

[4] © Igor Vysokov, 2004

[5] Institute of Psychology Russian State Humanities University, vysokov@psychology-online.net

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА

Е.В.Витлицкая

Гендерные исследования – новое направление гуманитарной науки. В центре его внимания находятся культурные и социальные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в связи с принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах – все то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры.

В настоящее время в лингвистике все больше внимания уделяется гендерным исследованиям, поскольку, как правильно замечено психологами, восприятие и производство речи мужчинами и женщинами имеют свои характерные отличительные признаки.

Представление о гендере имеет комплексный характер, где основной является категория пола (gender).

Гендерные отношения являются важным аспектом социальной организации. Понятие «гендер» возникло в конце 60-х – начале 70-х годов с ростом интереса к прагматическому аспекту языкознания, а также с развитием социолингвистики и психолингвистики.

Гендерный фактор учитывает природный пол человека и его многочисленные характеристики, вытекающие из принадлежности к определенному полу. Принадлежность к определенному полу является одной из существенных характеристик личности и на протяжении всей ее жизни определенным образом влияет на эту личность.

Понятие «гендер» используется в современной науке, чтобы провести границу между понятием «биологический пол» и социальными и культурными характеристиками, которые отличают мужчин от женщин. Кроме того, в настоящее время в понятие «гендер» включается представление о разделении социальных ролей, культурных традиций в отношении мужчин и женщин, об определенных моделях поведения, которые создаются обществом и предписываются институтами социального контроля и культурными традициями общества. Создание и репрезентация определенных гендерных образов имеют целью закодировать их как гендерные стереотипы и через показ, научение, повторение, контроль добиться их усвоения в процессе социализации личности.

Гендерные различия формируются в процессе подчинения половой принадлежности как социальной категории, следовательно, в этом процессе вырабатывается определенный феминный или маскулинный стереотип поведения, определенные взаимоотношения в обществе, соответствующее восприятие окружающей действительности и, определенный стереотип нравственных ценностей.

Существует немало исследований, подтверждающих различия между мужчинами и женщинами по половому различию на физиологическом уровне. Половые гармоны начинают влиять на мозг в таком раннем возрасте, что реакция на воздействие внешней среды по-разному смонтированного мозга у мальчиков и девочек существенно различается сразу после рождения. Влияние пола на интеллектуальные функции проявляется скорее в характере умственных способностей, а не в общем уровне интеллекта. Например, мужчины лучше ориентируются в пути, следуя по какому-либо маршруту. Им требуется меньше времени на запоминание маршрута, они совершают меньше ошибок. Но после того как маршрут заучен, женщины помнят большее число дорожных ориентиров. По-видимому, они склонны больше пользоваться наглядными ориентирами и в повседневной жизни.

Мужчины, как правило, лучше, чем женщины, решают пространственные задачи. Они лучше выполняют тесты, в которых требуется мысленно вращать предмет или каким-либо образом манипулировать им. Они превосходят женщин в тестах, требующих математических рассуждений.

Женщины, как правило, превосходят мужчин в быстроте идентификации сходных предметов, в арифметическом счете, у них лучше развиты речевые навыки. Женщины быстрее справляются с некоторыми мануальными заданиями, где требуется точность, ювелирность движений.

Тестостерон (мужской половой гармон) вызывает маскулинизацию, способствует формированию мужских половых органов, а также уже на ранних этапах жизни формирует стереотипы мужского поведения. Влияние эстрогенов (женских гармонов) проявляется в склонности к мягкости в поведении. Поэтому во всех обществах присутствует убеждение в существенном различии между мужчинами и женщинами, которое дает моральное основание для разделения труда по половому признаку. Следствием этого становится то, что воспитанием детей в основном занимаются женщины. Как отмечалось выше, во всех религиях, языках и культурах существуют определенные ориентиры, настраивающие на восприятие обществом женщин и мужчин как различных ипостасей. В результате складываются определенные моральные нормы, основанные на гендерных различиях.

Стереотипное восприятие гендерных ролей формируется «на основе разделения труда по признаку пола: женщина традиционно «распределяется» в домохозяйственную сферу, мужчины – в общественную» (Калабихина, 1999:29). Как следствие, некоторые ситуации организованы таким образом, чтобы привычно демонстрировать и «приветствовать модели поведения, конвенционально связанные с той или иной категорией принадлежности по полу. В таких случаях каждый знает свое место в схеме взаимодействия» (Уэст, 1999:45). Складывается определенный стереотип, подчиняющий себе личность.

Под стереотипом понимается – “стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям «мужское» и «женское»” (Воронина, Клименкова, 1999). Следовательно, стереотип – это социальное явление. В свою очередь под «социальным стереотипом» обычно понимается стандартизированный, устойчивый ценностно-ориентированный образ [www.gender.ru]. Социальный стереотип имеет свою основу в психологическом феномене генерализации, обобщения и схематизации данных опыта.

Ю. Левада называет стереотипы готовыми шаблонами, «литейными формами, в которые отливаются потоки общественного мнения. Социальные стереотипы отражают две особенности общественного мнения: существование предельно стандартизированных и упрощенных форм выражения и предназначенность, первичность этих форм по отношению к конкретным процессам или актам общения. Стереотип не только выделяет статистически среднее мнение, но задает норму, упрощенный или усредненный до предела образец социально-одобряемого или социально-допустимого поведения» [www.gender.ru]. Шаблоны, в том числе и вербальные, предшествуют самому действию: каждый индивид (группа) вступая в социальный мир, стоит перед необходимостью выбирать из готового набора стереотипов.

Стереотипы общественного мнения задаются и обновляются средствами самого общения. Социальные стереотипы, пишет Ю. Левада, действуют в тех ситуациях, когда сложное явление упрощается до знакомого и привычного образца, взятого из арсенала исторической памяти, известного чужого примера, вплоть до мифологических схем. Опознание в таких процессах, очевидно, заменяет понимание. В то же время стереотип может выступать и в качестве руководства к действию: люди не только опознают привычные образы, но и стараются следовать им, чтобы быть понятыми другими и собой.

Часто стереотипы являются не только руководством к действию, но они формируют людей, поскольку соответственно стереотипу предписываются человеку определенные психологические качества, нормы поведения, род занятий, профессии и многое другое.

Если гендер рассматривать как социальный конструкт, создаваемый обществом посредством языка, то «его содержание может быть раскрыто путем анализа структуры языка» (Кирилина, 1999:5). Из этого следует, что «гендерные отношения фиксируются в

языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на речевое поведение личности и на процессы ее языковой социализации» (Кирилина, 1999:9).

Чаще всего проблемой лингвистического исследования становится речевое поведение мужчин и женщин, «которое различается по выбору единиц лексикона, преференции тех или иных произносительных вариантов и синтаксических структур: гендерно обусловленными часто являются избираемые говорящими стратегии речевого поведения» (Серова, 2001:126). Такие исследования мужского и женского поведения позволили выявить частотность употребления лексических единиц мужчинами и женщинами в речи. Так, например, гендерные исследования, построенные на основе ассоциативного эксперимента, проводились в Воронеже Е.Ю. Гетте. Проанализированные в художественных текстах все реплики мужчин и женщин позволили вычислить средний процент употребления тех или иных речевых конструкций. В эксперименте участвовали мужчины и женщины от 16 до 50 лет. На основе полученных данных исследования была построена модель коммуникативного поведения разных гендерных типов в виде коммуникативных полей и, был проведен их сопоставительный анализ. Исследования показали, что:

Женщины в своем коммуникативном поведении характеризуются большей активностью, чем мужчины. Число потенциальных коммуникативных ситуаций у женщин больше, чем у мужчин. Круг потенциальных адресатов общения у мужчин уже, чем у женщин.

Из трех целей общения доминирующими для мужчин являются информационная, для женщин – коммуникативная.

В силу того, что женщины обладают большим коммуникативным опытом, они чаще осуществляют ментальную операцию перевода мысли в речь. Следовательно, единицы мысли и единицы речи в женском сознании более взаимообусловлены, а в мужском – более обособлены.

Речь для мужчины – это, прежде всего, сообщение фактов, для женщины – их комментарий.

За сказанным мужчиной словом четко закреплено его значение, женщины часто не имеют ясного представления о значениях употребляемых или слов.

Для выражения мыслей мужчины выбирают прямую форму высказывания, женщины – косвенную.

Необходимо подчеркнуть, что на «гендерные приоритеты оказывают большое влияние такие параметры, как возраст, уровень образования, социальный статус, профессия» (Гетте, 2002:192).

Как видим, проведенные исследования очертили круг предпочтений, которым отдают свое внимание мужчины и женщины в речи. Эти предпочтения выявляют, прежде всего, манипулирование стереотипами. А поскольку язык является средством облачения мысли в форму, то можно сказать, *гендерные стереотипы - явление ментальное.*

Таким образом, сумма гендерных стереотипов образует *ментальную карту,* на которую опирается индивид в процессе восприятия и переработки информации.

Ментальная карта включает в себя категории оценки, которые и составляют сущность гендерного стереотипа. Среди категорий оценок выделяются те, которые составляют ментальные ценностные ориентиры мужчин или женщин. В настоящем исследовании такие ментальные ценностные ориентиры мы называем *доминантами*. Строго говоря, воспринимая новую информацию, индивид пытается оценить ее в соответствии с той категорией, которая уже имеется в его ментальной карте. Наши положения описания структуры гендерных стереотипов основаны на утверждении психологов, что процесс восприятия и обработки информации является результатом

выбора и сличения объектов с эталоном, хранящимся в долговременной памяти человека. Предполагается, что на основе такого опознания объектов происходит их идентификация.

Считается, что мужское и женское восприятие отличается по психофизиологическим критериям. В этой связи умственные способности мужчин оцениваются гораздо выше способностей женщин. Поэтому такие характеристики высказывания, как логичность и лаконичность приписываются мужчинам. Видимо, исходя из этого, сложилось представления о том, что женщине надо все долго и очень подробно объяснять тогда, как мужчине достаточно сообщить только факты. Реальные же исследования показывают, что скорость обработки информации у мужчин и у женщин не имеет достаточно большой разницы, поскольку скорость обработки зависит от множества условий: в первую очередь от сложности предъявляемой информации.

В качестве примера (ниже) для анализа мы взяли рекламу автомобиля. Изображение дорогой машины марки “Landrover” говорит о том, что хозяином ее может стать обеспеченный человек, принадлежащий определенному социальному классу. Известно, что хороший автомобиль имеет высокую ценность в глазах общества, тем самым, говоря о материальном достатке, успехе и положении его хозяина в обществе.

Представителей мужского пола в обществе принято воспринимать как лидеров, как людей, стремящихся сделать карьеру, приобрести высокий социальный статус, то есть «быть на высоте», быть лучше других. Повтор отрицательной частицы “not” в синтаксических конструкциях типа: “Not a”, “Not an”, “Not another”, “Not belonging to”, “Not part of”, “Not amid” призывает будущего владельца автомобиля не быть одним из, не быть среди других. Также реклама предлагает способ, как стать на ступень выше других – надо лишь приобрести этот автомобиль. Использование грамматической категории - определенного артикля “the” в конце текста рекламы также символизирует высокий статус владельца, который он может получить вместе с покупкой товара.

Лаконичность изложения текста рекламы, выбор рекламируемого товара позволяет сделать вывод, что реклама рассчитана на мужской гендерный стереотип.

GENDERIC STEREOTYPES AND MENTAL MAP[6]

E. Vetlickaya [7]

ABSTRACT

This article is devoted to the problem of gender, which is considered as a biological, social and cultural category. Gender has been thoroughly studying by many scientific branches since 60-th. Creation and representation of definite genderic models in a society aim to code them as genderic stereotypes, which are learnt by people in the process of socialization. Genderic stereotypes are standardized notions of female and masculine models of behaviour and character traits, which are created and changed by means of communication. Among genderic technologies they distinguish language, religion, education and upbringing. Linguistics studies gender from the point of view of how men and women express their ideas by means of language. Genderic stereotype is a mental phenomenon and the sum of these stereotypes makes a mental map. Mental map includes category of evaluation, which is different for men and women.

KEYWORDS

problem of gender, genderic models genderic stereotypes, genderic technologies

---

[6] © E. Vetlickaya, 2004

[7] Tambov State technical University

СИНЕСТЕЗИЯ В МИРЕ МЕТАФОР

Булат Галеев

ВВЕДЕНИЕ

Во всем просвещенном мире в последнее десятилетие наблюдается подлинный "синестетический" бум, инспирированный, судя по всему, поисками алгоритмов аудиовизуального синтеза в разных формах компьютерного мульти-медиа, гипер-медиа, интер-медиа, и т.д. Проводятся многочисленные симпозиумы, выпускаются монографии, создаются десятки тематических сайтов. Основные интересы при этом связаны с нейрофизиологическим исследованием межчувственных связей (чем синестезия является), но парадоксально – с обращением к весьма редким, краевым (аномальным) её проявлениям. Будучи в основе своей психическим феноменом, синестезия практически выпала из сферы внимания психологов, особенно в нашей стране (за последние 10-15 лет нет ни одной публикации о природе этого явления во всей русскоязычной психологической периодике!). Так уж получилось, что единственным местом, где с 1960-х гг. проводилось планомерное обсуждение проблемы синестезии, были казанские конференции "Свет и музыка" в контексте изучения её функций в искусстве. И если психологи осторожно обходят эту проблему стороной, то активней всех, наряду с теоретиками новых синтетических искусств, просто принимая синестезию как данность, изучают её проявления в языке и поэзии лингвисты и литературоведы. Но и здесь накапливаются свои вопросы, убеждающие в том, что решить проблему синестезии даже в узком психологическом плане можно только "всем миром", ибо проявляясь явно именно в продуктах социокультурной деятельности, синестезия, простите, оказалась просто "не по зубам" самим психологам (о чем автор специально заявил на прошедшем недавно съезде психологов России [Галеев, 2003а]). А теперь, как говорится, наш счёт лингвистам…

СИНЕСТЕЗИЯ КАК "ДЕРЗКАЯ" МЕТАФОРА

Известно, что метафора есть не только и не столько сокращенное сравнение, сколько сокращенное противопоставление. И чем дальше отстоят друг от друга противополагаемые признаки, утверждают лингвисты, тем ярче "метафорический сюрприз" от их контакта. Отсюда вывод: "Соположение далекого (создание сходства) – один из важных принципов построения художественной речи" [Арутюнова, 1990]. Добавим уже от себя: это похоже на электрический разрядник из школьных опытов по объяснению молнии. Чем шире раздвигаются его шары, тем большее напряжение требуется для того, чтобы произошёл искровой разряд, зато и эффект от него, от разряда, заметнее, – на самом деле, ярче и с грозовым запахом озона.

Каждая эпоха обладает своим "метафорическим фондом", – не только в поэзии, но и во всех искусствах, – который из века в век развивается, усложняется, причем именно по принципу наращивания степени несовместимости сопоставляемых вещей, понятий. Несовместимости, преодолеваемой напряжением интеллекта, интуиции и накопленного знания. И со временем то, что воспринималось как очевидное "братание невозможностей" (Шекспир), опять становится привычным, чтобы уступить место новым "невозможностям". Естественно, "невозможности" потому так и называются, что могут поначалу просто обескураживать. В своём романе "Дар" писатель В. Набоков "цитирует" Н. Чернышевского, возмущенного новациями современных ему поэтов, который в качестве уже вовсе "бессмысленного сочетания слов" сам придумал непривычное, – но для нас сегодня очевидно метафорическое, – выражение "синий звук", чем как бы напророчил, по словам Набокова, будущий блоковский "звонко-синий час". Дополним эту набоковскую ссылку брюсовским "напев тёмно-синий" и ошеломляющим "синим лязгом подков"

Есенина! Подобное ошеломление и создает "очарование невозможностью", о котором писал композитор О. Мессиан, объясняя собственные претензии воплощать в своей музыке, посредством особых образом организованных звуков, впечатление цвета и света (метафорического, конечно).

Как мы видим, необычность этих "бессмысленных сочетаний слов" у Блока, Есенина в том, что здесь происходит как бы нарочитое "смешение чувств". Подобного рода межчувственные пересечения психологи называют "синестезией" (досл. – соощущение), а в лингвистике и в поэтике, так уж получилось, "синестезией" же называют любые тропы и стилистические фигуры, в которых наличествуют межчувственные (или, иначе, межсенсорные, интермодальные) сопоставления.

Герой Набокова не оригинален в резком неприятии синестезий, синестетических метафор. Поразительно, но факт: преднамеренное придумывание синестетических сопоставлений, причем именно в качестве примера абсурда, можно встретить даже во внехудожественном контексте.

Так, известный философ К. Маркс, объясняя функцию денег как формы меновой стоимости, осуществляющей (он так и пишет!) "братание невозможностей", приводит в качестве подобного противоестественного, алогического "приравнивания неоднородного" – для нас сегодня откровенно синестетическое – сопоставление голоса певицы и …хвоста кометы. А сейчас мы спокойно воспринимаем такие – почти по Марксу – стихи: "Женский голос, как ветер, несется / Черным кажется, влажным, ночным… / Заливает алмазным сиянием, / Где-то что-то на миг серебрит." (Ахматова). Да что Чернышевский и Маркс, философам по определению положено быть строгими в употреблении слов. У великого поэта, у Пушкина в "Египетских ночах" такой вот абсурдистский для него эпиграф: "Из своего голоса он сделает все, что захочет. Ему бы следовало, сударыня, сделать из него себе штаны". А через сто лет Маяковский превращает подобный – почти слово в слово – образ в великолепную и понятную всем синестетическую метафору: "Я сошью себе черные штаны из бархата голоса своего"!..

И такого рода маргинализация синестезии, как у Маркса и Пушкина, даёт себя знать, к сожалению, по сей день, причем даже на уровне серьёзных справочных, энциклопедических изданий, когда синестезии если и допускаются в художественную речь, то лишь на правах очевидной катахрезы [Квятковский, 1966], или броского оксюморона [Лит. энц., 2003], либо просто как экстраординарной фигуры речи с чрезмерным алогизмом [Кожевникова, 1980, 1986; Сейфи, 1999], т.е. той "дерзкой" метафоры, которой предлагал остерегаться Аристотель. Но все же можно в какой-то мере если не оправдать, то понять все это, вспомнив, что и сама метафора (в самом широком смысле данного слова), и ассоциация (которая, как мы знаем, лежит в психологических основаниях метафоры) – они тоже, оказывается, испытали пребывание в подозрительном статусе "из ряда вон выходящего", т.е. чего-то запредельного относительно нормы, короче, аномалии.

АССОЦИАЦИЯ, МЕТАФОРА, СИНЕСТЕЗИЯ: ОБЩИЕ БЕДЫ

Так, "некоторым видом сумасшествия" считал ассоциацию знаменитый философ XVII века Дж. Локк (дело в том, что господствовавшая тогда концепция "ассоциации идей", как известно, акцентировала внимание на "ассоциациях по смежности", а в них чаще всего фиксировались связи случайного характера). Естественно было для рационалиста Локка и осуждение образного употребления слов, способного, по его словам, "вводить в заблуждение рассудок".

Но все же трудно поверить, что уже после него, еще жестче, прямо-таки "болезнью языка" называли метафору (середина XIX века, английский лингвист М. Мюллер), до сих пор продолжая удостаивать её звания "семантической аномалии" (Цв. Тодоров), либо своего рода "познавательной ошибки" (К.М. Тарбейн) [Жоль, 1984; Арутюнова, 1990]. Впрочем, и само выражение "болезнь языка" – тоже метафора! Как бы то ни было, сейчас,

кажется, все стало на свои места. Выяснилось, что ассоциации бывают разные: не только случайные, сугубо индивидуальные, но и мотивированные, продуктивные, творческие, общезначимые, доступные и понятные всем и, – вследствие этого, простите за тавтологию, – значимые для человека. Более того, сегодня уже говорят, причем с уважением, об "ассоциативном мышлении", "ассоциативном мозге". И с метафорой тоже вроде бы все ясно, если это формально и есть "когнитивная ошибка", то "намеренная" (П. Валери, П. Рикер). И она, метафора, напомним, базируется именно на продуктивных, творческих ассоциативных сопоставлениях "по сходству", являя собой сердцевину, суть поэтического языка.

Казалось бы, здравый смысл восторжествовал, но homo sapiens продолжает давать повод усомниться в том, что он на самом деле sapiens, когда обратился к изучению синестезии, которая по своему психологическому статусу являет собой как раз ассоциацию, пусть и особую (межчувственную, межсенсорную), а если обратиться к языку, – особую, но метафору (осуществляющую межчувственный, интермодальный "пере-нос", как собственно и переводится "мета-фора"). Примечательно, как психолог А. Бине, один из первых исследователей синестезии, хоть и догадался, что в основании необычных поэтических строк "со смешением чувств" типа "алые слова" Т. Банвиля и даже эпатажного сонета А. Рембо "Гласные" может лежать метафора, но это для него все же "метафора-уродец" [Бине, 1894].

Отвлекаясь на побочные, но важные выводы, можно увидеть причину общности столь драматичной судьбы понятий "ассоциация", "метафора", "синестезия", – в том, по нашему мнению, что все они даже этимологически относятся к "связи". А в любой системе, любой структуре именно связи заметить и изучать намного труднее, чем сами элементы, сами компоненты этой системы. Система чувственного восприятия, чувственного мышления – не исключение.

У "ДЕРЗКОЙ" МЕТАФОРЫ – СУДЬБА ТЯЖЕЛЕЙ

Более того, в отношении синестезии ситуация усугубилась и в чисто историко-ситуационном плане. Любое явление, как показывает, к примеру, опыт экспериментальной физики, легче заметить и изучать в предельном, краевом, экстремальном состоянии, а если говорить о социальном, конкретно, художественном феномене, – можно сказать, в экстремистских его проявлениях. Так, именно своей нарочитой декларативностью в жестком утверждении однозначных соответствий на атомарном уровне "цвет – гласные" скандально знаменитый сонет А. Рембо и заставил обратить внимание на явление синестезии, конкретно, частного его проявления – "цветного слуха" (тогда, кстати, лет 120-130 назад, и появились сами эти термины). Торжествующий в то время символизм, парадоксально сочетающий в себе веру в "иной мир" предельных сущностей с худосочной теософией, с позитивистско-редукционистскими настроениями, причем при слабой развитости психологии и других когнитивных наук, допустил – и более того, подтолкнул к тому и даже любовался этим, – рождение целого веера объяснений психического акта синестезии, казалось бы, никак не стыкующихся между собой: как некоего чуда эзотерического, мистического свойства восприятия, обреченного на непознаваемость; как природно-биологического феномена, обусловленного возможным единством любых волновых процессов; как анатомической аномалии мозга; как психиатрического отклонения; как невротического фиксирования случайных личных ассоциаций; как атавизма, т.е. рецидива раннего синкретического сознания, и т.д.

Самое поразительное здесь и общее в очевидно неадекватном понимании природы самой синестезии (особенно "цветного слуха"), причем на уровне коллективного предрассудка – это исходное априорное предположение о том, что утверждая: "И – синий цвет" (А. Рембо), "До-мажор – красный" (А. Скрябин), "Флейты звук зорёвый, голубой" (К. Бальмонт), "Красная киноварь звучит как туба, оранжевый – как средней величины церковный колокол" (В. Кандинский), поэты, музыканты и художники **реально видят**

цвета звучаний, что на самом деле выводило бы саму эту способность "цветного слуха" за пределы психической нормы, – в ранг некоей милой, но болезни, впрочем, судя по всему не опасной, и более того даже благотворной. Обратите внимание, удивительно, но эти слова принадлежат представителю самой что ни на есть материалистической (т.е. нашей, в советские времена) философии, можно сказать, подлинной носительницы "здравого смысла": «В психиатрии – пишет В.Н. Сагатовский, – синестезию (восприятие каждого звука окрашенным в определенный цвет) называют страданием. Да, этой "ненормальностью" страдали немногие, в частности, Скрябин и Блок. Но если это свойство расширяет возможности вùдения и творения прекрасного, не отражаясь на других функциях организма и личности, то почему же оно "ненормально"? "Сверхценные" идеи параноика и идеи гения одинаково необычны, но первые из них будут ненормальными отнюдь не вследствие их необычности»[Сагатовский, 1968].

Здесь все противоречит самой этой философии. И собственно фактам. Именно обращение к ним, к фактам, показывает, что синестезии Блока ("голубая тишина", "красный зов") и Скрябина ("До мажор – красный, земной цвет") отнюдь не связаны с "восприятием каждого звука окрашенным в определенный цвет", имея к тому же откровенно образную либо символическую природу. А стыдливые закавычивания слова "страдание" не спасают от биологизации и уникализации явления, которое даже в таких прельстительных качествах (в ранге "безопасной" и даже "полезной" патологии), согласитесь, никак не может быть использовано в процессе межчеловеческого, тем более художественного общения.

И если уж мировоззренческая наука давала сбой в оценке синестезии, то можно понять редукционистский пафос другого нашего соотечественника, академика-нейрофизиолога А. Лурия, чья знаменитая книга об одном уникуме-"синестете" стала своего рода библией среди нынешних сторонников понимания синестезии как некоей "мозговой аномалии". Изучая весьма редкие реальные случаи аномальных "соощущений", являющихся симптомом "истерии", "действия ЛСД-25" и "беременности", он, увы, в этом же ряду упоминает… "цветной слух" Скрябина и других композиторов [Лурия, 1968]. Да, реальные "соощущения" встречаются, подобно тому, как любому психическому акту в его преимущественной норме сопутствуют уже далёкие от неё, краевые отклонения, заслужившие специальные наименования (например, для памяти – амнезия, для сенсорики – гиперстезия, и т.п.) И никому в голову не придёт сравнивать с галлюцинациями образы поэтического воображения, какой бы они интенсивности ни были. Или другой пример – одно дело, когда Г. Державин заявляет: "Я – царь, я – бог" (это метафора), но иначе звучит скорбное, из клиники: "Я – Наполеон" (что на самом деле есть "страдание", ибо здесь имеем дело уже с полным реальным отождествлением). А в отношении синестезии норма и отклонения терминологически, увы, часто не разделяются, а если и есть попытки различать их с помощью конкретизирующих определений, путаница здесь лишь усугубляется. Так, наша казанская школа синестезии нормой считает, вслед за А. Веллеком, знаменитым немецким психологом и музыковедом, межчувственные ассоциации, функционирующие в языке и искусстве, отличая их "клинических" и "невротических" синестезий навязчивого и случайного характера [Wellek, 1963; Галеев, 1982]. Многие современные зарубежные последователи А. Лурия, наоборот, то, что мы относим к клинике и к бессмысленным "соощущениям", называют "истинной синестезией", а общечеловеческие межчувственные ассоциации метафорического содержания именуют "псевдосинестезиями" [R. Cytowic, 1989].

Казалось бы, на первый взгляд, что все неурядицы лишь в терминологической несогласованности, и остаётся лишь просто договориться, разделив разнородные (что признают обе стороны спора) предметы исследований, с выбором своих адекватных средств и целей. Причем, при возросшем интересе к явлению синестезии в целом, сегодняшние сторонники А. Лурия с их новейшими нейрофизиологическими методиками (с применением компьютерной томографии, радиоактивных изотопов и т.д.) могли бы

сделать многое как раз для наиболее достоверного инструментального подтверждения различий в природе синестезии в норме и в её аномальных, экзотических отклонениях (на которых они и сконцентрировали свой интерес). Но, увы, выводы анализа "истинной" (то бишь клинической) синестезии пока продолжают переноситься ими на искусство, опять-таки с неоправданным упоминанием в качестве "истинных уникумов-синестетов" Бодлера, Рембо, Скрябина, Кандинского, Римского-Корсакова, Бальмонта, Мессиана (см. об этом [Галеев, 2004а]).

С нашей же точки зрения, никакого навязчивого, генетически врожденного, в буквальном смысле цветного слуха в понимании Лурия (Сагатовского, Сайтовика и др.) у всех этих композиторов и поэтов, конечно же, не было и нет. И вообще, – если мы рассуждаем о "цветном слухе" (в кавычках!) применительно к искусству, а не к клинике, – **само понятие "цветной слух" есть метафора**, и буквальное его понимание равносильно утверждению правомерности существования "жареной воды".

ЯЗЫК – БЕСПЛАТНЫЙ ПОЛИГОН ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СИНЕСТЕЗИИ

Так в чем же дело, должно же существовать какое-то иное объяснение всей этой удивительной неразберихи, чем терминологическая недоговоренность? Ведь уже более ста лет назад кроме того, что была высказана мысль об ассоциативной (метафорической) природе поэтических синестезий, предлагалось обратить внимание на язык, который, оказывается, являет собой огромное "кладбище увядших, погибших синестезий", употребляя которые мы уже не задумываемся вовсе об их необычности, просто не замечаем её: яркий голос, густой бас, матовый тембр, теплый либо холодный цвет, баритон (т.е. тяжелый звук), кричащие краски, пряные аккорды, низкий и высокий звук, едкий цвет, резкий, острый звук, мелкие трели, шероховатые согласные, гладкие согласные и т.д., и т.п. Наличие нескольких сот лексических метафор синестетического содержания обнаружено в русском языке, и не только в нём [Степанян, 1987; Кундик, 1997]. Причем, во многих языках они близки, либо просто повторяются, что подтверждает их онтологическую общезначимость и сущностную принадлежность родовому человеку. Надо отметить, что относительно слуха это, в основном, осязательные, моторные, гравитационные, зрительные синестезии (связанные с телесной формой бытования чувствующего и думающего субъекта), а среди зрительных очень мало цветовых. Естественно полагать, что лексический "синестетический фонд", хоть медленно, но развивается, наращивается, и было бы полезно провести компаративный анализ в языках разных народов и разных эпох, чтобы выявить самые общезначимые синестезии. А затем было бы интересно проследить, насколько тесно связаны с этим "фондом" поэтические синестезии, также рассматриваемые в развитии.

Но нам здесь, прежде всего, необходимо напомнить, что на наличие вербальных синестезий в языке обратили внимание ещё в античные времена и даже пытались объяснить их. Так, по мнению А. Лосева, Аристотель, размышляя о "светлоте", "тонкости" звуков и цветов, имеет в виду именно межчувственные переносы "посредством языковых образов", а вовсе не непосредственные связи в сенсорной сфере. "Та область сознания, – цитирует Лосев античного коллегу, – *в которой складывается язык*, объединяет ощущения этих разных впечатлений" (разрядка моя. – *Б.Г.*) (Цит. по [Галеев, 2003б]). И если Лосев, отстаивая феноменологический подход, к сожалению, отвергает необходимость и возможность поисков психологической мотивированности синестезий, его позиции продуктивнее тех, кто видит в любых синестезиях (особенно в поэтических) просто продукты стихийного или преднамеренного словотворчества, ибо Лосев верно указал на проявление в них мифического и символического мышления.

Именно этот момент в сочетании с обязательным "попутным" выявлением специфики синестезии как особой межчувственной ассоциации позволит, по нашему мнению, внести определенность и в понимание своеобразия сути и функций синестезии как межчувственной метафоры.

СИНЕСТЕЗИЯ КАК СИМВОЛ, КАК "МАЛЕНЬКИЙ МИФ"

Как известно, романтизм первым открыто заявил о прельстительном потенциале панмузыкальной "синестезии" художественного языка (пусть термина этого еще и не было), обратив внимание на саму возможность межчувственных сопоставлений в поэтических тропах, пусть пока в визионерском контексте, который мог бы оправдать эти нарушения границ в полисенсорной системе, установленных перед этим рационалистической школой сенсуализма. ("Не только во сне, – писал Гофман, – сколько в том бредовом состоянии, которое предшествует забытью, в особенности, если перед тем я долго слушал музыку, я нахожу известные соответствия между цветом, звуком и запахом") (см. об этом подробнее [Ванечкина, Галеев, 2002]).

Преднамеренное культивирование такого рода соответствий, в ряду иных "мировых аналогий", было заявлено затем символистами, прежде всего, в программном сонете Ш. Бодлера, который так и назывался: "Соответствия". После высокопафосных реминисценций a la Hoffman о природе ("Где все едино, свет и ночи темнота / Благоухания и звуки и цвета / В ней сочетаются в гармонии согласной") поэт завершает сонет вполне спокойно, без всякой мистики и визионерства, примером конкретного синестетического соответствия: "Есть запах девственный, как луг он чист и свят, / Как тело детское, высокий звук гобоя". Затем появились пресловутые "Гласные" А. Рембо, не менее знаменитый по шокирующему эффекту "Аромат Солнца" К. Бальмонта. Постепенно синестетическая практика стала обыденной, предлагая примеры более тонкой работы "смешанными чувствами". В итоге тот же Бальмонт мог заявить: "Творчески мыслящий и чувствующий художник <…> знает, что звуки светят, а краски поют, и запахи влюбляются". Солидарен с ним и А. Белый, утверждавший, что "отсутствие цветного слуха в художнике пера и кисти – изъян".

Разумеется, вся эта "алхимия слова" (термин А. Рембо) со "смешением чувств" в ожидании получить невиданный художественный эффект не может быть объяснена лишь как тривиальная богемная шутка, как броский повод заявить о своей художнической исключительности. Специфика синестетической "алхимии" – в контексте её связей с общими позициями символизма, стремлением, как писал А. Блок, "постигать в обрывках слов туманный ход иных миров". В эстетике символизма эта связь с "иными мирами" осуществляется именно за счет установления утверждаемых Бодлером разного рода "соответствий", – между "посюсторонним" миром чувственно-образных вещей и "потусторонним", недоступным для логического освоения миром трансцендентных сущностей (в чем и заключается сама природа и назначение символа!).

Именно к "иным мирам" отсылает нас близкий к символистам В. Хлебников в своих туманных объяснениях феномена синестезии, задаваясь вопросом: каким же образом "синий цвет василька (я беру чистое ощущение), непрерывно изменяясь, проходя через *неведомые нам, людям, области разрыва*, превращается в звук кукования кукушки или в плач ребенка?" (подчеркнуто нами. – *Б.Г.*). Только если основные символические соответствия (между "нашим" и "иным" миром) можно назвать "вертикальными", глубинными, то синестетические соответствия (связанные с переходом, точнее переносом значения в "иное" чувство, – в иное, но тоже принадлежащее "нашему" миру) некоторые исследователи предлагают отличать как "горизонтальные" (см. обо всем этом в [Галеев, 2004б]).

Да, оба звена синестетического соответствия, внешне, казалось бы, – из "нашего", чувственного мира. Но ситуация не простая – здесь мы имеем дело скорее с концентрированной символизацией, ибо уже за обоими чувственными компонентами (синий – звук) просматриваются зыбкие контуры "иного" мира, в котором "неведомым" образом они и связуются, "соответствуют" друг другу.

СИНЕСТЕЗИЯ – СВОЙСТВО НЕВЕРБАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

В итоге появляется возможность, прежде всего, объяснить пресловутую "загадочность" синестезий, а также, казалось бы, неразрешимое противоречие между художническими претензиями на их общезначимость и даже однозначность (особенно, "цветного слуха") и вероятностным разбросом, онтологически присущим любым ассоциациям, в том числе и "по сходству". Если речь идёт о межчувственных ассоциациях, т.е. синестезиях, сходство может быть по форме, по структурному подобию (например, таковое лежит в основе известных синестетических аналогий "мелодия – рисунок", "музыка - архитектура" и т.п.), либо по эмоционально-смысловому воздействию (что определяет существование иных, смежных синестетических аналогий: "тембр – краска", "тональность – колорит" и т.п., которые и названы "цветным слухом"). В первых связываются те признаки, которые Дж. Локк относил к "первичным свойствам вещей" ("объективным" по своей сути), а во вторых сопрягаются уже "вторичные" свойства (собственно сама модальность, субъективная по своей природе). Можно теперь понять, почему последний тип синестезий, формируемых обычно по принципу "слух → эмоция → зрение", как раз и раздражал адептов "здравого смысла" непонятностью, таинственностью своего генезиса, ибо обеспечивающая эту связь эмоция чаще всего – глубинного, протопатического свойства, т.е. процесс сопоставления происходит на подсознательном уровне, а на свету сознания проявляется лишь результат этой операции образного, невербального мышления (фиксируясь, в конечном итоге, в слове либо непосредственно в чувственном материале других форм межчеловеческого общения, например, музыки или иного искусства). Но в образовании связи могут участвовать и "высокие", "умные" эмоции, и главное (в чем убедила практика поэзии) эта связь может быть обусловлена и общностью символической оценки сопрягаемых впечатлений, что и определяет возможность общезначимых синестезий, принадлежащих к определенной культуре. При этом, если речь идет о "цветном слухе" в вербальном исполнении, синестетический цвет служит сущностным для любой метафоры целям уточнения, чувственной конкретизации эмоционально-смысловой и символической оценки звукового воздействия, которая всегда неопределенна, размыта при передаче её словами, причём этот процесс осуществляется в весьма емкой, экономной форме.

Все это и определяет специфику синестетической метафоры как особого, *двойного иносказания* – ибо "перенос" значения в ней осуществляется ещё и с переходом в *иную* модальность, что, кстати, и придает им столь экзотический характер (нарушена не только логика, но и как бы закон природы).

И подобно тому, как мы говорим об ассоциативном, метафорическом мышлении в самом широком смысле этих слов, резонно существование и его частной, но более сложной формы – синестетического мышления, в котором, если говорить о его психологических основаниях, образное, невербальное, чувственное мышление происходит уже в рамках всей полисенсорной системы – как раз именно за счёт синестезии формирующей сопоставления между, положим, такими его конкретными формами, как просто "визуальное" и просто "музыкальное" мышление.

СИНЕСТЕТИЧНОСТЬ МИФА И МИФЫ О СИНЕСТЕЗИИ

Таким образом, если учесть, что в синестетической метафоре происходит как бы "удвоение" сенсорной чувственности, и если добавить сюда участие эмоции, чаще всего служащей посредником в процессе этого "удвоения", то налицо концентрация разных форм чувственного в синестетической метафоре, отвечающая целям искусства, которое служит, как известно, целям актуализации универсальной человеческой чувственности в её гармонической целостности [Ильенков, 1984]. При обывательском подходе, при сугубо рациональном акценте на познавательных целях все это заставляет видеть в вербальной, поэтической синестезии ещё большую "когнитивную ошибку", чем в обычной метафоре, своего рода атавизм даже на уровне психики, сенсорики. Так понимал поэтическую

синестезию М. Нордау, считая её признаком биологического вырождения (именно на уровне "когнитивного ископаемого", как верно оценил упомянутый ранее Р. Сайтовик тех, кто страдает реальными "соощущениями"). Нельзя считать синестезию атавизмом и в более "безобидном" варианте – как возврат к раннему мифическому сознанию, когда можно было бы всерьёз поверить в упомянутую синестезию Маяковского: "Я сошью себе черные штаны из бархата голоса своего" (хотя вряд ли даже дикарь согласился бы носить такую одежду, – впрочем, вспомним сказку про голого короля)…

Очевидно, что синестетичность "теперь" отличается, при внешней схожести, от диффузной синестетичности и стихийного синкретизма, наличествующих "прежде", в древности, – хотя бы ситуационно, по контексту своего бытования. И здесь нам помогут давние дискуссии о взаимоотношениях между мифологическим и художественным сознанием. "Метафора – это маленький миф", "миф есть стихийная поэзия", подобные броские афоризмы фиксируют их сходство, но многовековые споры привели и к пониманию их различия, к осознанию того, что "металогичность" первобытного, мифологического сознания не есть собственно "иносказание" о чем-то (что принимается в мифе за действительность), а в искусстве она основана на сравнении, на образном сопоставлении (но не отождествлении). Причем сопоставлении преднамеренном и целенаправленном. И – главное, – если в первобытном словотворчестве металогичность была не столько формой, сколько содержанием, то теперь, в поэзии она выступает уже в качестве формы, в качестве адекватного средства выражения художественной мысли.

Метафора – эта "молекула" искусства, и в ней заключены все его свойства. И поэтому к ней, к метафоре применимы гениальные выводы С. Эйзенштейна о специфике искусства, которое, в свою очередь, можно оценивать как глобальное Иносказание, как глобальную Метафору мира. Выводы эти снимают накопившийся налет аномальности с процесса художественного познания, которое формально, вслед за критиками метафор, можно было бы считать глобальной "Когнитивной ошибкой", глобальной "Семантической аномалией".

"НАС ВОЗВЫШАЮЩИЙ ОБМАН" СИНЕСТЕЗИИ

Разрешение данного парадокса С. Эйзенштейн объяснял тем, все эти "подозрительные" признаки – метафоричность, синестетичность следует относить к форме воздействия художественного произведения, и что все они проявляют себя иначе при включении в контекст их функций в искусстве (обеспечить суггестивность, "эмоциональный захват" зрителя для воплощения необходимого содержания). Художник, по мнению Эйзенштейна, должен имитировать, моделировать погружение зрителя в глубины чувственного мышления, "где он утратит различие субъективного и объективного, где обострится его способность воспринимать целое через единичную частность <…>, где краски станут петь ему и где звуки покажутся имеющими форму (синэстетика), где внушающее слово заставит его реагировать так, как будто свершился самый факт, обозначенный словом (гипнотическое поведение) и т.д." [Эйзенштейн, 2002].

Если сказать коротко – без преднамеренного обращения как бы "назад" (без "регресса", или, как говорят, "функционального регресса") в искусстве отсутствует форма, как без устремленности "вперед" (т.е. "прогресса") – нет содержания, причем оба этих процесса не просто двуедины, слитны, но и не существуют отдельно. Данную мысль Эйзенштейн иллюстрировал следующим остроумным рисунком:

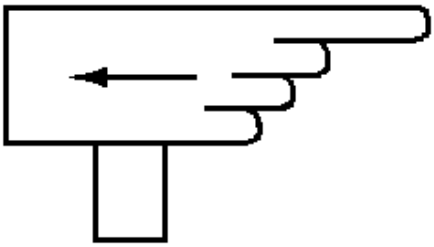


Рис. "Лапка" Эйзенштейна

И объяснял подробнее это так: "Воздействие произведения искусства строится на том, что в нем происходит одновременно двойственный процесс: стремительное прогрессивное вознесение по линии высших идейных ступеней сознания и одновременно же проникновение через строение формы в слои самого глубинного чувственного мышления. Полярное разведение этих двух линий устремления создает ту *замечательную напряженность единства формы и содержания*, которая отличает подлинные произведения. Вне его нет подлинных произведений" [Эйзенштейн, 1964].

Преклоняясь перед Эйзенштейном, автор в течение многих лет развивает его идею "прогресс-регрессной" диалектики и распространил её на все уровни искусства – от единичного образа (метафоры) до всей системы искусств. И не удивительно поэтому, что в центре разработанной им "периодической системы искусств", изображенной на обложке его основной монографии о синестезии [Галеев, 1987], помещена эта "лапка Эйзенштейна", строго говоря, сама являющаяся "когнитивной ошибкой".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в любой системе, в том числе и в психической, лингвистической, связи, взаимодействия в ней заметить и понять намного труднее, чем сами её компоненты. При этом степень драматичности изучения связей в человеческой психике (и их отражения в языке) нарастает в ряду: *ассоциация – метафора* (психологической основой которой является "ассоциация по сходству") – *синестезия* (межсенсорная ассоциация) – *синестетическая метафора* (иносказание с переносом значения в иную модальность). Синестезия, даже в большей степени, чем ассоциация и метафора, неадекватно оценивалась многими как некая аномалия психики, языка (и более того, даже физиологическая аномалия). Объясняется это тем, что в ней в концентрированном виде проявляется внешнее уподобление раннему мифическому сознанию (что является неизбежным средством, точнее сущностной формой воплощения художественной мысли). Так что если синестезия (синестетическая метафора) и есть "болезнь" психики (и языка), то только в той мере, как "мысль изречённая есть ложь", а искусство есть "обман" (пусть и "нас возвышающий").

Подготовлена по гранту РГНФ (02-06-00102А) и Минобразования РФ (Г-02-1.9-571).

ССЫЛКИ

1. *Арутюнова Н.Д.* (1990). Метафора и дискурс. – В кн.: Теория метафоры (сб.). – М.: Прогресс, с.19-20.

2. *Бине А.* (1894). Вопрос о цветном слухе. – М., с.78.

3. *Ванечкина И., Галеев Б.* (2002). О синестезии романтизма: поэзия и музыка. – В кн.: Мир романтизма, вып.6 (30). – Тверь: Изд-во ТГУ, с.141-148.

4. *Галеев Б.* (1982). Содружество чувств и синтез искусств. – М.: Знание.

5. *Галеев Б.* (1987). Человек, искусство, техника (проблема синестезии в искусстве). – Казань: Изд-во КГУ.

6. *Галеев Б.* (2003а). Кто должен изучать синестезию? – В кн.: Материалы III Всероссийского съезда психологов. – СПб: Изд-во СПбГУ, т.2, с.270-274.

7. *Галеев Б.* (2003б). Вклад А.Ф. Лосева в изучение синестезии. – В кн.: Синтез в русской и мировой художественной литературе (матер. конф.) – М.: МГПУ, с.20.

8. *Галеев Б.* (2004). Синестезия в эстетике и в поэтике символизма. – В кн.: Синтез в русской и мировой художественной культуре (матер. конф.). – М.: МГПУ, с.31-36.

9. *Галеев Б.* (2004а). Об аномальных теориях аномальной синестезии. – В кн.: Перспективы развития современного общества (матер. конф.). – Казань: Изд-во КГТУ, с.151-158.

10. *Жоль К.К.* (1984). Мысль, слово, метафора (проблемы семантики в философском освещении). – Киев: Наукова думка, с.86, 142, 274.

11. *Ильенков Э.В.* (1984). Искусство и коммунистический идеал. – М.: Искусство, с.267.

12. *Квятковский А.* (1966). Поэтический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, с.132.

13. *Кожевникова Н.А.* (1980). Необычные сочетания с цветовыми прилагательными. – В кн.: Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. – Калинин: Изд-во КГУ, 127-142.

14. *Кожевникова Н.А.* (1986). Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. – М.: Наука, с.92.

15. *Кундик О.И.* (1997). Специфика синестезийных словосочетаний в русском и английском языках. – Автореф…канд.филос. наук. – Саратов: СГУ.

16. *Лурия А.* (1968). Маленькая книга о большой памяти (ум мнемониста). – М.: Изд-во МГУ, с.16.

17. Литературная энциклопедия терминов и понятий. (2003). – М.: НПК "Интелвак", с.691.

18. *Сагатовский В.Н.* (1968). Философия как теория всеобщего и ее роль в медицинском познании. – Томск: Изд-во ТГУ, с.338.

19. *Сейфи Т.Б.* (1999). Формосодержательная функция цвета в творчестве русских символистов. – Автореф…канд. культурологии. – Владивосток, с.22.

20. *Степанян Т.Р.* (1987). Синестетические метафоры русского языка. – Автореф…канд. филол. наук. – М.: АН СССР.

21. *Эйзенштейн С.* (1964). Избр. соч. в 6 т. – М.: Искусство, т.2, с.120.

22. *Эйзенштейн С.* (2002). Метод, в 2 т. – М.: Музей кино, т.1, с.185.

23. *Cytowic R.* (1989). Synesthesia: A union of senses. N.Y., Springer.

24. *Wellek A.* (1963). Musikpsyhologie und Musikästhetik. – Fr./M., Akad. Verlag.

SYNESTHESIA IN THE WORLD OF METAPHORS[8]

Bulat Galeev[9]

ABSTRACT

In any system, including that of spiritual kind, it is more difficult to recognize it's internal links than it's constituents. The degree of complexity and controversy in the studies of links, existed in human psyche (and their reflection in language), is increasing inside of the following line: *association – metaphor* (based upon psychological 'association by similarity') – *synesthesia* (intersensory association) – *synesthetic metaphor* (a particular, as if doubled metaphor, where a transfer of meaning is accompanied with a transition into other modality). Synesthesia, even in more degree than association and metaphor, was considered as psychic or language anomaly (and more than that, as physiological anomaly). The reason is that synesthesia in most concentrated form reveals the process of formal likening to early mythological consciousness (that is unavoidable stage, more precisely, substantial form of the embodiment of poetic, artistic thought). So, even if synesthesia (synesthetic metaphor) is a 'malady' of psyche (and language), then only in the same sense as "the spoken thought is a lie" (F.Tyutchev), and the art is "an illusion ennobling us" (A.Pushkin)… For other synesthetic researches of the author see website (http://prometheus.kai.ru).

KEYWORDS

association, metaphor, synesthesia, norm, anomaly, poetry, art

[8]© Bulat Galeyev, 2004

[9] Research Institute for experimental aesthetics 'Prometheus', Kazan State Technological University, galeyev@prometey.kcn.ru, bulat.galeyev@mail.ru

КОНЦЕПТОСФЕРА КУЛЬТУРЫ

Надежда Забелина

1. КУЛЬТУРА

Прежде чем говорить о концептосфере культуры, следует определиться с терминами «культура», «концепт» и «концептосфера». Начнем с понятия «культура». Нас интересовали не все значения данного понятия, а лишь общепринятое значение - ценности, традиции, сфера человеческой деятельности и т.п. В первую очередь мы обратились к словарю русского языка (Большой толковый словарь русского языка, 2001, стр.479-480), который дает следующие значения:

Культура -	1. Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни 2. Сфера человеческой деятельности, связанная с областью искусства, просветительской деятельностью и т.п. 3. Высокий уровень развития какой-либо сферы человеческой деятельности или условий его жизни

Энциклопедический словарь по культурологии (стр.210) определяет культуру как характеристику или сторону бесконечно сложного феномена – общества в его взаимодействии с человеком и природой. Здесь же приводится сопоставление понятий «культура» и «цивилизация». Цивилизация понимается как определенная ступень развития культуры (стр.217). Кроме того словарь конкретизирует понятия «субкультура», «контркультура», «национальная культура». *Субкультура* – конкретная форма бытия общечеловеческой культуры, совокупность символов, идей, убеждений, ценностей, норм, образцов поведения, принимаемых тем или иным сообществом или какой-либо социальной группой (стр.375). *Контркультура* – идейное течение и общественное движение «мятежных» социальных групп студентов, хиппи, альтернативных коммун, получившее наибольшее развитие в 60- 70х годах XX века, совокупность социально-культурных установок, ценностей и ориентаций, противостоящих современной культуре (стр.198). *Национальная культура* – разновидность субкультуры, совокупность символов, верований, убеждений, ценностей, норм и образцов поведения, которые характеризуют духовную жизнь человеческого общества в той или иной стране, государстве (стр.280).

По мнению Муравьёва Ю.А., понятие «культура» в самом прямом (и наиболее близком первоначальному материальному) смысле означает развитие или результат развития некоторых духовных или телесных способностей при помощи соответствующих упражнений. В более общем и ординарном смысле - это черта личности, возникшая вследствие обучения, воспитания в области вкуса, здравого смысла и критичности суждений; культурой нередко называют и просто воспитанность. В этом смысле часто говорят также об общей культуре. Реже используют слово «культура» в качестве синонима слова «цивилизация». У слова «культура» в этом употреблении всегда позитивный смысл, но термин всегда предполагает дополнение (resp., определение): культура труда, отдыха, духовная, политическая культура и т.д.

Клайд Кей Мейбен Клакхон под культурой понимает целостный образ жизни людей, социальное наследство, которое индивид получает от своей группы. Кроме того, по его мнению, культура может рассматриваться как часть окружающего мира, созданная человеком. Существует культура вообще, и существуют отдельные культуры: русская, американская и т.п. Опыт людей в форме культуры присутствует едва ли не в каждом событии. Любая отдельная культура формирует нечто вроде плана всей жизнедеятельности человека. Культура не является бестелесной силой. Она создается и передается людьми. При этом культура представляет собой удобную абстракцию. Культура – это способ

мыслить, чувствовать, верить. Это знание группы, сохраняющееся (в памяти людей, в книгах и предметах) для дальнейшего использования. Мы изучаем плоды этой «ментальной» активности: поведение, речь и жесты, действия людей, а также ее предметные результаты – орудия труда, дома, сельскохозяйственные угодья и т.п. В перечень «культурных богатств» традиционно включают такие вещи, как часы или своды законов. Важно то, что одни люди знают, как их создавать, другие придают им значение, чувствуют себя несчастными без них, координируют свою деятельность в соответствии с ними или пренебрегают ими.

Клайд Кей Мейбен Клакхон также отмечает, что концепция культуры позволяет говорить о том, что мыслительные процессы исходят из очень разных предпосылок – особенно бессознательных и не высказываемых. Знание культуры позволяет предсказать значительную часть действий любого ее носителя. Самое важное значение культуры для человеческой деятельности состоит в том, что любой человек рождается в мире, определяемом уже существующими культурными моделями. Концептуальная картина мира может различаться даже в двух тесно связанных друг с другом языках. Он приводит пример из Маргарет Мид: «Американцы стремятся упорядочить объекты в соответствии с единой ценностной шкалой: от лучшего к худшему, от наибольшего к наименьшему, от самого дешевого к самому дорогому и т.п. Они способны выразить предпочтение относительно очень сложных объектов, пользуясь лишь такой шкалой. Столь понятный американцу вопрос о том, каков его любимый цвет, будет совершенно бессмысленным для англичанина и вызовет у последнего встречную реплику: «Любимый цвет чего? Цветка? Галстука?» Каждый объект рассматривается в сложности своих качеств, и цвет выступает лишь одним из таких качеств; речь не идет о цветовой таблице, позволяющей сделать выбор, который может быть применен к большому количеству различных видов объектов. Редукция сложностей к единым шкалам, характерная для американцев, вполне понятна в свете величайшего разнообразия ценностных систем, принесенных в Америку различными группами эмигрантов. Несоразмерные системы нуждались в общем знаменателе; и всеобщее упрощение было неизбежным. В результате, однако, мысль американца ориентирована на одномерную шкалу качеств, в то время как англичане, думая о сложном объекте или событии, и даже сводя его к частям, сохраняют за частью всю сложность целого. Американцы подразделяют шкалу, англичане подразделяют объект». Язык и его изменения не могут быть поняты без сопоставления языкового поведения с другими поведенческими факторами. На разговорном уровне можно сделать множество весьма тонких наблюдений о неосознаваемых национальных традициях и способах миропонимания, внимательно подмечая особые идиомы и обороты речи и сопоставляя их с формами своего собственного языка.

2. КОНЦЕПТ

По мнению Багринцевой Н.В., любая культура определяется наличием, во-первых, универсальных, общечеловеческих ценностей, во-вторых, элементов, характерных для ряда культур, имеющих объединяющие их признаки (общая религия, история, сходные географические особенности и т.п.). И, в–третьих, любая культура характеризуется своими специфичными чертами. Следовательно, ряд культурных концептов двух контактирующих культур являются эквивалентными, отдельные концепты частично эквивалентны, и целый пласт составляют концепты строго специфичные для данной конкретной культуры. Она предлагает переводческий термин « лингвопереводческая культурема» и выделяет три вида лингвопереводческих культурем:

ЛПК, являющиеся культурными реалиями;

ЛПК, репрезентирующие культурные концепты;

ЛПК, описывающие культурно-специфичные ситуации.

Муравьев Ю.А. полагает, что центральным звеном в культуре является традиция. Традиция - форма социального наследования, моментами которой можно считать обычай и

обряд из вышеприведенного ряда. Традиция - и, следовательно, вообще культура - принципиально консервативна: ведь ее смысл состоит в трансляции сквозь время с помощью примера, показа и языка специфических форм опыта каждой социальной общности. Неподвижность, адинамизм - эссенциальное свойство культуры, без которой лишается смысла понятие культурной преемственности. Таким образом, на второй ступени в категориальном аппарате теории культуры мы впервые встречаемся с центральной теоретико-культурной категорией - категорией «традиция». В этой категории фиксируются моменты стабильности, устойчивости в существовании каждой конкретной культуры - то, что делает культуру каждый раз тождественной себе.

Сёмкина Н.А., как и другие представители когнитивной лингвистики, считает, что каждый язык эквивалентен определенной системе концептов, посредством которой носители языка воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют поток информации, поступающей из окружающего мира. Термин «концепт» восходит к латинскому *conceptus*, что означает «мысль», «понятие». Данный термин употреблялся уже в 20-е годы исследователем С.А. Арнольдовым, который считал, что «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода». Концепты хотя и имеют материальное основание, носят идеальный характер: то абстракции довольно высокого уровня и значительной степени обобщенности, являющиеся результатом отражения действительности в сознании человека. Часть концептуальной информации имеет языковое выражение, другая часть информации передается незнаковыми способами. (мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии, инсайты). Важной особенностью концепта в отличие от других структур познания является его вербализация, обозначение словом, без чего существование концепта невозможно. С другой стороны, за каждым словом стоит концепт, то есть в языке не может быть слов, не связанных с определенными концептами.

3. КОНЦЕПТОСФЕРА

Термин "концептосфера" был впервые введен Д.С.Лихачевым. Этот термин близок по значению терминам "языковая картина мира" и "понятийная картина мира". По Д.С.Лихачеву, концепты, в отличие от традиционного "значения", представляют собой "потенции" значений, тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом. "Концепт не только подменяет собой значение слова, он в известной мере расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания", так как, будучи в основном всеобщими, концепты одновременно заключают в себе множество потенциальных отклонений и дополнений, т.е. являются незакрытыми образованиями. Совокупность концептов словарного запаса индивида, как и всего языка в целом, и образует концептосферу..

Маркелова Е,В. под концептосферой понимает структурированное, национально и культурно обусловленное знание людей, представляющее собой систему ментальных представлений и их вербальных репрезентаций. Концептосфера включает в себя концептуальные пространства, образованные разными типами концептов, в основе которых лежит определенный способ понимания и видения мира (Карасик, Красавский) Она представляет полевое образование, ядро которой образует обыденное концептуальное пространство, слои – художественное, научное концептуальные пространства и др. Обыденное концептуальное пространство характеризуется ограниченным объемом информации, включающим “наивные” представления, понятные всем членам этноса и достаточные для образования семантической системы языка. Эти представления обладают абсолютной ценностью, так как значимы для всего этносоциума. Обыденное концептуальное пространство противопоставлено другим концептуальным пространствам, которые при разном информационном содержании и разных типах категоризации информации имеют общие параметры. Концептуальные пространства (художественное,

научное и др.) являются постоянно развивающимися информационными системами. Концептуальные смыслы, формирующие концепты, входящие в названные концептуальные пространства, представлены квантами соответствующих знаний. Художественное, научное и другие концептуальные пространства включают представления, не обладающие всеобщими ценностными параметрами. Эти ценности потенциальны, они могут стать всеобщими или остаться значимыми для определенной социальной группы. Концептуальные смыслы обыденного концепта вербализуются преимущественно в словах, в этом случае способ “приписывания” информации

Концептосфера языка — это в сущности концептосфера культуры. В целом язык — это не только средство общения, знаковая система для передачи сообщений, но и показатель богатства культуры. Таким образом следует определить какие концепты составляют концептосферу культуры. Культурный концепт (как его трактует Ю. С. Степанов: «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний (Степанов, 1997: 40)) организует внутри себя и вокруг себя смысловые поля, в которые, помимо названного «пучка», в виде периферийной области вписываются различные интерпретации понятий, а также «противоположно заряженные» понятия (культурные антонимы).

4. КОНЦЕПТОСФЕРА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

В лингвистических исследованиях последних лет принято сравнивать русскую и иноязычную (например, американскую или британскую) культуру. Так, Кочетова Л.А. считает, что в англоязычной культуре важными являются концепты приватность, индивидуальность, состязательность и др., которые предопределяют основные стратегии общения, принятые в англоязычном обществе. [Кочетова, 2003]. Но англоязычная культура – это не только США. Великобритания, но и Ирландия, Канада, Австралия, Новая Зеландия и многие другие мелкие островные государства. Можно ли говорить о том, что все англоязычные страны имеют одинаковую культуру? Согласно Клайду Кей Мейбен Клакхону, культуры будут тем более похожи, чем более определенный характер носит общая обстановка разных культур [Клакхон, 1998] Следовательно, культуры Канады и США более близки, чем США и Великобритании, так как их роднит общность территории (материк Северная Америка), похожий климат (особенно на границе этих стран), общая история (освоение земель и зависимость от Британской империи) и т.д. В то же время южные штаты США по культуре более близки к Мексике, а Аляска – к России.

В данном исследовании мы хотим рассмотреть, насколько близки концепты культуры в англоязычных странах. Прежде чем проанализировать, как концепты представлены в культурах этих стран, мы еще раз обратились к понятию «культура». Согласно Словарю английского языка и культуры издательства Лонгман (2000 г):

Culture n 1. the customs, beliefs, art, music, and all other products of human thought made by a particular group of people at a particular time: ancient Greek culture / a tribal culture/ pop culture
2. artisitc and other activity of the mind, and the works produced by this:
Paris is a good city for people who are interested in culture/ a woman of culture and taste
3. the practice of raising animals and growing plants: bee culture
4. (a group of bacteria produced by) the growing of bacteria for scientific use

Из всех выше перечисленных значений слова «культура» нас интересует в данном случае первое, а именно обычаи, традиции, верования и т.п. Рассмотрим значение слова «обычай»:

Custom 1. (an) established and habitual practice, especially of a religious or social kind, that is typical of a particular group of people:
a tribal custom hundreds of years old/ Social customs vary greatly

from country to country

2. the habitual practice of a person: *It was his custom to get up early* have a cold bath.

Из данных значений слова «custom» нас так же интересует первое значение в отношении такого общего для англоязычных стран понятия «Рождество». Согласно лингвострановедческому словарю «Великобритания» [1999], «Рождество (25 декабря; - главный церковный и светский праздник года; к этому дню по традиции обмениваются подарками и рождественскими открытками, украшают елку, устраивают вечера и рождественские представления для детей. 25 и 26 декабря – официальные выходные дни; рождественские святки отмечаются с середины декабря до 6 января)». Словарь английского языка и культуры издательства Лонгман [2000] уточняет, что «Christmas is the most important public holiday in the US and the UK, and takes place on and around December 25th. People sometimes go carol singning (BrE) or caroling (AmE)/ In the UK, people hang sginy, brightly coloured decorations made of paper from the ceiling or along the walls inside their homes. In the US some people put small lights along the edges of their windows, the roof, and the main door of their houses» [стр. 789]. Однако ни в одном из этих словарей ничего не говорится о традициях празднования Рождества в других англоязычных странах. Поэтому мы обратились к другим словарям. Лингвострановедческий словарь «Австралия и Новая Зеландия» [1998] не рассказывает об особенностях празднования Рождества в Австралии и Новой Зеландии, но дает такие словарные статьи, как «Christmas bush – рождественский куст (любой из кустарников или небольших деревьев, цветущих во время Рождества и используемых для украшения», «Christams tree – рождественское дерево (дерево семейства омелы, эндемичное в западной Австралии)». К сожалению, до сих пор нет лингвострановедческого словаря Канады или Ирландии. На данном примере мы хотели показать, что изучающим английский язык и культуру англоязычных стран трудно получить полноценные знания о национальных культурах тех стран, где английский язык является государственным, и сформировать реальный образ этих стран.

В дальнейшем наше исследование будет направлено, с одной стороны, на выявление подобных расхождений в рамках сходных культур и, с другой стороны, на определение того, как влияет на концептосферу культуры человека изучение иностранных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь/ Под рук. В.В.Ощепковой, А.С. Петриковской. М. (1998). – 216 с.

2. Багринцева Н.В. Проблемы передачи содержания культурных концептов в процессе перевода// Перевод и переводческая компетенция: Коллективная монография. – Курск: изд-во РОСИ (2003). – 236 с. – С. 79-93.

3. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург (2001). С.479-480.

4. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А.Стернина. - Воронеж: ВГУ(2001). - С. 75-80.

5. Клайд Кей Мейбен Клакхон. Зеркало для человека. Введение в антропологию. Перевод с англ. Под редакцией к.фил.н. Панченко А.А. – «Евразия» - С-Пб.(1998). – 352 с.

6. Кочетова Л.А. Обучение культурной компетенции при овладении английским языком // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика обучения: Межвузовский сборник научных трудов. Курск: Изд-во Курск. Гос. Ун-та (2003). – 109 с. – С. 63 - 65

7. Красавский Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград (2001). 38с.

8. ЛихачевД.С.Концептосфера русского языка. // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т. 52 (1993), № 1. С. 2–9.

9. Маркелова Е.В. Когнитивно-семантическая структура имен деятельности (на материале русских пословиц о труде и лени). Автореф.канд.дис. Томск (2004). 34 с.

10. Муравьёв Ю.А. Сущность и структура культуры. [Online] Available: http:// http://www.countries.ru/library.htm

11. Рум А.Р.У. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. М. (1999). – 560 с.

12. Сёмкина Н.А. Концепты и их связи в тексте // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. трудов.- Рязань: изд-во РГПУ им. С.А. Есенина (2002). – 236 с. – С. 106 – 114.

13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.(1997).

14. Энциклопедический словарь по культурологии. /Под ред. А.А.Радугина. - М.(1997). С. 210.

15. Longman Dictionary of English Language and Culture (2000).

CONCEPT STRUCTURE OF CULTURE[10]

Nadezhda Zabelina[11]

ABSTRACT

The aim of the paper to analyse what concepts make up the whole concept structure of culture. There are many definitions of culture. It depends on the purpose of the research.We understand culture as what people created and developed during the period of life on Earth. The main idea of our research is that even though people speak the same language, English for example, their cultures are even more different from each other than the cultures of foreign languages.

KEYWORDS

culture, concept, concept structure

[10] © Nadezhda Zabelina, 2004

[11] Department of Foreign Languages, Kursk State University, nadz@bk.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРЕЙМОВОГО ПОДХОДА ПРИ АНАЛИЗЕ СРЕДСТВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЖЕСТОВ (на примере жеста «пожать руку/руки»)

Ирина Ильина

ВВЕДЕНИЕ

Адекватное владение невербальным языком включает в себя не только умение пользоваться жестами как элементами невербального семиотического кода, но и знание языковых манифестаций каждого из жестов. В свою очередь хорошее владение естественным языком в качестве одной из составляющих предполагает не только умение пользоваться языковыми номинациями как элементами вербального семиотического кода, но и способность распознавать по языковым манифестациям стоящие за ними жесты.

Семантическая общность и разнообразие средств вербализации жестов обусловливаются жестовым фреймом. В основе жестового фрейма лежит конкретно-чувственный образ, по словам Н.Н. Болдырева, это образ конкретного предмета или явления в нашем сознании [Болдырев, 2000: 36], содержание которого раскрывается преимущественно остенсивно – через демонстрацию предмета или явления [Попова, Стернин, 1999: 7].

Структура жестового фрейма включает обязательные компоненты и факультативные компоненты (слоты), активизация которых позволяет моделировать различные ситуационные модели.

Обязательные компоненты фрейма выражают стереотипное представление о ситуации, в которой присутствует жест, а факультативные компоненты (слоты) обеспечивают вариативность дополнительных знаний о существовании и способах языковой репрезентации жестов. Взаимосвязь обязательных и факультативных компонентов подтверждается некоторыми свойствами жестового фрейма.

Общий жестовый фрейм включает следующие обязательные компоненты: 1) субъект (коммуникант), 2) предикат (глагол, описывающий жест), 3) способ/средство (рука или руки). Факультативные компоненты фрейма включают: качество жеста, причину использования невербального средства, цель привлечения невербального средства, объект, на который направлен жест и указание на функцию жеста с точки зрения его взаимодействия с вербальным сообщением: дополнение, противоречие, замещение, подтверждение.

Во-первых, жестовый фрейм обладает гибкой, подвижной структурой, то есть может изменять соотношения компонентов. Это свойство обусловлено возможностью человека фокусировать внимание на любой части фрейма. Способность жестового фрейма к переструктурации подтверждается при сопоставлении предложений с одним и тем же жестом, в частности, с одной и той же манифестацией жеста, но моделирующей различные ситуации.

Использование одних и тех же языковых средств для манифестации жеста в разных ситуационных моделях объясняется «перспективизацией, или выделением различных компонентов фрейма». «Фокусирование, или перспективизация отдельных участков фрейма может быть направлена на различные компоненты независимо от их значимости и позволяет, таким образом, активизировать любые участки фрейма, то есть любые элементы знания» [Болдырев, 2000: 62].

Так, деление жестов по их языковой манифестации предполагает знание различных типов жестов и их характеристик (направление, движение, характер движения, интенсивность, рабочая часть руки), знание цели и причины использования жеста. Все эти характеристики являются составляющими единого жестового фрейма, которые по-разному акцентируются в лексических значениях средств языковой манифестации кинем. В зависимости от того, какой элемент фрейма фокусируется в значении того или иного

средства, репрезентируя жест, он может быть отнесен к группе жестов, например, «подать руку», «поднять руку», «тереть руки» и т.д.

Способность фрейма изменять соотношение компонентов проявляется в том, что помимо общего жестового фрейма, репрезентирующего некоторую типовую ситуацию, обнаруживаются и фреймы, стоящие за каждым жестом и его языковой манифестацией. Фреймы жестов аналогичны общему жестовому фрейму, но будучи схожими по структуре и набору компонентов, различаются их соотношением.

Во-вторых, в структуре фрейма можно выделить мотивирующие компоненты, находящиеся в зависимости от ситуационной модели, под которым понимается доминирующий факультативный компонент фрейма, который имеет первостепенное значение во фрейме [см.: Гунина, 2000, Виноградова. 2002]. Мотивирующими компонентами часто оказываются факультативные компоненты (слоты), поскольку именно они определяют специфику значения каждого жеста и его языковой манифестации в той или иной ситуационной модели и позволяют отделить его от значений остальных единиц данной семантической сферы. Переменные свойства жестового фрейма позволяют выявить его основную специфику, которая заключается в способности к переструктурации в связи с мотивирующим компонентом. Использование разных средств языковой манифестации, объединенных общим значением, в той или иной ситуационной модели в зависимости от контекста свидетельствует об активизации различных элементов жестового фрейма.

Э. Щеглофф заметил, что ручная жестикуляция в значительной степени, если не исключительно, феномен говорящего [Schegloff, 1987]. Это значит, что адресат обычно не жестикулирует руками, поэтому среди жестов рук можно выделить жесты адресанта, не предполагающие физический контакт и подгруппами жесты адресанта, предполагающие физический контакт с адресатом. В данной группе следует выделить жесты адресанта, которые направлены на самого говорящего, и жесты адресата, направленные на слушающего (прикосновения, поглаживания).

ОСНОВНАЯ ГИПОТЕЗА

Рассмотрим на примере жеста «пожать руку/руки».

В состав языковой манифестации жеста «пожать руку/руки» входит существительное «рука» в единственном и множественном числах и глагол, описывающий действие. «Пожать руку» - социальный жест, употребляемый в сатисфактивных речевых актах.

Для этого жеста характерны три ситуационные модели употребления жеста.

1 К1 - Р+Ж(С) - К2

Коммуникант (К1) дополняет свое речевое высказывание (Р) невербальным действием (Ж) существующего культурного обычая (С – сатисфактив, знакомство, приветствие, прощание), адресуя коммуниканту (К2).

В этой ситуационной модели качество жеста является мотивирующим компонентом фрейма. В семантике глаголов, вербализующих жест, уже содержится указание на этот факультативный компонент фрейма: 1) рабочая часть руки – кисть; 2) многократность действия; 3) направление руки – рука вытянута вперед по направлению к объекту фрейма; 4) конфигурация (кисти рук субъекта и объекта сплетены, взяты в кулак и выполняют действие).

Фрейм уточняется за счет еще двух факультативных компонентов: объекта фрейма, на который направлено действие, и цели использования невербального действия.

1) Знакомство.

Для передачи значения знакомства жест в русском языке может вербализоваться выражениями «обменяться рукопожатиями» или «трясти руку». Значение жеста уточняется контекстно:

Хозяева и гости обменялись рукопожатиями.

-Прошу любить и жаловать: Владимир Савельевич Одеянов, - представил своего спутника Хохлов. – Из Москвы… [Рекемчук, 1977: 377].

-Здравствуйте, товарищи! Познакомимся… - он стал трясти руки пещерным жителям [Рекемчук, 1977: 45].

В немецком языке для описания этого же значения жест может манифестироваться выражением «sich die Hände schütteln»:

Paul Papke trat vor: «Herr Waldersleben, nicht wahr? Gestatten Sie: Papke mein Name! Sie haben wahrscheinlich unsern Brief erhalten.» Sie schüttelten sich die Hände [Bredel, 1950: 203].

В английском языке для экспликации значения знакомства жест может вербализоваться выражением «to give hand to shake».

When Mrs. Strickland introduced me to her husband, he gave me a rather indifferent hand to shake [Maugham, 1972: 37].

В данном примере цель привлечения невербального действия репрезентируется обстоятельством «indifferent», входящим в состав языковой манифестации жеста, для экспликации отношения к коммуниканту (высокомерие).

2) Приветствие.

Для выражения этого значения жеста необходимо привлечение коммуникативного контекста, так как средства вербализации не выявляют его значение.

В состав языковой манифестации жеста в русском языке, кроме деепричастного оборота «пожимая руки», входит обстоятельство «наскоро» для передачи интенции адресанта и отношения к коммуникантам.

Адресант узнал о происшествии, ему интересно узнать подробности, поэтому он старается побыстрее выполнить ритуал приветствия. В этом примере значение жеста эксплицируется глаголом, вводящим прямую речь, «входить» и существительным «комната»:

-Неужели, господа? – заговорил Чубиков, входя в комнату Псекова и наскоро пожимая всем руки. – Неужели? Марка Иваныча? Убили? Нет, это невозможно! Не-воз-мож-но! [Чехов, 1985: 84].

Значение жеста, вербализованного выражением «пожать руки», может дополнять реплику коммуниканта:

-Здравствуйте, - пожал им руки Дорохин. – Садитесь [Овечкин, 1978: 134].

В немецком языке жест может вербализоваться выражением «einen Händedruck wechseln», которое в своей семантике содержит значение «приветствие» и определяет значение жеста:

Dann wechselte er [Tomas Buddenbrook] einen Händedruch mit Konsul Kröger [Mann, 1956: 240].

В английском языке жест «пожать руку» может репрезентироваться выражением «to shake hands with», значение которого раскрывает коммуникативный контекст. В состав языковой манифестации жеста входит обстоятельство «coldly», которое эксплицирует качество жеста и прохладные отношения между коммуникантами:

«Well, young fellow, home for the holidays? My word, what a big chap you're growing?»

I shook hands with him rather coldly. I wished I had not come [Maugham, 1980: 89-90].

3) Прощание.

Для экспликации этого значения также необходимо привлечение коммуникативного контекста. В диалогическом дискурсе значение жеста, вербализованного выражением «пожать руку», может дополнять реплику:

-Прощай! А здорово ты нашему косому нос утер.

Я пожал ей руку и растроганно пробормотал:

-Спасет тебя Христос… Я сроду тебя не забуду… [Гладков, 1951: 126].

Значение жеста, манифестируемого деепричастным оборотом «пожимая руку», раскрывает глагол, вводящий прямую речь, «прощаться»:

Прощаясь со слепым машинистом, пожимая ему руку, Гайдуков сказал:

-Ходить бы тебе, Матвей Поликарпыч всюду по бригадам и рассказывать это, чтобы не забывали!.. [Овечкин, 1978: 122].

В следующем примере детерминирующим оказываются личностные отношения людей. В диалогическом дискурсе, участниками которого являются два друга, значение жеста, вербализованного выражением «жать друг другу руки», эксплицируется репликами адресанта:

Им хочется обняться, но чего-то стыдно, и они просто жмут друг другу руки.

-Прямо к поезду? – спрашивает Мишка.

-В самый обрез вышли, - говорит Илья… [Казаков, 1963: 167].

В английском языке значение жеста, вербализованного выражением «to shake by the hand», передают реплики. В состав языковой манифестации входит обстоятельство «warmly», которое заполняет слот «цель использования невербального средства» и эксплицирует отношение адресанта к адресату:

«How are you, old fellow? Glad you're come down. Emmy'll be delighted to see you,» Osborne said, shaking his comrade warmly by the hand [Thackeray, 1950: 237].

Значение жеста, вербализованного выражением «to shake hands», конкретизирует реплика коммуниканта «Good-by». Обстоятельство «politely» передает учтивое отношение к адресату:

«Good-by.» Dick shook hands politely [Fitzgerald, 1983: 259].

4) Поздравление.

«…Haben Sie vielleicht Geburtstag?»

«Ja, Mathilde. Gut geraten.»

«Was, wahrhaftig?» Sie umklammerte meine Hand und schüttelte sie herzlich. «Herzlichsten Glückwunsch! Zaster in Fülle! Herr Lohkampf» [Remaque, 1963: 23].

В этом диалогическом дискурсе эксплицируются два жеста. Первый жест вербализуется выражением «die Hand umklammern» в значении «схватить за руку». А второй жест манифестируется выражением «die Hand schütteln» в значении «трясти руку», но под влиянием коммуникативного контекста оно меняется, так как когда у человека день рождения, его руку не трясут, а пожимают. Обстоятельство «herzlich», входящее в состав языковой манифестации жеста, репрезентирует качество жеста и хорошее отношение к коммуниканту.

2. К1 – Д - К2 - Р+Ж

Коммуникант (К2) вербально (Р) и невербально (Ж) благодарит другого коммуниканта (К1) за оказанное действие (Д).

В данной ситуационной модели мотивирующим компонентом фрейма является причина использования невербального средства – благодарность за оказанное действие. Значение жеста, вербализованного выражениями «потрясти руки» или «пожать руку», уточняется репликами, которые дополняет невербальный акт:

-Большое вам спасибо, бабушка… - За все. – Вера пожала ей руку [Злуникин, 1965: 285].

-Спасибо, спасибо вам, - с чувством сказал Иван Федорович. – Спасибо, что потрудились лично заехать. Теперь мы с вами вроде как одной веревочкой связаны… - И он потряс плотную руку генерала [Фадеев, 1981: 31].

В немецком языке жест может вербализоваться выражением «die Hand drücken». Значение кинемы раскрывают реплики, сопровождающиеся невербальным актом:

«Merci,» sagte Lebrecht Kröger und drückte dem Konsul der am Wagen stand, die Hand. «Merci, Jean, es war allerliebst!» [Mann, 1956: 38].

3. К1 - Р+Ж(О)) - К2

Коммуникант (К1) направляет свои вербальные (Р) и невербальные действия (Ж) на коммуниканта (К2), одобряя (О) его действия.

Жест может вербализоваться выражением «пожать руку» и обстоятельством «крепко», которое заполняет слот «качество жеста». Другие факультативные компоненты фрейма – цель и причина использования невербального средства – раскрываются контекстно: коммуникант, по мнению многих, совершил поступок, заслуживающий

одобрения. Жест может употребляться в вердиктивных речевых актах, под которыми понимаются акты приговора, одобрения, неодобрения [см.: Сусов, 1980: 43]:

Мошков выбрался из-за стола, подошел к Олексану и крепко пожал его руку.

-Ну, Кабышев, вот тебе моя рука! Не хотел, но заслужил ты, брат… [Красильников, 1974: 105].

Таким образом, значение жеста «пожать руку» можно определить не столько его языковой манифестацией, сколько привлечением коммуникативного контекста. Вербализация жеста, включая в свой состав обстоятельства, передает отношение коммуникантов друг к другу. Возможность употребления жеста определяется следующими факторами: 1) степенью знакомства и частотой общения жестикулирующих; 2) соотношениями их возрастов и социальных статусов; 3) гендерным признаком. Часто общающиеся между собой люди реже пожимают друг другу руки, например, близкие родственники, особенно проживающие совместно, обычно не делают этого. Не протягивают руки и малознакомым людям, за исключением ситуации знакомства. Наоборот, люди, близко знакомые, но нерегулярно встречающиеся, обычно делают это при каждой встрече. Если встречаются два человека разного возраста, то обычно первым протягивает руку старший, за исключением тех случаев, когда младший значительно выше старшего в социальной иерархии. Этот жест по преимуществу мужской, и многие женщины вообще не употребляют его в неофициальных ситуациях. В ситуации официального приветствия определяющую роль играют социальные статусы адресанта и адресата.

ВЫВОДЫ

Фреймовый подход к анализу языковой манифестации жестов рук и выделение ситуационных моделей позволил достаточно объективно отразить средства языковой манифестации жестов в диалогическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. (2000). Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. - Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та. - 123 с.

2. Виноградова С.Г. (2002). Категориальные и субкатегориальные значения английских экзистенциальных глаголов в поэтическом тексте: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тамбов. – 26 с.

1. Гладков Ф.В. Вольница. – М.: Худ. лит-ра, 1951. – Т. 5. – 552 с.

3. Гунина Н.А. (2000). Системная функциональная категоризация английских глаголов с общим значением «звучания»: Дис. … канд. филол. наук. – Тамбов. – 181 с.

2. Казаков Ю.П. Голубое и зеленое. – М.: Советский писатель, 1963. – 320 с.

3. Красильников Г.Д. Олексан Кабышев. – Ижевск: Изд-во Удмуртия, 1974. – 362 с.

4. Овечкин В.В. Гости в стукачах. Рассказы и очерки. Районные будни. – М.: Сов. Россия, 1978. – 640 с.

4. Попова З.Д., Стернин И.А. (1999). Понятие «концепт» в лингвистических исследования. – Воронеж: ВГУ. – 30 с.

5. Рекемчук А.Е. Исток и устье. – М.: Современник, 1977. – 445 с.

6. Чехов А.П. Рассказы. «Юбилеи». – М.: Сов. Россия, 1985. – 384 с. Bredel W. Verwandte und Bekannte. – M.: Verlag für fremdsp. Literatur, 1950. – 393 S.

7. Fitzgerald F. Scott. Tender is the night. – M.: Raduga publishers, 1983. – 400 p.

8. Mann T. Budenbrooks. – M.: Verlag für fremdsp. Literatur, 1956. – 736 S.

9. Maugham S. The Moon and Sixpence. – M.: Прорресс, 1972. – 240 с.

10. Maugham W.S. Cakes and Ale: or the Skeleten in the Cupboard. – M.: Progress publishers, 1980. – 240 p.

5. Schegloff E.A. (1987). Between Micro and Macro: Contexts and other connections // The Micro-Macro Link. – Berkeley. – P. 207-234.

11. Thackeray W.M. Vanity Fair. – M.: Foreign Languages publishing house, 1950. – Ч.II. – 378 p.

USING FRAME APPROACH TO ANALYZING OF THE HAND GESTURES VERBAL REPRESENTATION (on the example of gestures "handshake")[12]

Irina Ilyina[13]

ABSTRACT

The article considers approach to analysing of the hand gestures verbal representation. It shows obligatory and supplementary components of the gesture frame. The situational model is the basis of studying non-verbal part of communication

KEYWORDS

gesture, gesture frame, motivative component, optional and oblidgatory components of frame, situational model

[12]© Irina Ilyina, 2004

[13] Department of Foreign Languages, Tambov University, Russia,ser_il@mail.ru

РАЗРЕШЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕН НА ОСНОВЕ ПРАВИЛ СОЧЕТАЕМОСТИ ДЛЯ ТАКСОНОМИЧЕСКИХ КЛАССОВ

Борис Кобрицов

ВВЕДЕНИЕ

При создании любой системы автоматической обработки текста одной из важнейших проблем является лексическая многозначность слова. Наличие у слова нескольких семантический интерпретаций создает серьезные препятствия для построения правильной структуры текста или выбора релевантных результатов при информационном поиске.

Очевидно, что устранение многозначности способно существенно улучшить результаты работы самых разных систем обработки текста, начиная от машинного перевода, заканчивая программами информационного поиска, автоматического аннотирования и реферирования и т.д.

История создания систем снятия многозначности насчитывает не одно десятилетие, и в последнее время за рубежом существуют проекты, в рамках которых достигнуты весьма неплохие результаты для определенных областей лексики (см. Кобрицов (2004)). К сожалению исследований в этом направлении для русского языка практически нет. Тем не менее, представляется, что такая задача весьма актуальна, более того в этом смысле отечественная лингвистика находится, в некотором смысле, в более выгодном положении: мы можем в полной мере использовать опыт западных разработок в этой области, взяв от них все лучшее и приспособив к русскому материалу.

В данной статье рассматривается метод снятия семантической многозначности для предметных существительных русского языка, основанный на анализе сочетаемостных свойств слов различных таксономических классов. Эта экспериментальная система планируется к внедрению в Национальный корпус русского языка[14] для частичного снятия многозначности в корпусе семантически размеченных текстов

Статья состоит из 6 разделов: в Разделе 1 рассматриваются типы существующих автоматических систем снятия многозначности, оцениваются их преимущества и недостатки. Раздел 2 представляет наш подход к разрешению неоднозначности, основанный на правилах сочетаемости лексем целых таксономических классов. В Разделе 3 приводится краткий обзор принципов построения классификации предметных имен в нашей системе. В Разделе 4 рассматривается общая стратегия работы системы, описываются типы анализируемых контекстов и типы правил снятия многозначности. В Разделе 5 приводятся примеры правил выбора значения имен в морфосемантическом контексте. В Разделе 6 подводятся итоги и содержится предварительная оценка эффективности работы системы.

1. МЕТОДЫ СНЯТИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ

1.1 Общие принципы

Задача автоматического разрешения семантической неоднозначности находится в центре внимания исследователей, начиная с самого начала работ по компьютерной обработке языка в 50 гг.(Ide, Veronis (1998)). Обычно под снятием семантической неоднозначности подразумевают выбор конкретного словарного толкования для данного употребления слова в тексте. Задача, таким образом, разделяется на два этапа: (1) выделение всех различных значений слова; (2) создание правил, которые позволяют автоматически определить значение каждого употребления слова в тексте.

[14] В 2001г. при инициативе компании Яндекс была начата работа по созданию Национального корпуса русского языка, задачей которого является создание большого корпуса текстов, отражающих современное состояние русского языка. Корпус доступен в интернете по адресу www.ruscorpora.ru (подробнее см. Сичинава, Плунгян (2004), а также Рахилина, Шаров (2003))

На первом этапе работы по снятию неоднозначности обычно опираются на данные об общепринятых значениях слова – в них используются:

– список значений, например, толкования в обычных словарях;

– группы свойств, семантических категорий или семантически связанных слов (например, синонимов, как в тезаурусных толкованиях);

– статьи из двуязычных словарей, включающие переводы на другой язык, классы переводных эквивалентов и т. д.

На этапе (2) выполняется выбор значения слова, который базируется на использовании в основном информации двух типов:

– контекст слова, для которого осуществляется выбор значения. Контекст включает сведения из текста, в котором употребляется слово, вместе с другими экстралингвистическими данными об этом тексте, например, знание ситуации, в которой употребляется слово и т. п.

– внешние источники знаний, включая лексические и энциклопедические словари, и другие источники знаний, которые содержат данные полезные при определения значения слова.

Сама же процедура снятия семантической неоднозначности работает следующим образом. Сначала собираются сведения о контексте употребления слова, сюда могут входить данные о конкретных лексемах, грамматических конструкциях, семантических категориях слов, входящих в окружение рассматриваемого многозначного слова. А затем эта информация сравнивается с такими же данными из базы знаний, в которой собраны свойства контекста для уже определенных значений слова. Если свойства контекста для рассматриваемого словоупотребления совпадают (или имеют высокое сходство) со свойствами контекста из базы знаний, то данному употреблению слова приписывается соответствующее значение из базы знаний.

1.2 Типология систем

Все разнообразие систем автоматического разрешения неоднозначности можно разделить на две категории: 1) основанные на применении лингвистических правил; 2) основанные на статистическом анализе контекстов. В системах первого рода для выбора верного значения используются правила, связывающие употребление слова в определенном значении с характерным контекстом.

Работа систем второй группы состоит из двух этапов: "обучение" на материале тренировочного корпуса и последующее применение к реальным текстам. Сначала на вход системе подается массив текстов, в которых для каждого многозначного слова уже выбрано правильное значение. На основе данных тренировочного корпуса алгоритм разрешения семантической омонимии для значений многозначных слов строит списки контекстов, которые свойственны для данного значения. Таким образом, формируется набор соответствий между употреблением слова в данном значении и непосредственным контекстом. Такие списки контекстов обрабатываются специфическими статистическими алгоритмами, в результате чего образуются эвристические правила выбора значения слова в определенном контексте (см., например, Yarowsky (1992)).

Из сказанного хорошо видны преимущества и недостатки двух методов. Достоинство систем, основанных на статистических моделях, в том, что в них используется минимум лингвистической информации, их можно быстро реализовать, кроме того, один и тот же алгоритм можно применять к текстам на разных языках.

Однако из их достоинств вытекают и их недостатки: для того, чтобы уровень точности снятия многозначности был достаточно высок, размер тренировочного корпуса должен быть очень большим. Это принципиальное ограничение – невозможно построить статистически адекватный механизм выбора значений без достаточно представительной выборки употреблений многозначных слов, со снятой многозначностью. А создание большого корпуса без семантической омонимии требует чрезвычайно больших затрат

времени и труда специалистов, что накладывает определенные рамки на проекты такого рода.

Напротив, системы снятия многозначности, основанные на правилах, не требуют тренировочного корпуса, и могут применяться к любому тексту (Weiss (1973)). Кроме того, правиловый подход дает возможность содержательного лингвистического анализа поведения слов в тексте, что обусловливает его ценность с теоретической точки зрения. Однако недостатком этого метода является то, что создание индивидуальных правил требует также большого труда специалистов.

2. СНЯТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ В ПРОЕКТЕ НКРЯ

При создании экспериментальной системы снятия семантической многозначности в нашей работе мы попытались преодолеть недостатки описанных методов, поставив перед собой две цели: 1) система не должна зависеть от тренировочного корпуса и должна опираться на содержательные лингвистические данные; 2) система должна обрабатывать максимальное количество употреблений многозначных слов.

Решением этих двух задач стал подход, основанный на использовании правил контекстного поведения для лексем, принадлежащих отдельным классам семантической классификации. Мы исходили из предположения о том, что большинство особенностей контекстного поведения слов выводимы из их глубинных семантических свойств[15]. Из этого следует, что, имея развернутую семантическую классификацию предметных имен, мы можем формулировать правила не для отдельных лексем, а для целых классов – ведь класс как раз и является обобщением семантических свойств некоторого множеств лексем (Кобрицов и др. (2004)).

Таким образом, для реализации этого метода необходимо было решить две подзадачи: 1) создание таксономической классификации предметной лексики русского языка и 2) описание контекстных правил выбора значения.

3. КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕН

Подходя к созданию классификации предметных имен, мы сформулировали несколько основных требований, которым она должна удовлетворять. Во-первых, в ней должны отражаться сочетаемостные свойства лексем, во-вторых, номенклатура классов должна быть компактна, логична и удобна в использовании, в-третьих, в классификации должны быть представлены онтологические связи между описываемыми объектами. Наконец, классификации должна быть реализована в таком формате, который допускал бы ее простое применение для семантической разметки текста и анализа семантических контекстов.

В качестве основы было решено взять классификацию предметных имен из базы данных "Лексикограф" (Красильщик, Рахилина (1992)), разрабатываемой группой специалистов под рук. Е.В.Падучевой в отделе лингвистических исследований ВИНИТИ РАН, так как принципы, заложенные в ее основу, идеально соответствуют нашим задачам. Исходное множество предметных имен из "Лексикографа" (~ 4000) было дополнено лексикой из словаря русского языка Ожегова. Всего в классификацию попало около 25 тыс. предметных существительных, из них порядка 4 тыс. имен являются многозначными, образуя около 10 тыс. лексико-семантических вариантов.

При разработке структуры словарной статьи предметного имени главным требованием стали компактность и сопоставимость семантического описания с описаниями других предметных имен. После тщательного рассмотрения различных вариантов решено было остановиться на четырех семантических атрибутах, которые, по

[15] Разумеется, существуют различия в контекстах употребления слов, не мотивированные их семантическими свойствами. Однако таких случаев меньшинство, и этот вопрос мы подробно не рассматриваем.

нашему мнению, охватывают большую часть семантики существительного. Эти атрибуты: таксономический класс, мереологический статус, форма объекта и предметная область.

Таксономический класс. В поле "таксономический класс" лексеме приписывается семантический класс из выработанной в системе классификации: это может быть 'изделие', 'вещество', 'приспособление', 'емкость', 'отверстие', 'сооружение', 'животное' и многие др. (всего около 80 классов, находящихся в разных узлах иерархии). Значения этого признака устанавливают гипо-гиперонимические отношения между лексемами. Как и в любой иерархии, классы нижних уровней классификации наследуют все семантические признаки классов-родителей.

Мереологический статус. В традиционных словарях тезаурусного типа отношение *часть-целое* является вторым по значимости после гипо-гиперонимической зависимости. Оно также является чрезвычайно существенным для нашей классификации, так как анализ определенных словосочетаний, выражающих такое отношение, очень во многих случаях позволяет выбрать правильное значение слова, употребленного в этом контексте. Поля данного атрибута – 'мереологический статус' и 'мереологический коррелят', связаны и описывают одно из двух семантических отношений: часть – целое; множество – элемент.

Вопрос о заполнении этого атрибута в классификации решается в зависимости от того, существуют ли в русском языке грамматические конструкции, выражающие соответствующее мереологическое отношение между лексемами. Например, наличие генитивной конструкции *крыша сарая* является формальным основанием для введения в описание слова *крыша* мереологического отношения <крыша = часть → строение>. В то же время, недопустимость генитивного определения в конструкции **полуостров страны* или **полуостров континента* дает основания не считать полуостров *частью суши*.

Форма. Семантический атрибут "форма" введен в структуру словарной статьи для того, чтобы отразить некоторые особенности семантики имен, которые не представлены в описании других атрибутов. Семантика слова многогранна, и иногда одно и то же слово, может выступать в разных лексико-синтаксических контекстах в зависимости от того, какой аспект значения находится в данный момент в центре внимания. Например, некоторые объекты из класса мебели (но далеко не все) одновременно являются и контейнерами определенного типа, предназначенные для хранения других предметов, что подтверждается наличием контекстов с предлогами 'в', 'из', 'внутри', ср.:

И еще последите*, чтобы в платяном шкафу в моих костюмах не завелась моль.* (Я.Гашек. Похождения бравого солдата Швейка)

Предметная область. Этот семантический атрибут введен в классификацию для того, чтобы разделить употребления разных значений слов в текстах различной жанровой принадлежности. В НКРЯ представлена разветвленная структура текстовых жанров (см. http://www.ruscorpora.ru/corpora-structure.html), это в некоторых случаях дает возможность различать значения предметных имен.

4. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ СИСТЕМЫ СНЯТИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ В ПРОЕКТЕ НКРЯ

Структура нашей системы разрешения неоднозначности выглядит следующим образом:

1) на входе система получает текст с морфологической и семантической разметкой

2) "внутри" находится множество правил, которые на основе морфосемантического контекста выбирают правильное значение для многозначных слов

3) после работы системы в области семантической разметки для многозначного слова, остается описание правильного значения, либо "вычеркиваются" значения, которые, согласно правилам, это слово не может иметь в данном контексте.

В дальнейшем мы будем предполагать, что правила применяются только к текстам со снятой морфологической омонимией, которые входят в состав Национального корпуса русского языка. Теоретически, ничто не запрещает их использование и для корпуса с

неснятой омонимией, однако точность результатов будет однозначно ниже, либо же правила разрешения многозначности нельзя будет применить.

4.1 Типы контекстов

Все правила выбора значения опираются на непосредственный контекст омонимичного слова. Идеальным решением было бы формулировать такие правила на основе синтаксической структуры предложения. Однако в нашей системе снятия семантической многозначности мы отказались от использования синтаксического уровня представления. Это связано в основном с тем, что для русского языка на сегодняшний момент не существует достаточно надежной системы автоматического синтаксического анализа.

Тем не менее, отсутствие полной синтаксической структуры не является существенным препятствием. Дело в том, что в НКРЯ принята детальная морфологическая разметка текстов, и существует возможность развернутого контекстного поиска словоформ. Это дает возможность построить некоторый вариант упрощенного синтаксического анализа, который позволяет устанавливать элементарные синтаксические отношения между словами-соседями. Как показывает данное исследование, для разрешения многозначности омонимичных имен в подавляющем большинстве случаев достаточно рассмотреть такие синтаксические фрагменты.

Все синтаксические конструкции, необходимые для наших задач можно разделить на несколько групп, в зависимости от типа контекста, который они описывают:

1) с атрибутивным определением;
2) с генитивной конструкцией;
3) с предложным управлением;
4) с глагольным управлением.

4.2 Правила выбора значения

Правила снятия семантической многозначности можно разделить на два следующих вида:

(1) если для слова W, имеющего n значений с семантическими описаниями, соответственно, {S1, S2 .. Sn}, выполняется некоторое условие IF, то это слово употреблено в значении Si.

(2) если для слова W, имеющего n значений с семантическими описаниями, соответственно, {S1, S2 .. Sn}, выполняется некоторое условие IF, то это слово **не может** быть употреблено в значениях {Si .. Sj}.

Правила первого типа называются *селективными*, потому что они непосредственно задают выбор значения, правила второго типа называются *рестриктивными*, так как они запрещают употребление слов определенных семантических классов в рассматриваемом контексте. Легко видеть, что если у слова выделяется только два значения, рестриктивное правило автоматически становится селективным: неверное значение отсекается и остается единственно возможное второе значение.

Если же слово имеет более двух значений, то применение рестриктивных правил снижает число неверных интерпретаций, таким образом, результаты запроса, которые получает пользователь, содержат гораздо меньше лингвистического "шума".

Все множество правил организовано в виде очереди: сначала идут правила, применимые к крупным классам имен, затем правила, описывающие индивидуальные особенности лексем классов нижних уровней таксономической иерархии. Правила выполняются последовательно для каждого случая многозначности, если на определенном этапе у слова остается только одно значение, то работа по разрешению неоднозначности прекращается. Если для данного контекста неприменимо ни одно из правил, то многозначность остается неснятой.

Таким образом, при формировании правил главной исследовательской задачей стало выявление контекстных условий для слов различных таксономических классов. При их поиске мы активно пользовались корпусом русских текстов со снятой морфологической омонимией, которым была приписана семантическая разметка. Была создана специальная программа, позволяющая осуществлять поиск контекстов слова по разным морфосемантическим признакам. Итак, первоначальные гипотезы о правилах выбора значения формировались на основе данных классификации и корпуса морфологически размеченных текстов. Затем, полученные правила проверялись на большом корпусе (НКРЯ) без снятой омонимии, при такой проверке главное внимание уделялось двум факторам: 1) сколько предложений с многозначными предметными именами попадают под действие правил, 2) в скольки процентах случаев применения правил выбиралось верное значение существительного. Заметим, что главным требованием при создании правил было следующее: *применение правил не должно давать неверных результатов*. Наш опыт в разработке автоматических систем обработки текста показывает, что на порядок проще развивать систему, построенную на базе простых правил, постепенно усложняя и оптимизируя ее работу, чем, изначально заложив возможность решать очень широкий круг задач, в последствии бороться с неверными результатами, которые неизбежно возникают при разработке систем такого уровня сложности.

4.3 Семантическая разметка

Как видно из перечня синтаксических конструкций, которые используются в правилах выбора значения, для полноценной работы системы помимо классификации предметных существительных необходимо иметь семантическое описание прилагательных и глаголов. Такие классификации были созданы в рамках работы над проектом Национального корпуса русского языка.

Перед участниками проекта встала задача создать достаточно емкое, но, в то же время, компактное семантическое описание классов прилагательных и глаголов, которое бы отражало общепринятые представления о семантической организации лексики. Такой подход в большой степени связан с экспериментальным характером планируемой семантической разметки. И наше исследование в числе других задач, призвано оценить точность и полноту проведенной классификации и предоставить объективные требования к изменению состава и наполнения классов.

Для глаголов выделялись такие семантические классы как восприятие(наблюдать, слышать), речь(лгать, орать), движение(лезть, бежать) и др., всего около 40. Прилагательные были разделены примерно на 30 категорий такие как размер(высокий, маленький), форма(круглый, рифленый), эмоции(веселый, растерянный) и др.[16]

Несмотря на немногочисленность классов, такая классификация глаголов и прилагательных, в большинстве случаев позволяет выбрать правильное значение предметного имени.

5. ПРИМЕРЫ ПРАВИЛ СНЯТИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ

Ниже приводятся примеры четырех типов правил, которые рассматривают различные синтаксические контексты (см. выше).

Правила с атрибутивным определением.

Если многозначное существительное имеет атрибутивное определение, относящееся к одному из следующих классов: человеческие качества, ментальные, эмоции, голос, возраст, характер, то данное существительное выступает в значении, относящемся к классу людей.

[16] Здесь и далее названия таксономических классов выделяются полужирным шрифтом.

Надо отметить, что в русском языке насчитывается около 1 тыс. имен, одно значение которых относится к классу людей, таким образом, данное общее правило во многих случаях позволяет выбрать правильную семантическую интерпретацию, ср.:

Прайор вводит ее в вестибюль, а японские туристы уже встали и теперь толпятся вокруг скучающих гидов. (У.Гибсон. Мона Лиза Овердрайв)

В данном предложении у многозначного существительного гид {1) 'человек, сопровождающий туристов' 2) 'путеводитель'} будет правило выберет верное первое значение.

Правила с генитивной конструкцией.

В данном правиле используется информация о мереологическом статусе имени и рассматриваются существительные, одно из значений которых относится к кассу людей.

Если многозначное имя употреблено в качестве генитивного определения к существительному имеющему мереологическое описание **часть тела**, то в качестве правильного значения выбирается то, которое входит в класс **людей**.

В следующем предложении для многозначного имени *амазонка* {1) 'женщина-воительница'; 2) 'женское платье для верховой езды'} данное правило выберет верное первое значение, ср.:

В Америку же попал бюст амазонки - йогини из храма шестидесяти четырех йогиней в Мадхья Прадеш. (Ефремов. Таис Афинская)

Правила с предложным управлением.

В русском языке существует ряд слов, относящихся к классу **мебели**, которые могут также означать **организацию** определенного типа (*буфет, стол, бюро, бар* и др.). Следующее правило позволяет различить значения этих в некоторых употреблениях:

если слово данной группы употреблено в сочетании с предлогами *на* или *под* при глаголе **положения в пространстве** или **каузации движения**, то оно выступает в первом значении, ср.:

Она не отозвалась, сумасшедшая стерва, и я поставил стаканы на буфет рядом с телефоном, который как раз зазвонил. (В.Набоков. Лолита)

Правила с глагольным управлением.

Данное рестриктивное правило основывается на семантических ограничениях, налагаемых на позицию субъекта глаголов определенным семантических классов:

многозначное существительное, занимающее позицию субъекта при глаголах следующих классов **восприятия**, **ментальных**, **обладания**, **поведения человека**, **речи**, **физиологических**, **эмоций** не может выступать в значении, принадлежащем таксономическим классам **пространство**, **растение**, **изделие**, **вещество**, **сооружение**.

Таким образом, если на вход данного правила поступает предложение:

Он, белокурая бестия, просто по определению должен был задать перцу вот этому черненькому сморчку, а тут вдруг сморчок намекает, что все будет едва ли не наоборот, и даже портит игрушку... и деньги... (А.Лазарчук. Солдаты Вавилона)

то во втором употреблении слова *сморчок*, из двух значений будет удалено то, которое означает 'съедобный сумчатый гриб'.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования было сформулировано около 40 правил, описывающих контекстные ограничения для многозначных существительных различных таксономических классов. По результатам предварительного тестирования на материале Национального корпуса русского языка выяснилось, что число употреблений многозначных предметных имен, к которым применимо по крайней мере одно из правил, колеблется от 40 до 60 % от общего количества примеров. Точность выбора значения составила больше 90%, что отражает главный принцип нашего подхода – максимально уменьшить число неверных семантических интерпретаций, которые выбираются правилами снятия многозначности.

Таким образом, при работе с корпусом, для которого применялось снятие многозначности, пользователь вправе ожидать, что в зоне предметных имен количество нерелевантных результатов запроса будет существенно ниже, чем в корпусе без снятой омонимии.

В перспективе этого метода лежит дальнейшее уточнение контекстных правил и пересмотр состава таксономических классов как для предметных существительных, так и для прилагательных и глаголов.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Ide N., Veronis J.: Introduction to the Special Issue on Word Sense Disambiguation: The State of the Art. Computational Linguistics, 24(1) (1998).

2. Weiss S. (1973). Learning to disambiguate, Information Storage and Retrieval, 9.

3. Yarowsky, David (1992). “Word sense disambiguation using statistical models of Roget's categories trained on large corpora.” Proceedings *of the 14th International Conference on Computational.*

4. www.ruscorpora.ru – сайт проекта Национального корпуса русского языка.

5. Кобрицов Б.П. Методы снятия семантической неоднозначности // Научно-техническая информация. Сер.2. – 2004. – №1.

6. Кобрицов Б.П., Ляшевская О.Н., Рахилина Е.В. Именная классификация как лингвистическая проблема // Труды конференции Конгресс русского языка. – 2004. – МГУ.

7. Корпусная лингвистика в России (сост. Рахилина Е. В., Шаров С. А.) // Научно-техническая информация, сер. 2: Информационные процессы и системы, 2003, №№ 6 и 10.

8. Красильщик И.С., Рахилина Е.В. Предметные имена в системе "Лексикограф".// Научно-техническая информация. Сер.2. – 1992. – N 9.

9. Плунгян В.А., Сичинава Д.В. Морфологическая информация в национальном корпусе русского языка // Труды II-го Международного конгресса русистов-исследователей 2004.

10. Рахилина Е.В. О лексических базах данных // Научно-техническая информация. Сер.2. – 1992. – N 9.

LEXICAL DISAMBIGUATION OF RUSSIAN NOMINAL SUBSTANTIVES BASED ON RULES OF CONTEXTUAL PATTERNS FOR TAXONOMIC CLASSES[17]

Boris Kobricov[18]

ABSTRACT

This paper concerns the problem of lexical ambiguity within Russian nominal substantives. It presents experimental approach of word sense disambiguation based on rules, that describe contextual patterns for taxonomic classes of substantives. We present the principles of taxonomic classification in our system and the strategy of disambiguation algorithm, and give some examples of semantic context rules. Also, the effectiveness and perspectives of such approach are discussed.

KEYWORDS

nominal substantives, lexical disambiguation, taxonomic classification, context

[17] © Boris Kobritsov, 2004

[18] Institute of linguistics Russian State University for Humanitarian, bobby@ru.ru

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ МЫШЛЕНИЯ

О. Г. Лябина

Каждый человек – индивид, т.е. «человек в совокупности всех присущих ему качеств: биологических, физических, социальных, психологических и других», а каждый индивид – индивидуален и субъективен (Немов, 1995: 553).

Несомненно, совокупность этих качеств не может быть одинаковой для всех индивидов. Индивидуальность содержит в себе такие индивидные и личностные свойства человека, такое их сочетание, которое данного человека отличает от других людей.

Составляющей индивидуальности человека является совокупность устойчивых психологических качеств индивида, объединенных в понятие «личность». Благодаря личностным свойствам, каждая личность также по-своему неповторима и своеобразна, т.к. включает не только общие и особенные признаки, но и единичные, уникальные свойства человека. Эти единичные свойства и составляют его индивидуальность.

«Индивидуальные различия порождаются многочисленными и сложными взаимодействиями между наследственностью индивида и его средой. Наследственность допускает очень широкие границы поведения. Внутри же этих границ результат процесса развития зависит от его внешней среды» (Анастази, 1982: 9).

Рассмотрим некоторые психологические качества человека, определяющие индивидуальные различия.

Говоря об индивидуальности, отечественный психолог Б. М Теплов подразумевает под способностями именно «индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого» (Теплов, 1981: 32).

Для данного исследования представляют ценность общие и специальные высшие интеллектуальные способности, основанные на пользовании речью и логикой.

Имеющийся у человека комплекс индивидуально-типологических свойств его нервной системы определяет его темперамент, от которого далее зависит индивидуальный стиль деятельности, в том числе и речевой. Хотя свойства темперамента скорее составляют индивидные особенности человека, т.е. являются врожденными, они определяют его индивидуальность, оказывают существенное влияние на формирование характера. К свойствам темперамента можно отнести те отличительные индивидуальные признаки человека, которые определяют собой динамические аспекты всех видов деятельности.

В общей структуре личности характер занимает центральное место, эмоциональная жизнь человека находится под прямым влиянием характера. Характер человека, несомненно, влияет на его познавательные процессы, в том числе и мышление, делая его субъективным, т.к. в первую очередь характер определяет индивидуальность и своеобразие личности.

Еще одно свойство, составляющее индивидуальность и неповторимость человека – мотивация. Многие мотивационные факторы со временем становятся настолько характерными для человека, что превращаются в черты его личности,

становясь одной из индивидуальных особенностей.

Таким образом, вышеперечисленные индивидные и личностные качества, составляющие личность индивида, являются индивидуальными, уникальными для каждого человека свойствами, делающими его непохожим на других людей.

Определяя связь между личностью, ее составляющими и мышлением, приведем определение личности, сформулированное психологом Г. Оллопортом: «личность есть прижизненно формирующаяся индивидуально своеобразная совокупность психофизиологических систем – черт личности, которыми определяется своеобразное для данного человека мышление» (Немов, 1995: 288).

На практике мышление как отдельный психический процесс не существует, оно проявляется во всех познавательных процессах, в том числе и в речи.

«Речь является основным средством человеческого общения. Речь является индивидуально своеобразной. В речи выражается психология отдельно взятого человека или общности людей, для которых данные особенности речи характерны. Речь несет в себе определенный смысл, характеризующий личность того человека, который ею пользуется. Одним из средств выражения смысла являются сугубо личные мысли человека. Роль слова состоит в том, что в своем значении оно обобщенно отражает действительность, существующую вне и независимо от индивидуального человеческого сознания. Смысл же отражает не только объективный, но и субъективный мир данного человека и сугубо индивидуален» (Немов, 1995: 264).

Главная функция речи у человека состоит в том, что она является инструментом мышления. В слове как понятии заключено гораздо больше информации, чем может в себе нести простое сочетание звуков. Тот факт, что мышление человека неразрывно связано с речью, прежде всего, доказывается психофизиологическими исследованиями участия голосового аппарата в решении умственных задач. При исследовании мышления и речи проблема связи между ними всегда привлекала к себе повышенное внимание. Многие современные ученые придерживаются компромиссной точки зрения, считая, что, хотя мышление и речь неразрывно связаны, они представляют собой как по генезису, так и по функционированию относительно независимые реальности.

Значительный вклад в решение этой проблемы внес Л. Выготский. Неоднократно в своей книге «Мышление и речь» он подчеркивает отсутствие параллелизма между мышлением и речью. «Мысль не выражается, но совершается в слове. Искомые нами внутренние отношения между словом и мыслью не есть изначальная, наперед данная величина… Но вместе с тем было бы неверно… представлять себе мышление и речь как два внешних друг по отношению к другу процесса. Отсутствие изначальной связи между мыслью и словом ни в коей мере не означает того, что эта связь может возникать только как внешняя связь двух разнородных по существу видов деятельности нашего сознания. Значение слова представляет собой акт мышления в собственном смысле слова» (Выготский, 1982: 36).

В этой же работе Л. Выготский отмечает невозможность анализировать целостное речевое мышление, разлагая его на образующие элементы и ставя проблему как проблему отношения этих элементов.

Интересны с психолингвистической точки зрения работы Г. Щедровицкого, посвященные собственно языковому мышлению (речевой деятельности). Их важнейшая идея заключается в том, что «язык и мышление суть не два объекта, возникающие, исторически развивающиеся и функционирующие отдельно друг от друга как самостоятельные сущности, хотя бы и вступающие в некоторую связь: это различные стороны одного объекта – речевой деятельности, развитие которой есть единый процесс» (Щедровицкий, 1957: 38).

В настоящее время существует несколько моделей речемыслительного процесса и продуцирования речи. Так, Л. Выготский трактовал путь от мысли к слову как «процесс движения от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах» (Выготский, 1982: 358).

Речепорождение есть сложная ментальная творческая деятельность человека, поскольку сам процесс вербализации смысла связан с привлечением разноуровневых, разноаспектных и коммуникативно разнонаправленных языковых средств. Именно на этом уровне задаются параметры для селекции слов, их связей, для выбора структуры, того или иного коммуникативного типа предложения, динамический образ предложенческой структуры с ее актуальным членением, с авторским, аппелятивным, коннотативным, этикетным углом зрения, с эмотивным, модальным и прагматическим потенциалом. Это –

полифакторный и комплексный творческий акт, являющийся индивидуально-уникальным для каждого человека.

«Мысль рождается из мотивирующей сферы нашего сознания. На пути к словесному выражению она испытывает двоякого рода опосредствование, не только внешне опосредствуется знаками, но и внутренне опосредствуется значениями» (Леонтьев, 1978: 81).

Одна и та же внешняя «оболочка» речи может сопровождаться совершенно разной функциональной характеристикой связанных с ней процессов. Слово есть знак. Этим знаком можно пользоваться по-разному, его можно применять различным способом. Своеобразие, субъективность мышления позволяет индивиду использовать этот знак в свойственном только ему стиле, обоснованном различием индивидных и личностных качеств данной личности. Оформляя свои мысли в слова, человек невольно репрезентирует субъективность мышления. Это вытекает из положения о детерминации мышления индивидуальными качествами, и определенная и неповторимая совокупность этих качеств, оказывая влияние на мышление, делает его субъективным. Так, одно и тоже событие у людей с разными свойствами темперамента вызывает различные эмоции (впечатлительность, эмоциональность, импульсивность, тревожность). Эти эмоции вмешиваются в процесс мышления и сочетаются с другими индивидуальными свойствами (как, например, интеллектуальные способности и т.д.). Все это делает индивида своеобразным и отличным от других, при этом мышление индивида также становится субъективным.

Важно подчеркнуть, что «процессы речепроизводства недоступны прямому наблюдению, и судить о них можно только по их продуктам – конечным или промежуточным. Конечный продукт (текст, высказывание или отдельное слово) может в какой-то мере и по различным параметрам не соответствовать общеязыковым (системным, нормативным, узусным), прагматическим и т.д. требованиям, т.е. содержать ошибки, анализ которых дает возможность строить гипотезы относительно тех или иных сбоев в работе речемыслительного механизма говорящего человека» (Залевская, 2000: 205). И это также будет являться репрезентацией субъективности мышления, т.к. будет являться отражением того или иного индивидуального качества, отличающего этого человека от других.

Таким образом, определив тесную связь процессов генерации мысли и формирования речи, образующих единый процесс, показав зависимость мышления от личностных и индивидуальных свойств индивида, рассмотрим на примерах фрагментов публичных выступлений современных политических деятелей, как субъективность мышления репрезентируется посредством лексико-стилистических средств.

Так как мышление – активная форма творческого отражения и преобразования человеком окружающей действительности, то, анализируя конечный результат (фрагмент выступления (1)), можно сделать следующие выводы. Исходя из того, что мышление часто связано с проблемной ситуацией, предположим, что в данном случае это – конфликт в Ираке. Во фрагменте (2) мотивом служит агитация, связанная с борьбой и конкуренцией политических партий и их лидеров.

«Вся история западного капитализма – это история постоянного облапошивания, обирания и «кидания» как физических лиц, так и целых государств. История Запада – это история грабежа. Запад развивался тогда, когда обдирал соседа до ниточки. Запад был дыра-дырой. Но вот пробил час Запада. Начались крестовые походы. Вы знаете, что арабов поражало в западных людях больше всего? Говорю сразу: жадность, жадность и жадность. «рыцари гроба Господня» хапали так, что даже арабов пробрало. Сейчас происходит тоже самое. Посмотрите на Ирак» [В. Жириновский]. (Аргументы и факты. Май 2003. №20 (1177)).

(1) «Россия может быть лишь сильным государством, с авторитарным режимом, с мощной экономикой и армией. Я- единственный из всех политических деятелей это понял и уверенно поведу свой корабль к победе. Я стану во главе этого государства! И это будет «третье дыхание» России. И третий взлет будет при мне с 2010 по 2030 гг. С интернетом. С мощным подводным флотом. С новыми источниками энергии. С новыми транспортными магистралями – от Курил до Парижа будут идти поезда без остановки, без перевалки грузов. Мы всех, всех заставим уважать Россию православную, Россию авторитарную. Царь устал. Коммунисты устали. Демократы не смогли. Я смогу. Я – Владимир Жириновский» [В. Жириновский] (Паникин, 2002: 28).

Анализируя данные фрагменты речи, отметим, что по структуре большинство предложений являются простыми, некоторые – эллиптическими. Также для речи В. Жириновского характерно использование повторов.

(1) *Запад* развивался тогда, когда обдирал соседа… . *Запад* был дыра-дырой (анафора).

(2) *Запад* был дыра-дырой. Но вот пробил час *Запада* (кольцевой повтор).

(3) *Я* - единственный из всех политических деятелей это понял… . *Я* стану во главе этого государства! (анафора)

(4) Мы всех, всех заставим уважать *Россию* православную, *Россию* авторитарную (подхват)

(5) Царь *устал*. Коммунисты *устали* (эпифора).

В следующем примере используются параллельные конструкции.

(6) С интернетом. С мощным подводным флотом. С новыми источниками энергии. С новыми транспортными магистралями.

Прием тавтологии – троекратный повтор существительного «жадность» – не добавляет ничего нового к содержанию высказывания. Перечисленные выше приемы усиливают выразительность, но к предметно-логической информации повтор ничего не добавляет, его можно расценивать как избыточность. С позиции индивидуальных качеств личности данный прием может быть объяснен наличием таких свойств темперамента, как эмоциональность (эмоциональный индивид почти никогда не бывает спокойным, постоянно находится во власти каких-либо эмоций, в состоянии повышенного возбуждения) и импульсивность (проявляется в несдержанности реакций, в их спонтанности). Это подтверждает и обрывистость фраз (парцелляция), которая может быть объяснена психическим состоянием выступающего, например, излишней возбужденностью. Нов когнитивном плане повтор имеет направленное воздействие на слушающего, поскольку при повторе одних и тех же лексических единиц у слушающего создается устойчивая связь между этими единицами. Такая связь обеспечивает лучшее запоминание все речи оратора. Можно предположить, что речь оратора имеет прагматическую направленность. Среди всех целей оратора выделяется основная – это оставить след в памяти у слушающих о себе как о значительной фигуре, способной дать многое каждому.

(7) Демократы не смогли.

Это предложение дает неточную и неполную информацию об объекте обсуждения, поскольку наблюдается смысловая незаконченность высказывания.

Сочетание описанных свойств и создает индивидуальный тип темперамента, который определяет своеобразное для индивида мышление (субъективность).

Проведем компонентный анализ значения некоторых лексических единиц, используемых в первом и втором фрагментах речи.

ОБЛАПОШИВАНИЕ – обман с корыстной целью (Ожегов, 1984: 355).

ОБИРАНИЕ – грабеж, разорение, отъем всего, что есть (Ожегов, 1984: 369).

КИДАНИЕ – прекращение каких-либо дел (Ожегов, 1984: 235).

ГРАБЕЖ – открытое похищение чужого имущества (Ожегов, 1984: 122).

ЖАДНОСТЬ – скупость, корыстолюбие, чрезмерное стремление удовлетворить какое-либо желание (Ожегов, 1984: 162).

ХАПАТЬ – брать, красть, присваивать неблаговидным способом (Ожегов, 1984: 747).

ОБОДРАТЬ ДО НИТОЧКИ – ограбить совсем, совершенно (Ожегов, 1984: 357).

ДЫРА-ДЫРОЙ – глухое место, захолустье (Ожегов, 1984: 159).

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ – походы западноевропейских рыцарей на Восток (Ожегов, 1984: 262).

ПОХОД – военные действия против кого-либо (Ожегов, 1984: 495).

В фрагменте (1) большое количество слов отличается отрицательными семантическими значениями. Данный отрывок выступления содержит прямые оскорбления, что демонстрирует отрицательное отношение к политике, проводимой Западом и, в частности, США. Возможно, выбор данных лексических единиц также продиктован особенностями темперамента. Используемые лексические средства – результат мыслительного процесса, как и во фрагменте (2).

Проведем компонентный анализ значения следующих лексических единиц.

СИЛЬНЫЙ – обладающий большой физической силой, мощный, значительный (Ожегов, 1984: 623).

МОЩНЫЙ – очень сильный, значительный (Ожегов, 1984: 312).

ЕДИНСТВЕННЫЙ – только один, исключительный, выдающийся (Ожегов, 1984: 160).

НОВЫЙ – впервые созданный или сделанный, появившийся или возникший недавно, взамен прежнего, вновь открытый (Ожегов, 1984: 358).

АВТОРИТАРНЫЙ – основанный на слепом, беспрекословном подчинении власти, диктатуре (Ожегов, 1984: 19).

Как видно из обзора лексических единиц, исползованных оратором, В.Жириновский видит будущее России за собой. На это указывает и неоднократное употребление личного местоимения «я», что созвучно с авторитарным режимом, предлагаемым оратором. Только при этих условиях Россия обретет «третье дыхание» и это будет ее «взлет», т.е. «подъем, воодушевление» (Ожегов, 1984: 69). В. Жириновский, преображая действительность, противопоставляет ситуацию в стране в настоящий период возможностям, которые предоставятся России при его правлении. Это подтверждается наличием таких сем, как «мощный», «значительный», «исключительный», «выдающийся» и т.д. Именно субъективность мышления обусловливает выбор данных лексических средств, а именно – мотивация, оказывающая влияние на этот процесс. Проводя анализ ситуации, можно предположить, что В. Жириновский лишний раз упоминает о своем намерении баллотироваться на пост президента России. Но, не находясь в оппозиции к настоящей власти и пытаясь сохранить хорошие отношения с Президентом, указывает начало срока своего правления с 2010.

В своей практической деятельности человек обычно стремится к достижению таких результатов, которые согласуются с его самооценкой. Как видно из семантического анализа, структуры организации предложений (повторы), многократного использования личного местоимения «я», у В. Жириновского преобладает нереалистическая (завышенная) самооценка. Мотив власти, являющийся характерной чертой индивидуальности данного оратора, заключается в склонности доминировать над людьми, управлять. Это проявляется в склонности к убеждению, попытке доказать свою правоту, отстаивать свою точку зрения (обилие повторов, использование приема тавтологии, обрывистость фраз в анализируемых фрагментах); властвовать, диктовать условия (использование таких лексических единиц, как «авторитарный», «диктатура» и др.); судить, определять нормы и правила поведения (использование лексических единиц с отрицательными, негативными семантическими значениями, говоря о Западе); привлекать к себе внимание (многократное повторение личного местоимения «я»).

Говоря об индивидуальных способностях, можно выделить преобладание теоретических способностей, предопределяющих склонность человека к абстрактно-теоретическим размышлениям, но не к конкретным, практическим действиям. Это подтверждается использованием образных номинаций «рыцари гроба Господня», «третье дыхание».

Рассмотрим фрагмент выступления В.Новодворской.

(2) К сожалению, у меня абсолютно неблагоприятный прогноз. Если не случится чудо, то этих шести букв – Россия – на карте мира просто не будет. Я об этом предупреждаю, но никто не внемлет. Никто же ничего читать не хочет. Сама власть ведь неисправима. Олигархи наши – это ведь ненормальные олигархи, которые были в Элладе. Наши олигархи не в состоянии даже гроша заработать» [В. Новодворская] (Паникин, 2002: 61).

В стиле В. Новодворской доминирует мотив власти. Это подтверждается следующими лексико-стилистическими приемами: использование целенаправленного отклонения от нейтральной синтаксической нормы – повтора.

(1) *Олигархи наши* – это ведь не нормальные *олигархи*. *Наши олигархи* не в состоянии даже гроша заработать.

Используется инверсия «олигархи наши». Целью данных приемов является убеждение, доказательство своей правоты, привлечение внимания, побуждение других поступать в соответствии со своим мнением («Я ведь об этом предупреждаю»).

Динамика и система типичных эмоций характеризует человека как личность. Следовательно, типичные эмоции могут оказывать влияние на субъективность мышления в целом. Так, для данного фрагмента характерно преобладание сарказма, который представляет собой прямую издевку, насмешку над объектом. В выступлении это представлено лексическими единицами с негативным семантическим значением.

НЕНОРМАЛЬНЫЙ – отклоняющийся от нормы. Душевнобольной, психически неуравновешенный (Ожегов, 1984: 348).

ГРОШ – очень низкая цена, *ни гроша* – ничего (Ожегов, 1984: 126).

Этот эффект усиливается использованием стилистически окрашенных единиц – «не внемлет», частицы «даже», употребляющейся для выделения и усиления слова, к которому она относится, и ограничительной частицы «лишь».

В публичных выступлениях прослеживается высокая частотность употребления отрицательных местоимений, частиц и приставок, а также двойных отрицаний, которые могут быть восприняты как продукт мыслительного процесса. Таким образом репрезентируется критика, как одна из индивидуальных черт данного оратора. Это – реакция на окружающий мир, способ и результат его осмысления. Такой определенный способ языкового осмысления действительности связан с отражением знаний и преображением действительности в процессе мышления. Из данных примеров видно, что каждый индивид уникален по-своему, своеобразен в силу неповторимого сочетания личностных, индивидных свойств. Это сочетание оказывает непосредственное влияние на процесс мышления и в результате индивидуальные качества человека, отраженные субъективностью мышления, репрезентируются посредством лексико-стилистических средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анастази А. Дифференциальная психология // Психология индивидуальных различий Тексты. – М.: 1982. – С.9.

2. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: 1982. – С.36, 358.

3. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.:2000. – С. 205-225.

4. Леонтьев А.А. Введение в психолингвистику. – М.:1978. – С.81.

5. Немов Р.С. Психология. – М.: Просвещение: ВЛАДОС, 1995. – с.232-283.

6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984.

7. Щедровицкий Г. Проблемы методологии и логики наук. – Томск.: 1957. – С.38.

8. Теплов Б.М. Способности и одаренность // хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. – М.: 1981. – С.32.

9. Паникин А.С. Слово не воробей. – М.: Панъинтер, 2002. – С.28, 61.

10. Аргументы и факты. Май 2003, №20 (1177).

LEXIXAL AND STYLISTIC REPRESENTATION OF INDIVIDUAL THINKING[19]

O. Lyabina [20]

ABSTRACT

In the article it is described in short how subjectivity of one's mentality is represented by means of lexical and stylistic devices. It is shown that every individual has his own individual peculiarities. Attention is drawn to some personal and individual qualities and their unique combination which makes a person inimitable. Some peculiarities of a temperament, different abilities and emotions as a part of one's temperament are among these qualities. Further the influence of a combination of these qualities on mentality is formulated and the connection between mentality and speech is ascertained. It is proposed to analyze one's mental subjectivity through lexical and stylistic devices. Three extracts of modern politicians' speeches are given for the analysis. In the analysis the meanings of some lexical units and such stylistic devices as tautology, some peculiarities of a sentence construction (elliptical sentences) and different types of a repetition are examined. The most typical of each person (V. Zhirinovsky and V. Novodvorskaya) devices are revealed. The situations in which these speeches were pronounced, the prevalent motivation and the intentions of speakers are also taken into consideration. With the aid of the analysis attempts are made to show that lexical and stylistic devices represent subjectivity of one's mentality.

KEYWORDS

mentality, temperament, emotions,

[19] © O. Lyabina,2004

[20] Tambov University, Russia ,nkolodina@hotmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ МИРА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

М. Макеева, А. Гвоздева

Человек предстает в двух ипостасях - мужчина и женщина. Оппозиция «мужской - женский» - фундаментальная для человеческой культуры.

Социально и культурно значимые различия в поведении, обычаях и социализации в целом мужчин и женщин спорадически фиксировались в научном описании, особенно в антропологии и этнографии. Однако идея о разграничении понятий биологического пола и пола социального (гендер) возникла лишь в период постмодернизма.

В работах М. Розальдо, Л. Ламфере, Р. Унгер, А. Рич, Г. Рабин понятие *гендер* трактовалось как *набор соглашений, которыми общество трансформирует биологическую сексуальность в продукт человеческой активности* (Пушкарева, 1999: 147).

В отличие от категории *sexus* гендерный статус и, соответственно, гендерная иерархия и гендерно обусловленные модели поведения задаются не природой, а «конструируются» обществом (*doing gender*), предписываются институтами социального контроля и культурными традициями (Воронина, 1997: 242). Гендерные отношения являются важным аспектом социальной организации. Они особым образом выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между говорящими субъектами. Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение, в том числе и речевое, личности и на процессы ее языковой социализации (Рябов, 1996: 28).

Категория *gender* была введена в понятийный аппарат науки в конце 60-х - начале 70-х годов прошлого века и использовалась сначала в истории, историографии, социологии и психологии, а затем была воспринята и в лингвистике, оказавшись плодотворной для прагматики и антропоориентированного описания в целом. Гендерный фактор, учитывающий природный пол человека и его социальные «последствия», является одной из существенных характеристик личности и на протяжении всей ее жизни определенным образом влияет на ее осознание своей идентичности, а также на идентификацию говорящего субъекта другими членами социума.

В языке фиксируется гендерная стереотипизация, свойственная коллективному, “наивному” сознанию. В коммуникации с помощью имеющегося в данном языке набора гендерных стереотипов актуализируется отрефлексированный индивидуумом опыт. Средства языка используются как “инструмент, позволяющий индивидууму строить во внешнем мире знаковые модели, более или менее адекватно объективирующие фрагменты его концептуальной системы” (Каменская, 1990: 34).

Наивная картина мира, отраженная в языке, не примитивна. Она имеет глубокую, продиктованную жизненным опытом многих поколений логику, куда входит и наблюдение за типами людей, именуемыми мужчинами и женщинами, приписывание им определенных качеств и одновременно их оценку.

Исследование женственности и мужественности должно, таким образом, включать описание стереотипов, связанных с ними, и средства манифестации этих стереотипов в языке.

Изучение взаимосвязи языка и пола его носителей принято разделять на два периода, рубежом которых являются 60-е годы прошлого века (Kotthoff, 1991; Samel, 1995; Кирилина, 1997; Tafel, 1997):

1) биологический детерминизм - нерегулярные (и не связанные со смежными науками) исследования, основанные главным образом на наблюдениях разрозненных фактов;

2) собственно гендерные исследования - широкомасштабные исследования, идущие с 60-х годов прошлого столетия и обусловленные ростом интереса к

прагматическому аспекту языкознания, развитием социолингвистики и существенными изменениями в традиционном распределении мужских и женских ролей в обществе, позволившими увидеть лингвистические факты в новом свете и по-новому интерпретировать их.

Сегодня представляется более правильным назвать три фазы развития гендерных исследований: между первым и вторым этапами находится небольшой переходный период, продолжавшийся с начала и примерно до середины двадцатого века и послуживший подготовительной базой современных гендерных исследований. В это время началось накопление фактов, позволивших усомниться в исключительно биологическом характере полового диморфизма.

Впервые фактор биологического пола в языке возник в античности при осмыслении категории грамматического рода. Древнейшей и долгое время единственной гипотезой о причинах появления и функционирования в языке категории рода стала символико-семантическая, базировавшаяся на соотнесении природной биологической категории *sexus* с грамматической категорией *genus*. Сторонники символико-семантической гипотезы считали, что грамматический род возник под влиянием природной данности - наличия людей разного пола (Royen, 1925; Jarnatowskaja, 1968; Шахмайкин, 1996).

Хотя точки зрения на детерминированность категории рода биологической реальностью в ряде аспектов не совпадали, единым было мнение о несомненной связи природного пола и грамматического рода. Гипотеза основывалась на двух особенностях мифологического мышления - анимизме и антропоморфизме. Символико-семантическую гипотезу представляли ученые, оказавшие огромное влияние на лингвистику (Гердер, Гримм, Гумбольдт и др.), что предопределило ее длительное господство в лингвистическом описании. При этом обращает на себя внимание обстоятельство, что для объяснения экстралингвистической мотивированности категории рода исследователи использовали свой неязыковой опыт. Это привело к появлению оценочности в интерпретации категории рода: мужской род оказывался первостепенным из-за приписывания именам, относящимся к нему, семантики силы, активности, энергии. Имена женского рода, напротив, характеризовались пассивностью, подчиненностью. Таким образом, условия социальной реальности экстраполировались на законы развития языка, что подтверждается данными Э. Борнемана, создавшего один из наиболее фундаментальных трудов о роли гендерного фактора в развитии общества, где анализ ведется с позиций междисциплинарного подхода (Borneman, 1991).

Удар по символико-семантической гипотезе нанесло открытие языков, в которых категория рода отсутствует. Тем не менее, в рамках критики этой гипотезы и постепенного вытеснения ее морфологическим и синтаксическим объяснением категории рода неизменным оставалось признание того, что категория рода сама способна влиять на человеческое восприятие соответствующих слов и понятий. Так, персонификация приписывает объектам, обозначаемым словами женского рода, свойства лиц женского пола, а объектам среднего и мужского рода - свойства лиц мужского пола. По данным Р. Якобсона, русские представляют себе дни недели в соответствии с родом слова. При этом обыденное сознание не задумывается о том, что обусловило род слова - семантика, синтаксис или морфология (Шахмайкин, 1996: 231). Все это позволяет предположить, что грамматический род имени оказывает влияние на восприятие действительности и активизирует в сознании фреймы, связанные с концептом биологического пола, и что существенно - участвует в формировании положительных или отрицательных коннотаций.

Следующим стимулом исследования гендерного фактора в языке стало открытие в семнадцатом веке “экзотических” первобытных языков, где имело место разделение на мужской и женский варианты или даже обособленные мужские и женские языки. Сообщения о таких языках спорадически появлялись с 1664 года, но систематических исследований по ним не проводилось. Общим для всех немногочисленных описаний

гендерной вариативности было то, что мужской вариант рассматривался как собственно язык, а женский - как отклонение от него.

Особенностью этого периода были преимущественно описательный характер научного дискурса и сугубо биологический подход к материалу. Как правило, исходной позицией исследователей были как бы предопределенные природой различия в когнитивных и в целом в интеллектуальных способностях мужчин и женщин. Соотношение пола, образования, культуры, возраста не рассматривалось; выводы делались на нерепрезентативном материале. Считалось, что все различия между мужской и женской речью определяются биологическим полом. Исходным пунктом интерпретации признаков полового диморфизма в языке и речи была их природная обусловленность: “принятое в культуре представление о гендере рассматривает мужчину и женщину как определенные естественно и недвусмысленно категории бытия с очевидно различающимися предпочтениями, которые возможно предсказать, исходя из репродуктивных функций. Компетентные взрослые члены этих обществ рассматривают различия между мужчиной и женщиной как фундаментальные и устойчивые… Вещи таковы, какие они есть, благодаря тому факту, что мужчины - это мужчины, а женщины - это женщины: такое разделение рассматривается как естественное и укорененное в биологии ” (Уэст, Зиммерман, 1997: 97).

В начале нашего века интерес к гендерным аспектам языка и коммуникации несколько возрос благодаря трудам Э. Сепира, О. Есперсена, Ф. Маутнера, хотя самостоятельного направления еще не сформировалось.

Накопившаяся к этому времени информация о различиях в языке в связи с полом его носителей у народов, находящихся в стадии первобытного развития, и в ряде языков юго-восточной Азии навела лингвистов и философов на мысль о возможности гендерных различий в “цивилизованных” языках Европы. В 1913 году вышел посвященный критике языка труд Маутнера, в котором он признает гендерные различия в языке, обосновывая их социальными и историческими причинами (Mauthner, 1921).

Анализируя коммуникацию в различных социальных слоях, автор выявил ряд особенностей мужского и женского речевого поведения, установив, что в среде фабричных рабочих ненормативную лексику употребляли мужчины. В высшем же обществе мужчины прибегали к двусмысленностям, произносить которые позволялось и женщинам, но лишь до тех пор, пока их эвфемистический характер не утрачивался.

По Маутнеру, женщины менее образованны и поэтому стремятся без нужды использовать иностранные слова, тогда как образованные мужчины их не употребляют, будучи в состоянии найти эквивалент в родном языке. Маутнер считает, что творческое использование языка - прерогатива мужчин, а женщины лишь способны усвоить создаваемый мужчинами язык. Возникновение «женского» языка Маутнер связывает с историческими традициями античного театра, где первоначально женские роли исполняли мужчины. Лишь с появлением на сцене женщин в технике драматургии произошли изменения, давшие возможность «зазвучать» и женскому варианту языка. Исторический подход привел автора к выводу о том, что общество восприняло «женский» язык тогда, когда женщинам позволено было выступать, что свидетельствует о влиянии неравноправного положения полов на языковую социализацию. Ранее социальные аспекты гендерной вариативности языка не учитывались, однако идея Маутнера долгое время не находила дальнейшего развития и оставалась невостребованной.

Э. Сепир сосредоточил внимание на различиях, имплицирующих социальную идентичность (*person implications*) в индейских языках нутка и коасати. Пол и статус Сепир относит к тем измерениям социальной идентичности, цель которых - сигнализировать посредством лингвистической формы «отклоняющуюся от нормы» речь (Sapir, 1929: 125). Сепир рассмотрел также фонологические различия в рамках одной морфемы, интерпретируя их как сигнализацию пола. Сепир пришел к выводу, что пол маркируется индексально и облигаторно в морфологии многих языков.

В 1922 году Отто Есперсен посвятил целую главу фундаментального труда о происхождении и развитии языка особенностям женской языковой компетенции (Jespersen, 1998). Есперсен дал более широкий, чем Сепир, обзор дистинктивных признаков пола в языке. Его также считают одним из первых лингвистов, обративших внимание на существование мужских и женских преференций в пользовании лексиконом.

Хотя Есперсен наиболее полно для своего времени интерпретировал вопрос о влиянии гендерного фактора, его воззрения в последующий период подвергались критике в связи с тем, что свои выводы он сделал, основываясь лишь на личных наблюдениях, многие из которых не были достаточно обоснованны (Janssen-Jurreit, 1975).

В целом, первый и второй периоды изучения гендерного фактора в языке характеризуются двумя особенностями: а) исследования носили нерегулярный характер и находились на периферии лингвистики; б) в ходе описания особенностей мужской и женской языковой компетенции сформировалась концепция «дефицитности» «женского» языка по отношению к «мужскому». Нормой признавался «мужской» язык, а отклонением от нормы - «женский». Однако на втором этапе появились новые данные, и, кроме того, тема заинтересовала крупных лингвистов, что способствовало большему распространению гендерных исследований и повышению их авторитета.

С конца 60-х - начала 70-х годов прошлого века произошел коренной поворот в подходе к гендерным исследованиям. Он был вызван как сменой научной парадигмы (переход от структурализма к прагматике), так и социальными изменениями (Samel, 1995).

Большую роль сыграло развитие социолингвистики, формирование постмодернистской теории познания и подъем феминистского движения. Именно в этот период сформировались несколько лингвистических направлений, различающихся по концептуальным установкам, методам исследования и характеру изучаемого материала:

1. Социолингвистические гендерные исследования.
2. Феминистская лингвистика.
3. Собственно гендерные исследования, изучающие оба пола.
4. Исследование маскулинности (*men`s studies*) - наиболее новое направление, возникшее в начале 90-х гг. прошлого столетия (Erhart, Herrmann, 1997).
5. Психолингвистическое изучение пола, смыкающееся в последнее время с нейролингвистикой. Сюда же относится биодетерминистское направление, исходящее из природной заданности когнитивных различий мужчин и женщин, обусловленной неодинаковым гормональным балансом (Philips, 1987), а также исследование детской речи.
6. Кросскультурные, лингвокультурологические исследования, включая гипотезу гендерных субкультур (Malz, Borker, 1991; Tannen, 1992).

Названные направления под разным углом зрения изучают следующие группы проблем:

1. Язык и отражение в нем пола: номинативную систему, лексикон, синтаксис, категорию рода и ряд сходных объектов. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как манифестируется в языке наличие людей разного пола, какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее распространены. Это могут быть как исследования одного языка, так и сопоставительные труды.

2. Речевое поведение мужчин и женщин, где выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации - то есть специфика мужского и женского говорения. В этой области, в свою очередь, можно выделить несколько концептуальных подходов, прежде всего теорию социокультурного детерминизма и теорию биодетерминизма.

Многие из направлений развиваются в междисциплинарной парадигме, что вообще является отличительной чертой гендерных исследований. Другая их особенность -

прикладной характер, ряд успешных попыток реформирования языка, что, видимо, можно объяснить значительной политической активностью феминизма.

Следует отметить, что названные направления не сменяли друг друга, а «вырастали» одно из другого, и в настоящее время продолжают сосуществовать, в ряде случаев конкурируя друг с другом.

Кроме того, гендерный аспект языкознания характеризуется тем, что практически любая область лингвистики (проблемы референции, когниции, морфологии, грамматики, синтаксиса, лексикологии и фразеологии, семантики и прагматики, лингвистики текста и т.д.) могут быть рассмотрены с точки зрения отражения в них гендерных отношений.

Стимулом для более интенсивных и систематических гендерных исследований в 60-е годы прошлого века послужило развитие социолингвистики, предоставившей в распоряжение ученых обширный статистический материал о функционировании языка в группах людей, объединенных по признаку профессии, пола, возраста, городского или сельского образа жизни и т.д. Так, квантитативные исследования показали, что пол носителей языка определенным образом влияет на языковую перформацию. В частности, было установлено, что женщинам свойственно употребление более престижных вариантов произношения (Labov, 1971).

В социолингвистике также встречается гипотеза о большей консервативности «женского» языка, однако ее обоснованность вызывает у ряда исследователей сомнения (Nabrings, 1981).

Еще один стимул для осмысления гендерной специфики языка и речи был дан этнографическими и этнологическими работами, где рассматривался более широкий круг явлений, в которых могут проявляться гендерные различия: лексикон, фонология, морфология, синтаксис.

В конце 60-х - начале 70-х годов прошлого столетия гендерные исследования в языке получили еще один мощнейший импульс благодаря так называемому Новому женскому движению в США и Германии, в результате чего в языкознании возникло своеобразное направление, названное феминистской лингвистикой или феминистской критикой языка. Главная цель феминистской лингвистики состоит в разоблачении патриархата - мужского доминирования в общественной и культурной жизни (Borneman, 1991).

Основополагающей в области лингвистики стала работа Р. Лакофф «Язык и место женщины», обосновавшая андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке (Lakoff, 1973). К специфике феминистской критики языка можно отнести ее ярко выраженный полемический характер, разработку собственной лингвистической методологии, привлечение к лингвистическому описанию результатов всего спектра наук о человеке (психологии, социологии, этнографии, антропологии, истории и т.д.), а также ряд успешных попыток влиять на языковую политику (Mandele, Rundle, 1998).

Тем не менее, несмотря на все проведенные исследования, вопрос о том, в какой степени соотносятся биологические и культурные факторы, влияющие на гендерные различия в языке и речи, остается важнейшей дискуссионной проблемой гендерных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронина О.А. Введение в гендерные исследования // Материалы первой Российской школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-97». - М., 1997.

2. Каменская О.Л. Текст и коммуникация: Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. - М.: Высшая школа, 1990.

3. Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. - М., 1999.

4. Рябов О.В. «Женственность» и «мужественность» как категории русской историософии // Женщина в российском обществе. - 1996. - №1.

5. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера (doing gender) // Гендерные тетради. Вып. 1. - СПб., 1997.

6. Шахмайкин А.М. Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. - М.: МГУ, 1996.

7. Borneman Ernst. Das Patriarchat. Ursprung und Zukunft unseres Gessellschaftssystems. - Frankfurt a. Main, 1991.

8. Erhart W., Hermann B. Wann ist der Mann ein Mann? Zur Geschichte der Mannlichheit. - Stuttgart-Weimar, 1997.

9. Janssen-Jurreit Marielouise. Sexismus. Uber die Abtreibung der Frauenfrage. - Munchen-Wien, 1975.

10. Jarnatowskaja V.E. Die Kategorie des Genus der Substantive im System der Deutschen Gegenwartssprache // Deutsch als Fremdsprache, 1968. - Bd 5. - Heft 4.

11. Jespersen O. The Woman // The Feminist Critique of Language. Ed. by D. Cameron. - London, 1998.

12. Labov W. Variation in Language // Carrol E. Reed. The Learning of Language. National Council of Teachers of English. - New York, 1971.

13. Lakoff Robin. Language and Women`s Place // Language in Society, 1973. - № 2.

14. Maltz D.N., Borker R.A. MiBverstandnisse zwischen Mannern und Frauen - kulturell betrachtet // Gunthner, Kotthoff. Von fremden Stimmen. Weibliches und mannliches Sprechen im Kultur vergleich. - Frankfurt am Main, 1991.

15. Mandele N., Rundle L. Feminist Qualitative Research Methods. A Handbook for Researchers. - York University, 1998.

16. Mauthner Fritz. Beitrage zu einer Kritik der Sprache. Band 1 (Zur Sprache und Psychologie), 3. Auflage. - Stuttgart und Berlin, 1921.

17. Nabrings K. Sprachliche Varietaten. - Tubingen, 1981.

18. Philips S.U. Introduction: The interaction of social and biological processes in women`s and men`s speech // Language, gender and sex in comparative perspective. Eds. S. U. Philips, S. Steel, Ch. Tanz. - New York, 1987.

19. Royen P. Die nominalen Klassifikationssysteme in den Sprachen der Erde. - Modling bei Wien, 1925.

20. Samel I. Einfuhrung in die feministische Sprachwissenschaft. - Berlin, 1995.

21. Sapir E. Male and female forms of speech in Yana // Donum natalicium schrignen. Ed. by St. W. J. Teeuwen. - Nijmegen - Utrecht, 1929.

22. Tannen D. Das habe ich nicht gesacht! Kommunikationsprobleme im Alltag. - Hamburg, 1992.

TO THE PROBLEM OF WORLD PERCEIVING: GENDER ASPECT[21]

M. Makeeva, A. Gvozdeva [22]

ABSTRACT

This article tackles the problem of the opposition “masculine-feminine” and its representation in different societies, cultures and languages. Special attention is paid to investigating different scientific approaches to this opposition, starting with the works of Mauthner and Sapir and finishing with the modern linguistic researches. The opposition “masculine-feminine” is fundamental for any culture. Social and cultural differences in behaviour, traditions and socialization between men and women were sporadically stated in scientific descriptions, especially in anthropology and ethnography. But the idea about differentiation between a biological sex and a social sex (gender) appeared only during the post-modernistic period. Gender relations are an important factor of social organization. They are fixed in the language with the help of culturally determined stereotypes, influencing the speech behaviour of a person and the process of its socialization. But the problem of ratio of biological and social aspects in gender is still to be solved.

[21] © M. Makeeva, A. Gvozdeva, 2004

[22] Tambov State Technical University

КОНЦЕПТЫ «СТАБИЛЬНОСТЬ» И ХАОС» В РОССИЙСКОМ ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ

Л.А. Паутова

1. ВВЕДЕНИЕ

Именно два сюжета – бурлящий хаос и желанная стабильность – стали основными компонентами современной телевизионно-информационной мифологии. «Новости», «Катастрофы недели», «Скандалы недели», «Дорожный патруль», «Дежурная часть» и другие информационные бренды сделали жанр триллера рутинным и постепенно легализовали хаос. «Сочетание чрезвычайности и регулярности… бросает отсвет чрезвычайности на календарь и отсвет регулярности на бедствия. Так рисуется новая картина мира, в которой нет уголка без взрывающейся под ногами почвы. Как будто население земли – ее оккупанты (и поэтому земля должна гореть и действительно горит под ногами» [Чередниченко 1999: 346]. Вместе с тем, данные российских социологических исследований (ВЦИОМ, ФОМ и др.) красноречиво свидетельствуют о страхе перед хаосом и актуальности стабильности. О важности слова «стабильность» для обыденного сознания говорит и включение этого слова в «Толковый словарь русского языка XX века. Языковые изменения» [Толковый словарь 1998: 610-611]. Появляется даже жаргонное слово, сочетающее корень «стабил» и суффикс распространенного слова из лексики мата («-ец»). Этот эвфемизм подчеркивает экспрессивность идеи стабильности, неудачи попыток стабилизации, страх перед будущим. И, наконец, именно идея стабильности легла в основу идеологии пропрезидентской партии «Единая Россия».

Задачи исследования: 1) актуализация обыденного значения слова *«стабильность»* и *«хаос»,* 2) выявление их семантических составляющих; анализ сходства и различия семантики слов *«стабильность»* и *«хаос»;* 3) построение семантических пространств, описывающих восприятие стабильности и хаоса; выявление факторов, влияющих на восприятие.

Методы исследования

Исследование многоуровневого и противоречивого обыденного сознания требует адекватного *комплексного* использования исследовательских методов. Соответственно, для послойной реконструкции репрезентации стабильности и хаоса использовалось сразу несколько методик, что, возможно, позволило актуализировать различные уровни социального знания: свободный ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал, транссимволический анализ, полуформализованное интервью, восьмицветовой тест Люшера, артдиагностика, дискурсивный анализ текста. Было составлено три опросника, каждый из которых решал не только свои собственные задачи, но и дополнял и уточнял другие. В исследовании участвовало 280 человек, студенты Омских вузов (17-23 лет). Дополнительно применялся дискурсивный анализ журнальных и газетных статей («Огонек» 1996-2000, «Комсомольская правда», «Известия» 2002 г, политической рекламы 1998-2004 гг.). В исследовании участвовало 280 студентов Омских вузов (возраст респондентов 17-25 лет, 2002 г.). Заметим, что традиционно для выявления глубинных основ интерпретации концептов привлекаются студенты университетов и колледжей в возрасте 17-25 лет, для которых язык стимулов является родным.

Статья имеет следующую структуру: раздел 2 посвящен анализу данных свободного ассоциативного эксперимента (в параграфе 2.1. приводится ассоциативное поле слова «стабильность», в параграфе 2.2. - ассоциативное поле слова «хаос»), в разделе 3 представлены результаты семантического дифференциала, в разделе 4 содержатся выводы психологического теста Люшера, раздел 5 содержит заключительные выводы.

2. СВОБОДНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Респондентам предлагался список, состоящий из 26 слов. Предлагалось дать по три ассоциации (*реакции*) на каждое из *слов-стимулов.* Сделать это надо было не раздумывая, фиксируя самые первые слова, пришедшие в голову.

2.1. Ассоциативное поле слова «стабильность»

Анализ ассоциативного поля слова «стабильность» позволил выделить следующие группы реакций (структура представлена на гистограмме 1).

Реакции-признаки **(39,9 % всех реакций).** В эту группу отнесены реакции, характеризую-щие онтологические признаки стабильности, то есть те фундаментальные свойства, которые конституируют стабильность в качестве особого явления. В свою очередь, перечисленные онтологические признаки можно подразделить на подгруппы:

▪ **Реакции-признаки, характеризующие «стабильность» как свойство равновесия (137 реакций):** *постоянство 31, равновесие 16, неизменность 9, покой 9 и др.*

▪ **Стабильность как координирующее свойство (11)** *баланс 3, уравновешенность 3, весы 3, ровность 1, ровный 1.*

▪ **Стабильность как свойство возвращения к положению равновесия в случае вынужденных отклонений (26).** Именно это качество, с точки зрения естественных наук, является важным признаком стабильности. Но в обыденном мышлении это свойство менее выражено: *надежность 17, прочность 3, непоколебимость 2, стойкость 1, регулярность 1, прочность 1, повторяемость 1.*

▪ **Стабильность как динамическое явление (стабильность как единство сохранения и изменения) (15).** Стабильность является динамической характеристикой, поскольку может сочетать и сохранение, и изменение. Но для обыденного сознания данное качество абсолютно несущественно (2, 8 % от всех ассоциаций): *прогресс 3, непрерывность 1, цикличность 1, повторяемость 1, медленно 1, и др.*

▪ **Стабильность как управляющее свойство (22).** Данные ассоциации позволяют полагать, что для некоторых респондентов стабильность связана с управлением: *четкость 3, умиротворение 2, предсказуемость 2, точность 3, точно 1, умеренность 1, урегулирование 1 и др.*

Таким образом, на основе выявления онтологических признаков, характеризующих слово «стабильность», установлено, что для респондентов 17-23 лет стабильность – это прежде всего свойство какого-либо объекта сохранять равновесие (неизменность, постоянство, покой).

Анализ реакций-признаков позволяет предположить, что большое значение при формировании представления о стабильности имеет *чувственный образ* (А.Н. Леонтьев) или так называемое *базисное знание* (А. Шюц). Чувственная ткань сознания основана в первую очередь на непосредственном опыте. Именно она является началом дальнейшего познания. Мы ощущаем устойчивость/неустойчивость положения автомобиля, обуви на высоких каблуках, роликовых коньков, мебели и т.п. Мы ясно можем отличить стабильное состояние от нестабильного, но, возможно, будем испытывать сильное затруднение, пытаясь выразить это отличие в словах.

Реакции-категории **(37,5 %).** *Категоризация* – это отнесение каждого нового воспринимаемого объекта к некоторому классу подобных или уже известных ранее объектов, т.е. к категории. Важной составляющей категоризации стабильности является ее *символизация* (процесс замещения одних образов другими идеационными образованиями, характеризующимися лишь отдаленным сходством с первичными представлениями - сходством, основанным на случайных, вторичных, малосущественных деталях). Символизация предполагает творческое отношение к стабильности: возможность не только отражать, но осознавать и воображать стабильность *(стабильность – доллар, камень, столб, дуб, кирпич, Швейцария).*

Среди реакций-категорий можно выделить:

▪ **Реакции-категории, характеризующие «стабильность» как социальное явление.** В эту группу отнесены ассоциации, которые связывают сущность стабильности с определенным социальным аспектом – социальным взаимодействием, семьей, политикой, экономикой.

Стабильность как свойство социального взаимодействия (17): *общество 3, рутина 2, защищенность 2, социальная защищенность 1, сплоченность 1, верность 1, привычка 1, люди 1, много людей 1, школа 1, дружба 1, секс 1.*

Семейные реакции-категории (19): *семья 7, дом 3, муж 2, мужчина 1, родители 1, мама 1, дети 1, детство 1, уют 1, ремонт квартиры 1.*

Политические реакции-категории (43): ***мир 11,*** *гарантии 6, государство 4, застой 3, страна 2, законность 2, политика 2, Путин 2, Брежнев 1, политиканство 1, монархия 1, правительство 1, власть 1, СССР 1, США 1, Швейцария 1 , немцы 1, равноправие 1, реформы 1.*

Экономические реакции-категории (83). Рассматривая эти категории, убеждаемся в актуализации экономических и житейских проблем: *деньги 23, работа 12, успех 7, экономика 6, экономическая 1, заработная плата 4, заработок 1, достаток 4, банк 4, банкир 1, благополучие 4, бизнес 2, квартира 1, богатство 1, курс 1, финансы 1 и др.*

Приведенные конструкции стабильности подчеркивают социальное происхождение знания.

▪ **Ассоциации с явлениями природы и предметами (24).** В данном случае стабильность соотносится с явлениями природы и предметами. Категоризация в данном случае имеет, скорее, образный характер: *жизнь 7, железо 2, море 1, вода 1, свет 1, солнце 1, день 1, космос 1, чугун 1, сталь 1, дуб 1, стена 1, памятник 1, кирпич 1, камень 1, опора 1, стол 1.*

▪ **Научные категории (12).** Вопреки нашим предположениям, доля научных представлений невысока. Их авторы – студенты естественных факультетов (химики, физики, математики): *константность 2, const 1, Ляпунов 1, инвариантность 1, континуум 1, минимум отклонений 1, минимум потенциальной энергии 1, изотоп 1, пирамида 1, линия 1, механизм 1.*

Эмоционально-оценочные реакции **(22,1 %).** Данные ассоциативного эксперимента демонстрируют двойственное эмоциональное отношение к стабильности. С одной стороны, стабильность рассматривается как позитивное явление. Обращает на себя внимание высокая частотность реакции «уверенность». С другой стороны, респонденты оценивали стабильность как «скучную» и даже сравнивали со смертью, кладбищем, упадком и т.п.

▪ **Положительная оценка (99):** *уверенность 34, спокойствие 28, безопасность 8, сила 5, вера 2, вера в будущее 1, хорошо 2, всем хорошо 1, великолепие 1, благополучие 1, наслаждение 1, комфорт 1, оптимизм 1, люблю 1, миф 1, гармония 1 и др.*

▪ **Отрицательная оценка (18).** *Скука 3, скучно 1, смерть 3, кладбище 1, неудовлетворенность 1, риск 1, упадок 1, деградация 1, утопия 1, тяжесть 1, неудача 1, утомление 1, дурь 1, труп 1.*

Личные **(0,37%).** Эта группа весьма условна, поскольку сложно выделить индивидуальные смыслы стабильности. Они часто могут быть отнесены к другим группам реакции. В любом случае их доля очень низкая: *ты 1, чистота 1.*

2.2. Ассоциативное поле слова «хаос»

Анализ ассоциативного поля слова «хаос» позволил выделить следующие группы реакций (структура представлена на гистограмме 2).

Реакции-признаки **(30,9%).** Ассоциативное поле, характеризующее онтологические признаки понятия *«хаос»,* неоднородно и позволяет определить два значения. Надо отметить, что это раздвоение смысла фиксируется и в других исследованиях концепта *«хаос»* (Сергеев, Сергеев (2001), Логический анализ языка (2003).

▪ **Хаос как первичное состояние мира (24).** Понимание хаоса как первоначала представлено в нашем исследовании следующими ассоциациями респондентов: *космос 6, жизнь 5, пустота 3, смешение 3, вселенная 2, начало 1, изначальность 1, первоначало 1, творчество 1, сила 1.*

▪ **Хаос как беспорядочная, неорганизованная стихия (106).** Как отмечают В.Н.Сергеев и К.В.Сергеев: «Это значение является этимологически более поздним и в русском варианте имеет ударение на первом и втором слоге. Если первому значению слова *«хаос»* противостоит понятие *«законопорядок»*, то второму – *«стабильность»* [Сергеев, Сергеев 2001: 108].

Обращает на себя внимание резкое возрастание количества ассоциаций данного типа: *беспорядок 90, неразбериха 8, неопределенность 4, дисгармония 3, разброс 3, кутерьма 3, беспорядочность 2, непорядок 2, путаница 2, бессистемность 1, все не на своих местах* и др. Наиболее яркие ассоциации данной группы – это архетипические реакции – *бездна 2, ад 1, бал сатаны 1, чертовщина 1, бедлам 1, землетрясение 1, извержение вулкана 1, тартар 1, Зевс 1.* Как и в древнем мифологическом мышлении, разрушающая сила хаоса олицетворяется со стихиями: *ветер 1, вихрь 1, гром 1, тайфун 1, ураган 1, пламя 1, тепло 1, жара 1*. Особо привлекает наше внимание отождествление хаоса с темными цветами: *мрак 6, черное 2, чернота 1, черный цвет 1, темно 1, темнота 1, серость 4*. Наконец, хаос в сознании респондентов имеет не только разрушающую функцию, но и является источником развития: *движение 15, непостоянство 1, новизна 1, новый этап 1.*

***Реакции-категории* (36,9%).** В отличие от понятия «стабильность» реакции-категории на слово «равновесие» достаточно однородны.

▪ **Представление о хаосе как о свойстве социального взаимодействия (3).** Тема хаоса и социального взаимодействия развивается в двух направлениях.

Хаос как отсутствие понимания. Весьма интересная «наивная» герменевтика и феноменология представлена следующими ассоциациями: *непонимание 2, непонятное 2, непонятность 1, неясность 1, сумятица 1, сумбур 1, сумбурность 1.*

Хаос как «война всех против всех». Данный аспект значения этимологически связан с представлением о хаосе как беспорядке. Респонденты «почти по Томасу Гоббсу» воспроизводят картину социальных конфликтов: *кровь 3, вражда 2, раздор, 2, насилие 2, драка 1, крики 1, нарушения 1, преступление 1, погром 1, столкновение 1, ссоры 1, агрессия 1, убийство 1, гнев 1, паника 1, толпа 1.* Несмотря на явно социологическое звучание этих ассоциаций, их доля в общем представлении о хаосе очень невелика.

▪ **Политические реакции-категории о хаосе (115).** Данная группа составила 24,49 % и представляет большой интерес. «Хаос» как политический термин сохранил в сознании респондентов только идею апокалипсиса, вытеснив идею потенциального начала.: *анархия 20, война 20, бардак 14, разруха 11, разрушение 5, Россия 4, перестройка 4, развал 3, голод 3, бесправие 2, безвластие 2, беззаконие 2, демократия 2, революция 2, раздробленность 2, репрессии 2, безработица 1, бунт 1, охлократия 1 и др.*

▪ **Научные реакции-категории (19).** Доля научных представлений невысока. Их авторы – студенты естественных факультетов (химики, физики, математики).: *броуновское движение 5, диффузия 3, черная дыра 2, энтропия 2, молекулы 1, движение молекул 1,мелкие частицы 1, ядерная реакция 1, мозг 1, множество 1.*

***Эмоционально-оценочные реакции* (25,7%).** Человек может легитимировать хаос, сопротивляться ему, не верить в него. Может не замечать или не верить в него. Может играть с хаосом, может сделать его модой. Хаос может вызывать и восторг и ужас. Однако в нашем исследовании в эмоционально-оценочном плане хаос представлен только как негативное начало. Отрицая хаос, респонденты, как правило воспринимают его как беспорядок и путаницу.

▪ **Отрицательная оценка (104)***: неуверенность 21, ужас 11, бардак 14, страх 9, беспредел 9, грязь 7, беспокойство 3, зло 3, мусор 2, нервозность 2, бред 2, дурдом 2, вред 1, беды 1, бессилие 1, неудачи 1, недовольство 1, огорчение 1, плохо 1 и др.*

▪ **Нейтральные реакции (4).** К нейтральным ассоциациям можно отнести четыре: *сложный 1, чувства 1 , эмоции 1, всегда 1.*

Личные ассоциации **(6, 42%).** По сравнению с понятием «стабильность» доля личных ассоциаций возрастает: *голова 2, музыка 2, моя комната 1, комната 1, генеральная уборка 1, мысли 1, осенний листопад 1, полет 1, решение 1, разрядка 1, противоположность 1, угар 1, Интернет 1, лес 1, Dream house 1, математика 1, сизый дым 1, семья 1, у меня в голове 1, упадок сил 1, универ 1, эпидемии 1, я 1, «сестра хаос» – альбом Б. Гребенщикова.*

Гистограмма 1. Структура значения слова «стабильность» (по данным ассоциативного исследования)

Гистограмма 2. Структура значения слова «хаос» (по данным ассоциативного исследования)

3. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛ

Семантический дифференциал является разновидностью проективных методик. Особенность таких процедур в том, «что стимулируемая ситуация приобретает смысл не в силу ее объективного содержания, но по причинам, связанным с субъективными наклонностями и влечениями испытуемого, т.е. вследствие субъективированного, личностного значения, придаваемого ситуации испытуемым. Испытуемый как бы

проецирует свои свойства в ситуацию» [Ядов 1998 : 300]. Цель метода – выявление *категориальных структур* сознания («несущих структур»), т.е. структур осознания субъектом окружающего мира. Категориальные структуры могут не осознаваться как таковые. Знания субъекта, его система значений, конструктов в психосемантическом эксперименте задействованы в режиме употребления (а не интроспекции)» [Петренко, Митина 1997: 176]. Респонденты выносят суждения о сходстве и различии объектов, шкалируют, оценивают. Далее строится матрица данных, к которой применяются методы математической статистики (в нашем случае факторный анализ). Математический аппарат позволяет построить семантические пространства и выделить факторы. Если в ассоциативном исследовании участнику опроса предоставлялись максимальные возможности выражения, то при использовании семантического дифференциала он ограничен жесткой процедурой измерения в границах семибалльной шкалы (+3, +2,+1, 0,-1,-2,-3). В исследовании был использован адаптированный вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда [Semantic 1969], который был дополнен еще несколькими шкалами-дескрипторами.

+3,+2,+1	**Стабильность**	**Хаос**	**-1, -2, -3**
веселая	+ 1,5	0,62	грустная
хорошая	+ 2,3	- 1,58	плохая
добрая	+ 1,03	- 1,18	злая
светлая	+ 2,7	- 2,58	темная
долгая	+ 1,36	+1,93	короткая
сильная	+ 1,08	+1,1	слабая
сложная	+ 1.21	+1,12	простая
прошедшая	0,32	0,5	настоящая
теплая	+ 1,36	- 1,02	холодная
быстрая	0,47	+ 1,26	медленная
активная	0,07	+ 2,62	пассивная
женская	0,07	0,27	мужская
вода	- 1,12	+ 1,4	земля
безопасная	+ 2,8	- 2,81	опасная
нежная	+ 1,83	- 1,34	грубая
мягкая	0,78	0,68	твердая

Табл. 1. Категориальные структуры понятий «стабильность» и «хаос» (по данным семантического дифференциала, средние значения по шкале (+3, +2,+1, 0, -1, -2, -3).

При обработке данных первоначально был произведен анализ средних значений по всем шкалам (табл.1.). Из таблицы видно, что на уровне повседневного сознания понятия

«стабильность» и «хаос» по некоторым признакам близки, а по другим – существенно отличаются.

Сходство характерно для следующих признаков: *сильный - слабый* + 1,08 / + 1,93, *долгий - короткий* +1,36 / + 1,93, *сложный - простой* +1,21 / + 1,12. Близость наблюдается и по признакам, которые респонденты оценили как «ни то, ни другое». Судя по всему, данные признаки воспринимаются респондентами как неадекватные для оценки и описания стабильности и хаоса: *прошлый – настоящий* 0,32 / 0,5, *мягкий – твердый* 0,78 / 0, 68, *мужской – женский* 0,7 / 0, 27.

Обращает на себя внимание то, что респонденты нейтрально оценили стабильность и хаос с точки зрения временного фактора. Некоторые социологические исследования, наоборот, показывают отождествление прошлого и стабильности, настоящего и беспорядка. Судя по всему, для наших респондентов оказалась не свойственна ностальгическая мифологизация прошлого, по крайней мере, при заполнении семантического дифференциала.

Особо примечательно, что такой гендерный признак как *женский - мужской* оказался для респондентов абсолютно нейтральным. Вопреки нашим предположениям, «половой принадлежности» у стабильности и хаоса не выявилось. Вероятно, это можно объяснить возрастными особенностями респондентов, а также самой противоречивостью оценки мужского и женского с точки зрения стабильности и хаотичности.

Стабильность и хаос воспринимаются по-разному, прежде всего с точки зрения эмоциональной оценки: стабильность оценивается как *хорошая* (+2,3), *добрая* (+1,3), *нежная* (+1,83), *теплая* (+1,36) *безопасная* (+2,8), в то время как хаос как *плохой* (-1,58), *злой* (-2,58), *грубый* (-1,34), *холодный* (-1,02), *опасный* (-1,81).

Особенно разительно отличие по признаку *светлый – темный* (+2,7/-2,58). Актуализация архетипа «порядок – свет», «хаос – темнота» здесь очевидна. Обратим внимание на то, что при ассоциативном исследовании были получены сходные данные: в ряде случаев хаос ассоциировался как тьма (темнота, черное). Также оказались подтвержденными специально включенные архетипические признаки *вода-земля:* стабильность оценивается как *земля* (-1,12), а хаос как *вода* (+1,4).

Респонденты затрудняются оценить стабильность по признакам *быстрый – медленный (*0,47), *активный – пассивный* (0,07). В то же время хаос однозначно оценивается как *быстрый* (+1,26) и *активный* (+ 2,62). И наоборот, оценивая стабильность как *веселую* (+1,5), респонденты нейтрально оценивают хаос (0,62).

Следующим этапом нашего исследования является построение *семантических пространств* восприятия анализируемых понятий. Под семантическим пространством понимается «система признаков, описаний объективной и социальной действительности, определенным образом структурированная». [Петренко 1997: 98]. Семантические пространства показывают отношения смыслов, упорядочение опыта осознания действительности. Они являются каркасами картины мира субъекта. Для точности построения семантических пространств были дополнительны проанализированы слова *«уверенность», «страх»* и *«катастрофа».*

Факторный анализ является переходом от базиса большой размерности (признаков, заданных шкалами) к базису меньшей размерности (категориям-факторам). Факторно-аналитическая обработка данных с целью построения семантического пространства проводилась методом главных компонент с поворотом факторных осей методом varimax. Было выделено 3 фактора, объясняющих соответственно 64,11 %, 28,67 %, 5,54 % общей дисперсии.

Первый фактор (64,11 %) получил название ***«оценка – активность».*** На одном полюсе фактора (оценка) такие переменные:

X1	**Веселая**	**0,9836**
X2	**Хорошая**	**0,9985**
X3	**Добрая**	**0,9925**
X4	**Светлая**	**0,9955**
X5	**Долгая**	**0,863**
X9	**Теплая**	**0,9837**
X14	**Безопасная**	**0,9834**
X15	**Нежная**	**0,8898**
X12	Женская	0,4304
X16	Мягкая	0,02739
X6	Сильная	0,1025
X7	Сложная	0,09012
X8	Прошедшая	0,1071

Противоположный полюс первого фактора (активность) образуют переменные:

X10	**Быстрая**	**-0,9361**
X11	**Активная**	**-0,7886**
X13	**Вода**	**-0,9549**

Полярными понятиями в таком контексте оказались «стабильность» и «хаос». Слова «уверенность», «развитие», «страх» и «катастрофа» имеют средние показатели по этим факторам. Это дает основание предположить, что в сознании наших респондентов положительные эмоциональные оценки доминируют в отношении понятий *«стабильность», «развитие», «уверенность».* Напротив, *«хаос», «страх»* и *«катастрофа»* оцениваются негативно. Для этих понятий более значимым оказывается признак активности, динамичности.

Первый фактор обладает высокой мощностью (64 % дисперсии), что свидетельствует о высокой субъективной значимости для респондентов. Таким образом, получена следующая картина. Ведущими факторами в восприятии стабильности и хаоса являются фактор оценки (безопасности) и фактор активности (динамичности). Респонденты интерпретировали понятия исходя из неосознаваемого противопоставления эмоционально-оценочных признаков и признаков динамичности. Показательно, что сходные результаты были получены В.Ф. Петренко в исследовании «Вербальный семантический дифференциал на материале русской лексики» [Петренко 1997: 113-119]. Ведущими факторами также оказались традиционные наборы признаков - «оценка» и «активность». Среди соотносимых 50 понятий были близкие нашим слова – «покой», «страх», «движение», «динамика». Например, понятие «покой» имеет сравнительно высокий показатель по фактору «оценка» (4,9) и более низкий по фактору «активность» (2,6).

Второй фактор (28,67 %) (***комфортность – сила***) включает на одном полюсе такие переменные:

X16	**Мягкая**	**0,9956**
X12	**Женская**	**0,8659**
X8	**Прошедшая**	**0,5862**
X15	**Нежная**	**0,4407**
X1	Веселая	0,02146
X3	Добрая	0,09135
X4	Светлая	0,07404
X9	Теплая	0,0979
X13	Вода	0,2188
X14	Безопасная	0,1016

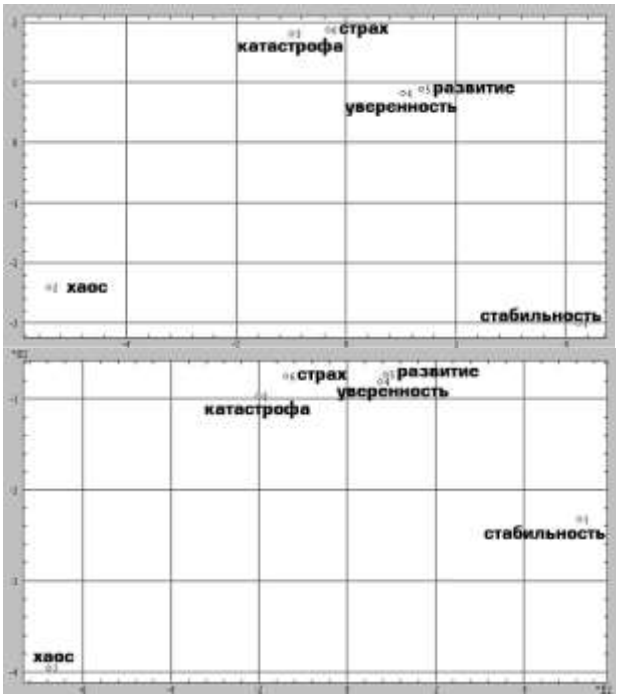
Самым интересным в содержании этого полюса показалось то, что «мягкое» и «женское» соединяется с «прошедшим» и оценивается при этом позитивно. Вероятно, есть некая аналогия с архетипическим отождествлением женщины и традиции, женщины и рода. К этому полюсу тяготеют сразу четыре понятия: развитие, уверенность, страх и катастрофа. Хотя их показатели по этому полюсу очень низкие.

Противоположный полюс второго фактора (сила) образуют переменные:

X6	**Сильная**	**-0,947**
X7	**Сложная**	**-0,8923**
X5	Долгая	-0,3167
X11	Активная	-0,3499
X10	Быстрая	-0,1029
X2	Хорошая	-08663

Наибольшие показатели по этому признаку у понятий «хаос» и «стабильность». Здесь они не противопоставляются, а сближаются. В целом по второму фактору полярными понятиями оказались «хаос» и «развитие». «Склейка» таких разнородных аспектов жизни по полюсам показывает, возможно, управленческое и прагматическое значение стабильности, хаоса, уверенности, страха, катастрофы и развития. Позитивным признается мягкость, гибкое следование образцу, традиции, обычаю. Негативным – неконтролируемая сила.

Фактор 2 **Фактор 2**



Фактор 1 **Фактор 1**

Схема 1. Семантическое пространство понятий (до и после вращения)

Третий фактор объясняет только 5,54 % дисперсии и не имеет четкого содержания.

4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕСТ ЛЮШЕРА

Известный восьмицветовой тест Люшера позволяет диагностировать эмоциональное состояние личности и ее ведущие акцентуации. С помощью этого теста можно

зафиксировать неосознаваемые невербализированные образы-ассоциации, возникающие при восприятии определенного объекта. По данным теста стабильность ассоциируется с *синим цветом* (21,2 % ответов), *зеленым* (20,2 %), *серым* (14 %), *желтым* (12,1 %), *красным* (6,5 %).Зеленый цвет символизирует упругость воли, концентрацию, неизменность, постоянство воззрений, тенденцию к удерживанию и обороне. Синий означает пассивность, зависимость от внешних воздействий, спокойствие, удовлетворенность. Серый - потерянность, разделение, отчуждение. Синий и серый на второй и третьей позиции означают ощущение комфорта, уюта и безопасности. Если зеленый, синий и серый символизируют различные, но все же во многом сходные основания сохранения и постоянства, то желтый, напротив, - цвет надежды, раскованности, ожидания счастья, стремления к новым и неясным перспективам. В целом, многовариантность и противоречивость цветовой символики соответствует вербально заявленному отношению к стабильности.

Цветовая символика слова *"хаос "* также неоднородна: *черный* (27,6 %), *красный* (22,5), *серый* (19,7 %). Черный цвет символизирует отказ, полное отречение, неприятие. Красный - выражение силы, энергии, активности. Серый - потерянность, разделение, отчуждение. Хаос, "облаченный" в эти три цвета, предстает амбивалентной характеристикой: разрушающей и созидающей, вызывающей страх и восхищение одновременно.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, анализ данных исследования позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Ассоциативный анализ слова *«стабильность»* и *«хаос»* свидетельствует о многомерности обыденного восприятия стабильности и хаоса. Концепты опираются на элементы предсознательного, мифологического, эмоционально-чувственного, детского, рационального, научного, квази-научного сознания;
2. Обыденное представление о стабильности и хаосе не совпадает с научным. В повседневном представлении стабильность практически полностью отождествляется с равновесием. В научном представлении стабильность – лишь одно из возможных свойств равновесия. В обыденном сознании хаос представляет собой нечто полностью спонтанное и случайное, но с точки зрения точных наук хаос предсказуем и описываем;
3. Восприятие стабильности и хаоса является социально актуализированным. Высокая доля политических, экономических, социальных ассоциаций, очевидно, обусловлена тем, что ответы респондентов связаны с их переживаниями и осознанием происходящих в стране и мире событий. При этом особо показательна высокая частотность экономических символов для слова «стабильность» и политических - для слова «хаос»;
4. Требует осмысления низкая частотность образных, архетипических и личных ассоциаций у слова «стабильность», что менее характерно для *слова «хаос»*. Вероятно, это свидетельствуют о принадлежности слова «стабильность» к книжной лексике. Такая стилистическая окраска предполагает использование слова, прежде всего, в политической, законодательной, научной сфере. В повседневную жизнь слово «стабильность», возможно, перемещается искусственно.
5. Для обыденного восприятия хаоса в большей степени характерна негативная оценка особенно по отношению к жизнедеятельности людей и общества. Напротив, стабильность вызывает в повседневном сознании разнообразные оценки.
6. Отметим, что сочетание факторов «оценки» и «силы» позволяет провести следующую аналогию. В психосемантических исследованиях комбинация положительной оценки и параметра силы соответствуют образу «правильного мира». Примером такого образа могут являться некоторые сказочные герои, которые одновременно и «хорошие», и «сильные». Образ «правильного мира» описан М. Лернером в концепции «веры в справедливый мир». Как пишет Е.В. Улыбина [Улыбина 2001: 79], согласно этой концепции каждый человек верит, что мир справедлив и что каждый заслуживает того,

что с ним происходит. Тексты, описывающие правильный мир, воспроизводят идею правилосообразности, гармонии, прочности, силы, конформизма.

7. Анализируя стабильность как свойство правильного мира, можно отметить не только ее способность упорядочивать мир, но и успокаивать людей. Этот некий *психотерапевтический* и *нравоучительный* эффект поддерживает уверенность в том, что данный мир позитивен и стремится к совершенству.

8. Если стабильность, сочетающая положительную оценку и силу, является признаком «правильного мира», то хаос, комбинирующий негативную оценку и силу, выступает как свойство «неправильного мира». Неправильные тексты создают картину неупорядоченности жизни, преступлений, трагического финала. «Мир, изображенный в них, неудобен, не пригоден для жизни, и соблюдение в нем моральных норм либо глупо, либо трагично» [Улыбина 2001: 80]. Если правильные тесты утверждают стабильность, то неправильный мир соответствует ценности изменения.

Резюмируя, можно сказать, понятия «стабильность» и «хаос» являются социокультурными конструкциями, предполагающими активный процесс наделения смыслом внешнего мира, интерпретации. Несмотря на то, что стабильность и хаос – явления в разной степени знакомые для всех, их восприятие и рефлексия сопровождается интенцией, воображением, игрой.

REFERENCE

1. Логический анализа языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка/ Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. - М.: Индрик, 2003.

2. Петренко В.Ф., Митина О.В. Анализ динамики общественного сознания. Смоленск, 1997.

3. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск, 1997.

4. Сергеев В.М., Сергеев К.В. Некоторые подходы к анализу языка политики. На примере понятий «хаос», «лидер», «свобода» // Политические исследования. 2001. № 5.

5. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской. - СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

6. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М., 2001.

7. Чередниченко Т. Россия 90- ых в слоганах, рейтингах, имиджах: актуальный лексикон истории кульутры. М., 1999.

8. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998.

9. Semantic Differential Technique. A sourcebook / Ed. By J. Shider, Ch. Osgood. Chicago Adline Publishing Company, 1969.

THE CONCEPTS STABILITY AND CHAOS IN RUSSIAN EVERYDAY CONSCIOUSNESS[23]

Larisa Pautova[24]

ABSTRACT

This paper presents cognitive and psycho-semantic research of two concepts, which are of current importance for post-Soviet everyday consciousness: *stability* and *chaos.* This investigation is based on complex approach which involves different methods: method of associations, semantic differential technique, psychological Lusher Colour Test, interviews, the analysis of visual images and discursive analysis. The combination of several data collection methods allows to reconstruct concepts and social representation on different levels. 280 students filled out a special questionnaire which was focused on different points of concepts *stability* and *chaos*. The introductory section of the present paper will describe the aims and methods of research. The second part will examine the associative fields and the structure of meanings of concepts. The third section will develop the Semantic Differential Technique: the category structures of concepts and semantic spaces will be modelling. The next part of this paper will draw numerous emotional dominants of concepts (Lusher Colour Test). This paper is aimed to show that stability and chaos are socio-cultural constructions with the elements of imagination and game. There is the deep gap between the reality (stability/chaos) and representation. The Folk conceptions of stability and chaos are relative: the assessment of stability and chaos is always contextual (temporal, geographic, social, personal comparison).

KEYWORDS

everyday consciousness, concepts, social representation, psychosemantic approach, modelling, semantic spaces

[23]© Larissa Pautova, 2004

[24] Department of Sociology, Omsk State University-St-Petersburg State University, pautoval@yandex.ru

ОПРЕДЕЛНИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ЯДРА МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА В СВЕТЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Светлана Песина

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья посвящена изучению когнитивных оснований общности значений многозначных существительных с использованием достижений, полученных в рамках ведущих направлений лингвистики последних десятилетий - когнитивной лингвистики, семантики и психолингвистики.

Проблема исследования семантической структуры слова имеет выход в сложную проблематику комплекса «язык – мышление – общественное сознание», объединяя усилия ученых различных направлений. Несмотря на сложность определения границ дискретных единиц, схема исследования лексического значения предполагает как акцентирование различий между значениями одного слова, так и поиск содержательного ядра многозначного слова.

Атомарный подход к изучению функционирования многозначных слов в ментальном лексиконе игнорирует то обстоятельство, что многие единицы обнаруживают общность, которая связывает частные значения и отражается в языковой интуиции. Присоединяясь к мнению ряда лингвистов, следует признать, что в подавляющем большинстве случаев при актуализации словарной статьи неоднозначной вокабулы мы интуитивно воспринимаем как бы «просвечивание» одного значения в другом.

РАЗДЕЛ 1.

Суть развиваемого в данной статье подхода, предложенного И.К.Архиповым (1998), заключается в определении минимально существенных семантических признаков слова, содержательного ядра слова и установлении его места и функции в системе языка и в речи.

Данный подход носит название «прототипический» и заключается в том, что при построении сложных языковых знаков (дискурса) говорящий опирается на известные ему наиболее общие способы его организации. Например, он знает (помнит) определенные алгоритмы появления комбинаций слов и средств связи между ними и использует их для обеспечения связности высказывания. Он также надеется или уверен, что аналогичным или почти такими же знаниями обладает и его слушатель. При этом говорящий не «подгоняет» некие фиксированные («застывшие») значения, забираемые со «склада» памяти, с тем, чтобы они «совпали» с условиями ситуаций, а «выпускает» звуковые или графические формы знаков, соответствующие формам лексических прототипов (ЛП), находящихся в его голове, с надеждой или уверенностью, что слушающий сможет восстановить задуманные им смыслы, исходя из ЛП, находящихся в его голове, и в соответствии с ситуациями. Со своей стороны, при декодировании смыслов, привносимых словом, слушающий выводит прямые (расширенные или суженные и т.п.) и переносные значения, «прикладывая» ЛП этого слова к различным ситуациям. При этом он использует принципиально ту же схему вывода значений на базе ЛП, что и говорящий. В функционировании именно интерпретационного, а не механистического механизма («положили слово (значение) в склад памяти, забрали слово (значение) со склада») заключается действительно творческий характер речемыслительной деятельности, о котором говорят приверженцы разных направлений и школ (Архипов (1998)).

Есть все основания использовать термин «прототип» применительно к лексической структуре слова. Прототип обозначает «первоначальный» и, являясь частью лексикона человека, предшествует всем актуализациям значений в речи. Прототип, как содержательное ядро многозначного слова, является своего рода стереотипом в рамках обыденного мышления, облегчающим процесс мышления. Следует согласиться с высказанной В.Г.Гаком мыслью о том, что у членов языкового коллектива создаются

стереотипные установки, определяющие единообразный способ членить действительность и фиксировать признаки в объектах. «Стереотипы облегчают процесс общения: человек не может самостоятельно перерабатывать все ситуации; в обыденной речи для идентификации достаточно указать на объекты в общем виде» (Гак (1977)).

Лексический прототип как содержательное ядро слова, безусловно, имеет отношение к глубинным структурам (внутренней форме в понимании В.Гумбольдта и А.А.Потебни). Соотношение между глубинными и поверхностными структурами носит незеркальный характер, что было продемонстрировано генеративной грамматикой. Это обстоятельство ставит вопрос о возможности принципиального несовпадения единиц языка и речи по форме и содержанию.

О необходимости противопоставления системы языка формам ее реализации в речи говорил Г.Гийом ещё в 1944. Он полагал, что необходимо «перед любым рассмотрением контекстного значения какой-либо формы... восстановить систему, чьей составной частью она является и где она берет свое основное значение - значение уже существующее в мысли (хотя в этом мы не можем непосредственно отдать себе отчет, так как у нас нет прямого доступа к этим глубинным операциям) и предшествующее любому контекстному значению, выявляющемуся в речи» (Гийом (1992)).

При определении содержательного ядра слова необходимо учитывать его инвариантный характер, поскольку оно должно быть основой формирования всех значений слова, оно также не должно переходить грань восприятия среднего носителя языка с тем, чтобы не утратилась цель его поиска, ориентированная на среднего пользователя. В данной работе ЛП-инвариант является принадлежностью языка и понимается как «абстрактная языковая сущность, включающая совокупность семантических компонентов, которые в одной из своих конфигураций лежат в основе всех или ряда ЛСВ, составляющих семантическую структуру слова в соответствии с интуицией среднего носителя языка». В данном понимании лексический инвариант – это абстрактная, но все же реальность. Понятие инварианта противопоставлено понятию варианта как конкретной реализации языковой единицы и данное противопоставление соотносимо с дихотомией языка и речи: инвариант есть единица языка, а вариант - ее конкретная реализация в речи.

Исходя из предположения о том, что «...в памяти индивида просто не могут быть дискретно зафиксированы все варианты значений всех известных ему слов» (Брудный, 1971) в настоящем исследовании явление лексической многозначности рассматривается в свете структуры и функционирования. При этом в центре нашего внимания оказываются: 1) особенности строения и функционирования значений, закрепленных в семантической структуре слова; 2) дальнейшее развитие семантического потенциала лексической единицы за счет реализации отдельных компонентов значения, относящихся к содержательному ядру многозначного слова.

РАЗДЕЛ 2.

Обратимся далее к анализу конкретного материала: английского многозначного существительного apron «фартук», члена лексико-семантической группы «атрибуты одежды», с целью определения содержательного ядра как основания единства всех его лексико-семантических вариантов (ЛСВ).

Прежде всего, необходимо определить номинативно - непроизводное значение (ННЗ) слова, основанное на компонентах достаточных для идентификации соответствующего понятия на уровне обыденного сознания. В качестве исходного значения словари приводят следующие дефиниции, опирающиеся на зрительный образ соответствующей части одежды человека: Словарная статья существительного veil «вуаль», «накидка» начинается описанием значений, опирающихся на зрительный образ соответствующей накидки: «a length of cloth worn by women over the head, shoulders, and often the face»; «a length of cloth worn by women as a covering for the head and shoulders and often especially in Eastern countries for the face; *specifically* **:** the outer covering of a nun's headdress»; «a piece of thin material worn

by women to cover the face or head»; «a piece of thin, soft cloth that women sometimes wear over their heads»; «covering of fine net or other material to protect or hide a woman's face, or as part of headdress»; «a thin piece of material worn by women to cover their faces at formal occasions such as weddings, or for religious reasons»; «a piece of light and usu. transparent material worn over the head to protect, conceal, or decorate the veil»; «a covering more or less transparent for the face; «covering of the fine net or other material to protect or hide a woman's face» (She lowed her veil); «a length of cloth worn by women over the head, shoulders, and often the face»; «a thin piece of fabric or netting, usu. worn over the head, shoulders, and face» (*After the ceremony, the bride lifted up her veil to kiss her husband. The women wore black veils which covered all but their eyes)*; (*The bride's face was covered in a white veil*).

Приведённые выше дефиниции содержат семантические компоненты, относящиеся как к внешнему виду данного атрибута одежды («a length of cloth», «more or less transparent», «thin», «soft»), так и к его функции («for a woman's face», «worn also over the head, shoulders », «used to protect», «used to conceal», «used to decorate», «used for formal occasions such as weddings», «used for religious reasons»). На основе принципа отражения в дефиниции уровня сознания среднего носителя языка, сформулируем veil (1) как «a piece of thin material worn by women to cover the face or head to protect or hide». Данное определение отражает, на наш взгляд, необходимые центральные идентифицирующие и функциональные компоненты.

Значение, передающее понятие о головном уборе монахинь, (2) - «the part of a nun's headdress that frames the face and falls over the shoulders» (*She took the veil when she was twenty*) является сужением ЛСВ (1). Так как ЛСВ (1) передаёт понятие о вуали или накидке вообще, не уточняя особенностей связанных с конфигурацией, материалом и функцией накидки, а так же конкретных областей её применения, целесообразно значение «veil» (2) считать узкофункциональным. Оно полностью основано на компонентах и образе НН значения.

Следующее значение связано с накидкой, которую носят женщины Востока, исповедующие ислам. Паранджа несколько отличается от головного убора монахинь по внешнему виду (имеет больший размер и служит не только для того, чтобы накрыть голову, но и полностью покрыть, спрятать женщину). Приведём это значение из словаря Cambridge: veil *were dressed in black veils that* - (*The Muslim women covered everything but their eyes*). По той же причине, что и предыдущее, veil (3) следует считать сужением НН значения.

Метонимическим переносом от второго значения (а тем самым и от первого) является veil (4) - «the life or vows of a nun» (*Shortly after taking the veil* (after the ceremony of accepting a piece of thin material worn by women to cover the face or head to protect or hide as a symbol of taking vows), *sister Catherina moved to India to set up a school for orphans*). Основой переноса является механизм «предмет – явление, символом которого он является». Название обязательного головного убора используется в качестве символа жизни монахинь.

По аналогии с предыдущим механизмом возникает метонимическое значение veil (5) - «the system of Islamic countries in which women must keep their faces covered in public places», которое мотивированно значением veil (3), означающим паранджу. В его основе лежит механизм, аналогичный предыдущему, и паранджа становится «визитной карточкой» стран с сильными исламскими традициями.

Подводя промежуточные итоги, отметим, что приведённые выше метонимические значения, а также сужения передают понятия о предметах, ассоциируемых с функцией и/или формой непосредственно накидки или вуали. Следовательно, содержательным ядром данных значений является ННЗ.

В приведённых ниже метафорических значениях отражается уподобление вуали или накидки по внешнему виду и/или функции, то есть, это нечто такое же тонкое, которое покрывает.

(6) - «a piece of light fabric hung to separate or conceal what is behind it; a curtain». В основе данного значения лежит сравнение (по форме и функции) шторки, которая что-либо отделяет и прячет, с вуалью или накидкой. Это значение может быть интерпретировано на основе НН значения следующим образом: a piece of light fabric which hangs like a veil (1) «a piece of thin material worn by women to cover the face or head to protect or hide» to separate or conceal what is behind it. В основе семантики veil (6) выделяем семы «a piece of thin material», «one cannot see clearly through it», «hides».

(7) – «the inner embryonic membrane of higher vertebrates (especially when covering the head at birth)» - the inner embryonic membrane of higher vertebrates resembling a veil (1) «a piece of thin material worn by women to cover the face or head to protect or hide». Значение «внутренняя эмбриональная мембрана, покрывающая голову новорожденного у высших позвоночных», основано на образе вуали (перенос на основе общности формы и функции). В основе veil (7) отметим компоненты «a piece», «thin», «covers the face or the head», «protects or hides».

(8) - «a membranous covering or part, as that on the developing fruiting body of certain mushrooms; a velum» - a membranous covering or part, as that on the developing fruiting body of certain mushrooms which resembles a veil (1) «a piece of thin material worn by women to cover the face or head to protect or hide». Значение «мембрана, покрывающая гриб», основано на образе вуали, аналогичным образом покрывающей голову (перенос на основе общности формы и функции). Семантика «veil» содержит компоненты «a piece», «thin», «covers the top part».

Приведённые ниже метафорические значения носят абстрактный характер:

(9) - «veil of mist/cloud/evening light etc» - a thin layer of mist, cloud etc that covers something so that you cannot see it clearly *(Everything was wrapped in a veil of evening light)*. В основе данного значения лежит сравнение по форме и функции дымки тумана, облака или вечернего света с внешним видом и функцией вуали или накидки: a thin layer of mist, cloud etc that covers something like a veil (1) («a piece of thin material worn by women to cover the face or head to protect or hide») so that you cannot see it clearly. При этом ядерные компоненты ННЗ присутствуют в этом значении как неотъемлемый фон перехода к переносному значению «дымка тумана, облака, похожая на покрывающую и прячущую вуаль, через которую, хотя и смутно, но видно». Семантика «veil» основана на компонентах: «semi-transparent», «one cannot see clearly through it», «covers», «hides».

В следующих метафорических значениях наблюдается дальнейший процесс отхода от образа, связанного с veil (1):

(10) - «veil of deceit/silence etc - something that stops you knowing the full truth about a situation» (*I think we should draw a veil over this conversation.)*. В основе данного значения - уподобление по форме и функции лжи или тишины вуали, которая «покрывает и прячет». something which is like a veil (1) («a piece of thin material worn by women to cover the face or head to protect or hide») that stops you knowing the full truth about a situation. Семантика «veil» основана на следующих компонентах НН значения: «covers», «one cannot see clearly through it», «hides».

Как видим, при осмыслении метафорических значений происходит большее удаление от зрительного образа вуали или накидки, чем при осмыслении метонимий. В них наблюдается абстрагирование содержания. В этой связи обратим внимание на следующее значение:

(11) - «something that conceals, separates, or screens like a curtain: *a veil of secrecy» (A veil of mystery_surrounds Kelly's death)*; something which seems to cover an object but which you can see through, for example mist or light (*The research centre shrouded its communications with every possible veil of secrecy*) - something that conceals, separates, or screens like a veil **(**«a piece of thin material worn by women to cover the face or head to protect or hide»). Данное метафорическое значение предполагает широкий круг референтов. Семантические

компоненты, лежащие в основе данных метафор, так же носят общий характер: «covers», «one cannot see clearly through it», «hides».

Результаты проведённого анализа показывают, что значения veil (2) «the part of a nun's headdress «hood», (3) – «veil of the Muslim women», (4) - «the life or vows of a nun», (5) - «the system of Islamic countries» могут быть без труда истолкованы на основе образа и семантических компонентов НН значения «a piece of thin material», «worn by women», «to cover the face or head», «protects or hides». В метафорических значениях эти компоненты оказались не так полно представлены. Если в семантике veil (6) - «отделяющая шторка» помимо компонентов «one cannot see clearly through it», «hides» наличествует сема «a piece of thin material», то в veil (7) - «внутренняя эмбриональная мембрана» и - «мембрана гриба» речь идёт совсем о другом «материале». Поэтому в этих значениях выделены лишь компоненты «a piece», «thin». От компонента «covers the face or the head» (veil (7)), в veil (8) остаётся «covers the upper part». А в veil (9-11) ни один из перечисленных признаков вообще не входит. По той причине, что данные значения носят абстрактный характер, в них содержатся следующие семы «semi-transparent», «covers», «one cannot see clearly through it», «hides». Выделенные компоненты весьма отдалённо напоминают такую часть женской одежды, как вуаль или накидка, то есть, в процессе метафоризации используются лишь самые общие черты подобия НН значению. Данный пучок компонентов, можно назвать прототипическим, и сформулировать «дальнейший» ЛП «a semi-transparent cover (usually for the top part of something) through which one cannot see clearly that hides or makes something difficult to understand», который является содержательной единицей лексико-семантической системы языка. Причём компонент «makes something difficult to understand» выделен вследствие того, что наиболее полно отражает семантику veil (9-11). Все представлены компоненты являются дифференциальными, они в разной конфигурации присутствуют в семантике указанных значений.

По терминологии И.К.Архипова (1998), ННЗ является «ближайшим» ЛП (БЛП), т.к. именно это значение приходит в голову носителю языка в первую очередь как элемент базисного уровня познания при осмыслении понятия фартука. А ЛП, основанный на более абстрактных признаках, является «дальнейшим» (ДЛП). ДЛП есть результат осмысления всех ЛСВ слова на новом, более высоком уровне абстракции.

При этом ЛСВ (2-5), мотивированные «ближайшим» ЛП, реализуются в результате «приложения» БЛП к условиям речевой ситуации, когда в фокус номинации попадают функции накидки или вуали (покрывать, прятать) или их внешний вид. Когда же номинационные механизмы выходят за пределы понятия о вуали как атрибуте одежды, процесс продолжается уже в сфере сравнений и можно предположить, что при формировании и декодировании метафорических значений veil (6-11) в качестве исходной базы выступает именно ДЛП – при актуализации ситуации уподоблении тому, что «покрывает, делая что-либо непонятным или скрытым от глаз». В этих условиях действительно есть основания для различия в языке и речи актуального (реализованного) и виртуального (потенциального) содержаний.

Принципиальным для данного исследования является положение об альтернативном статусе двух ЛП. Каждый из них выбирается коммуникантом и функционирует в зависимости от установки его сознания и условий коммуникации. При реализации того или иного ЛСВ «ближайший» или «дальнейший» ЛП «прикладывается» к актуальной речевой ситуации.

В заключение приведём детализированное содержание ЛП (инварианта) может быть сформулировано следующим образом: «a piece of thin material worn by women to cover the face or head to protect and hide or a semi-transparent cover (usually for the top part of something) through which one cannot see clearly that hides or makes something difficult to understand».

РАЗДЕЛ 3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый анализ показывает, что БЛП и ДЛП являются единицами лексической системы языка и все значения, включая ННЗ, актуализируются от них на альтернативной основе в зависимости от коммуникативной установки участников общения. Это осуществляется посредством «приложения» ЛП к условиям актуальной речевой ситуации. Выполненный анализ является подтверждением тезиса о «незеркальном характере» (Архипов (1998), (2001)) единиц языка и речи.

Использование лексического прототипа открывает интересные перспективы в практике обучения иностранному языку. При обучении лексикону на базе ЛП студентам предъявляется ЛП и набор вероятных ситуаций актуализации ЛСВ. При этом задача обучения значительно упрощается: нужно лишь помочь учащемуся увидеть связь между содержанием ЛП и соответствующими коммуникативно-значащими компонентами понятий, лежащими в основе всех отдельных актуальных значений. Таким образом, снимается часто весьма трудная задача вывести все значения от главного на основе известных механизмов сужения, расширения, метонимии, метафоры и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов И.К. (1998). Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. - СПб: Studia Linguistica 6. С. 5-22.
2. Архипов И.К. (2001). Человеческий фактор в языке. - СПб: Невский институт языка и культуры. – 110 с.
3. Брудный А.А. (1971). Значение слова и технология противопоставления //Семантическая структура слова. - М.: Наука. С. 78- 93.
4. Гак В.Г. (1977). Сопоставительная лексикология. - М.: Наука. – 266 с.
5. Гийом Г. (1992). Принципы теоретической лингвистики. - М.: Прогресс. - 217 с.

DETERMINATION OF CONTENT CORE FOR POLYSEMANTIC WORD FROM THE STANDPOINT OF LANGUAGE AND SPEECH DIFFERENTIATION [25]

Svetlana Pesina [26]

ABSTRACT

The paper is devoted to investigation of content core of multimeaning word in English. Lexical prototype is proposed for this purpose. The prototype means “initial” and as a part of human lexicon it precedes all of meaning actualization in speech.

KEYWORDS

semantics, multiple meaning word, content core of word, lexical prototype

[25] © Svetlana Pesina, 2004

[26] Russian State Teacher’s Training after A.I.Gercen, Department of English Philology, pesin@mdv.ru

КОНТАКТ СО СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫМ СУЩЕСТВОМ: НЕКОТОРЫЕ АРХЕТИПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

Анна Рафаева

ВВЕДЕНИЕ

Контакт с иным миром, миром сверхъестественных существ, - одна из основных тем различных жанров повествовательного фольклора народов всего мира. Эта тема является одной из основных в мифологии различных народов, в эпических произведениях, волшебных сказках, устных мифологических рассказах, в том числе и современных. Заметим, что в настоящее время мотивы контакта с потусторонним миром приобретают всё большее распространение в периодической печати, телепередачах и т.п. Возрождается интерес к колдунам, гадалкам и другим посредникам между миром людей и миром сверхъестественного. Это свидетельствует о том, что и для современного человека вопрос об «ином мире» и возможностях взаимодействия с ним является достаточно актуальным.

В настоящей работе рассматривается вопрос о взаимодействии человека и сверхъестественных существ в волшебных сказках. Волшебные сказки представляют собой достаточно удобный материал для исследования. Прежде всего это связано с тем, что из всех нарративных жанров фольклора волшебные сказки представляют собой наиболее изученный жанр. Кроме того, структура, набор типичных мотивов, персонажи волшебных сказок являются достаточно постоянными, что также облегчает подобное исследование.

Цель данной работы – выявить, каким образом контакт со сверхъестественными существами отражен в сказочных текстак, какие существуют типы такого контакта и какие правила должен соблюдать человек, вступивший во взаимодействие с миром чудесного.

В Главе 1 рассматриваются те *персонажи* волшебной сказки, которые, как правило, являются сверхъестественными существами и их роль в сюжете сказки. Глава 2 посвящена рассмотрению *архетипических мотивов*, отражающих контакт подобными существами в волшебной сказке. В Главе 3 описываются, каким образом контакт между человеком и сверхъестественным существом зависит от типов участников такого контакта.

1. РОЛЬ СУЩЕСТВА ИЗ ИНОГО МИРА СОГЛАСНО ФОРМУЛЕ ПРОППА

Рассмотрение схемы сказочных ролей, предложенной В.Я. Проппом (Пропп 1998) позволяет выделить те роли, которые часто исполняются существами, принадлежащими к потустороннему миру. Прежде всего, таким существом, как правило, является сказочный *вредитель* (дракон, ведьма, людоед и пр). Очень часто к иному миру принадлежит *даритель*, особенно в тех случаях, когда дарителем является черт или же ведьма. В ряде случаев сверхъестественнымы существами могут быть *царевна-невеста* и *волшебный помощник* героя сказки. Однако, согласно исследованиям (Мелетинский и др. 2001), *волшебный помощник* чаще выполняет функцию посредника между миром людей и миром сверхъестественного. В этом волшебные сказки отличаются от мифов, герой которых сам является посредником (*медиатором)*между двумя мирами.

Эти персонажи являются действующими лицами в следующих *функциях*:

1) *Начальное вредительство*;
2) *Первая функция дарителя* (испытание героя дарителем);
3) *Бой и победа* (парные функции);
4) *Задачи и решение* (парные функции). В последнем случае имеются в виду свадебные задачи, которые должен решить герой перед тем, как жениться на невесте, принадлежащей к иному миру (например, на волшебнице или деве-лебеди). Задачи же, которые задает *отец царевны* (построить хрустальный мост, замок за одну ночь, укротить коня и т.п.) решаются, как правило, с помощью *волшебного помощника*, контакт с которым состоялся ранее.

Функции Проппа позволяют в первом приближении определить те события в сюжете волшебной сказки, где возможно появление и активная деятельность сверхъестественного существа. В то же время, как можно видеть по приведенным примерам, функции не позволяют определить, состоялся ли в данном случае контакт со сверхъестественным существом или нет.

При анализе подобного рода имеет смысл рассматривать *архетипические мотивы*, в которых принимают участие рассмотренные выше персонажи.

2. АРХЕТИПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

Термин *литературно-мифологические сюжетные архетипы* (*архетипичаские мотивы*) предложен Е.М. Мелетинским (Мелетинский 1994) для описания повествовательных мотивов, отражающих взаимоотношения внутреннего мира человека и окружающей его среды. Архетипические мотивы позволяют исследовать как бессознательные моменты в мифологическом и поэтическом воображении человека, так и сюжет повествования.

В отличие от архетипов Юнга и его последователей, ядром *сюжетных архетипических мотивов* является действие. С формальной точки зрения основные архетипические мотивы могут быть представлены в виде предикатов (основное действие) и набора актантов, отражающих *деятелей, образ действия* и, возможно, некоторых других. При этом тип деятелей, особенно в волшебных сказках, оказывает существенное влияние на образ действия, как показано в работе (Новик 1975). Архетипические мотивы складывались постепенно, по мере развития мифологии; в том числе и под влиянием некоторых ритуалов.

Рассмотрим основные мотивы в волшебной сказке, в которых отражается контакт со сверхъестественным существом и результаты такого контакта. Прежде всего, следует отметить мотив *инициации*, оказавший существенное влияние на структуру волшебной сказки вообще. В зависимости от того, кто является главным героем данного повествования, мотив *инициации* может проявляться в *испытании* героя, результатом которого является получение волшебного помощника, чудесного предмета или совета. Также очевидно влияние мотива *инициации* на сказки о детях в плену у людоеда и о спасении детей из плена. Вторым мотивом, безусловно отражающим контакт героя со сверхъестественным существом, является мотив *драконоборчества*. Заметим, что данный мотив требует героя вполне определенного типа, богатыря. Наконец, мотив *свадебных запретов и испытаний*, безусловно, имеющий обрядовые параллели, послужил основой для мотива *свадебных задач*, особенно в сказках, повествующих о браке с чудесной, сверхъестественной женой.

Эти мотивы подверглись в волшебной сказке существенному переосмыслению. Так, мотив инициации, в зависимости от типа героя, может принимать вид *попадание во власть демонического существа* (дети и сироты в плену у лесного демона, ведьмы, людоеда) и *спасение от демонического существа* собственными усилиями с помощью хитрости, магии, знания обрядов и т.п. Однако мотивы *попадание во власть демонического существа* и *спасение* могут отражать ситуацию похищения: например, царевна похищена змеем (драконом), а герой-богатырь ее спасает. В последнем случае мы, очевидно, имеем комплекс представлений, связанных с *драконоборчеством*. Представления о *брачных запретах* и *свадебных испытаниях* отразились не только в мотиве *трудных задач*, но и в мотивах *женитба на чудесной супруге* и *бегство* и *возвращение чудесной супруги* (наиболее известная сказка данного типа – «Царевна-Лягушка»).

Как мы видим, в зависимости от того, какие именно типы персонажей действуют в сказочном повествовании, существенно меняется и сам вид контакта со сверхъестественным существом.

3. ТИПЫ ПЕРСОНАЖЕЙ

Рассмотрим подробнее, какие именно персонажи могут вступать в подобный контакт, и как меняется сам вид контакта в зависимости от вида деятелей.

Как правило, героями волшебной сказки являются либо дети, либо молодые люди брачного возраста (чаще не состоящие в браке). Особую, самую малочисленную, группу героев составляют старики, живущие отдельно от детей или бездетные. Сверхъестественные существа, с которыми взаимодействуют герои, также могут быть разделены на группы в зависимости от их отношения к герою (см., в частности, (Мелетинский и др. 2001). Выделим два основных типа сверхъестественных персонажей:

Враждебные по отношению к герою;

Испытатели (нейтральные или враждебные) и дружественные (например, состоящие в родстве с героем). В этот же тип входят и *чудесные брачные партнеры.*

Сверхъестественные существа, настроенные враждебно по отношению к герою сказки, как правило, выполняют роль вредителя. Со структурной точки зрения этот случай имеет смысл отличать от случаев *невольного* и *враждебного дарителя*. Последние, вне зависимости от демонстрируемого враждебного отношения к герою сказки, снабжают его необходимым волшебным средством или указывают путь к цели поисков героя. В подобном случае попытки такого сверхъестественного существа причинить вред герою являются, как указывают (Пропп 1998) и (Мелетинский и др. 2001) лишь разновидностью *испытания*. Точно так же и дружественные герою *чудесные невесты* также подвергают героя испытаниям.

Контакт героя с враждебным сверхъестественным существом – это всегда противостояние, из которого герой волшебной сказки по законам жанра выходит победителем. Такое противостояние является кульминационным моментом в сказках. В зависимости от типа героя противостояние может принимать вид открытой борьбы (герой богатырского типа, мотив *драконоборчества*, тесно связанный с мотивами *бой – победа*), победы над враждебным сверхъестественным существом с помощью хитрости или магии (слабый герой, мотив *попадание во власть демонического существа*) или испытания (любой тип героя, мотивы *инициации* и *свадебных испытаний* а также мотив *получение чудесных предметов*). Одинокие старики, как правило, имеют дело с дружественно настроенным *дарителем* (например, чудесные животные, мужья дочерей, Солнце, Месяц и Ветер и т.п.), результатом чего является *получение чудесных предметов*.

В таблице 1 приводятся рассмотренные выше зависимости вида контакта между человеком – героем сказки – и сверхъестественным существом в зависимости от вида деятелей.

Отношение к герою	**Тип героя**	**Сверхъестест-венное существо**	**Мотивы**	**Происхождение мотива**
Враждебное	Дети, сироты	Лесной демон, ведьма, людоед	Попадание во власть демонического существа, спасение с помощью хитрости, магии, знания обрядов или бегство	Инициация
Враждебное	Богатырь	Змей (дракон)	Попадание во власть демонического существа, спасение с помощью силы (бой – победа). Иногда для обеспечения победы применяется также	Драконоборчество

Отношение к герою	Тип героя	Сверхъестест-венное существо	Мотивы	Происхождение мотива
			хитрость или магия	
Испытатель	Богатырь	Ведьма; старики и старухи, встреченные в пути; «умельцы»	Получение чудесного предмета и/или совета, получение чудесного помощника	Инициация
Испытатель	Богатырь	Чудесная невеста/жена	Получение чудесного помощника (реже – предмета); свадебные задачи; свадьба	Свадебные обряды, брачные запреты
Даритель (дружественный)	Старик	Животное, Солнце, Ветер и т.п. в качестве зятя	Получение чудесного предмета; нарушение запрета	Брачные обычаи, добывание чудесных предметов

Таблица 1. Виды контакта между человеком и сверхъестественным существом.

Практически для любого вида контакта человека и сверхъестественного существа одним из важнейших требований, необходимых для того, чтобы этот контакт был благоприятным для человека (или по крайней мере не окончился негативно), является знание и выполнение определенных требований. Эти требования варьируются от достаточно простых и этически окрашенных (проявление вежливости к встречным, трудолюбие, доброта и т.п., см. (Мелетинский и др. 2001)), до сложных, отражающих определенные обряды и обычаи (соблюдение определенных запретов, использование оберегов, магических предметов и т.п.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные выше закономерности, конечно, не отражают всего многообразия возможных контактов между человеком и сверхъестественными существами в волшебной сказке. В то же время данная работа позволяет выделить те необходимые параметры, которые могут послужить основой уже для компьютерного анализа подобных контактов. Как представляется, алгоритм компьютерного анализа сказочных текстов может быть таким:

1) Выделение наименований сверхъестественных персонажей (полуавтоматический режим с последующей правкой).
2) Составление словаря контекстов, в которых встречается каждый упомянутый персонаж (автоматический режим).
3) Определение типа сверхъестественного существа (ручной анализ).
4) Определение типов действий, в которых участвует данное сверхъестественное существо (ручной анализ; возможна частичная автоматизация).
5) Определение условий, в которых происходит контакт (ручной анализ; автоматическая обработка возможна только на некоторых этапах).

Подобный алгоритм полуавтоматического анализа сказочного сюжета уже используется автором для обработки фольклорного указателя в системе СКАЗКА (Рафаева 1998). Предполагается в дальнейшем использовать этот опыт и для решения более сложной задачи – обработки непосредственно записей фольклорных текстов.

REFERENCES

1. Levi-Strauss (1969 – 1971) Mythologiques. Paris: Vol. I – IV.
2. www.ruthenia.ru/folklore

3. Мелетинский (1994). О литературных архетипах. Москва.

4. Мелетинский и др. (2001). Структура волшебной сказки. Москва.

5. Новик (1975). Система персонажей русской волшебной сказки. *Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В.Я. Проппа*. Москва: "Наука". С. 214 – 246.

6. Пропп (1998). Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. Москва: «Лабиринт».

7. Рафаева (1998) Полуавтоматический анализ волшебных сказок в компьютерной системе СКАЗКА. *Труды международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям: В 2 т.* Казань: Т. 2. С.701 – 706.

THE CONTACT BETWEEN HUMAN BEING AND SUPERNATURAL CREATURES IN FAIRY TALES [27]

Anna Rafaeva [28]

ABSTRACT

The aim of the paper is to discuss types of the contact between human being and supernatural creatures in fairy tales. The rules of the contact and the possible types of it are also under consideration. The structural analysis of folktales using Propp's functions and the analysis of motif structure are used. Different types human being and supernatural creatures involved into contact are discussed. Finally, description of possibilities for computer analysis of folktales concludes the paper.

KEYWORDS

supernatural creatures, fairy tale, Propp's functions, motif structure

[27] © Anna Rafaeva, 2004

[28] Russian State University for the Humanities, Institute of the Highest Humanity Researches, anna_raf@mtu-net.ru, anna_raf@rambler.ru

UNDERSTANDING METAPHORICAL STATEMENTS [29]

Alexander Repeko [30]

ABSTRACT

In order to categorise the statements as particular type (literal, metaphorical, idiom, …) we need a definite criterion. As one possible solution to this problem it is suggested to take logical criterion based on the obvious contradiction to the third axiom of logic (the law of excluded middle). In the paper described two experiments conducted in order to check the proposed criterion as well as is check cognitive economy of metaphors and the possibility that metaphors could use different psychological mechanism required for their understanding.

KEYWORDS

figurative language, metaphor, theory of metaphor.

1. INTRODUCTION

If we would accept the idea that speech could be divided into literal and figurative we will divide linguistic behaviour into two different types with two different underlying cognitive mechanisms. In this case we will face two main problems. First problem will be to describe these two mechanisms. Second problem will be to find a rule that helps us to choose a particular mechanism for language processing in a given situation. Within a number of different figurative language phenomenon we will concentrate first of all on metaphors. Thus the second problem would be considered as a problem of a criterion of metaphoricity. Such a criterion should help a person to decide whether she/he deals with a metaphorical or literal proposition. In other words, we have to explain how a human being in her/his psychological reality could differentiate linguistic expressions.

Different answers for the first problem are based on different underlying models. Very roughly we could classify the majority of theories of metaphor into three big groups. The first group includes theories that see metaphor as a comparison (e.g., Томашевский, 1998; Виноградов, 1976).

Second group includes theories that see metaphor as certain violation of rules that guide use of language (e.g., Searle; 1979, Grice, 1975). I would refer to this group as a group of pragmatic theories. In this case we use words to convey sense that is different from the words' sense, i.e. contrary to the literal proposition metaphorical meaning is different from the words' meaning. If we will find a set of rules that guide our language practice then metaphor could be explained as violation of certain rule(s) (see Grice, 1975).

The third group includes theories that sees in metaphor first of all semantic phenomenon, i.e. explains it as a proposition that violates semantic structures of language. Such solution allows to ignore non-linguistic (e.g., pragmatic) factors and to explain metaphor only within semantic structure of a word. Usually theories of that type explain metaphor as the transfer of a certain features (but not defining as in a formal statement) of a concept for which a word stands for (Ortony, 1979; Арутюнова, 1979; Lakoff&Johnson, 1980). I would refer to this group as to semantic theories of metaphor.

Notwithstanding the fact that we have different solution for the underlying model of metaphor the criterion which breaks linguistic construction on metaphorical and literal sentences in the most cases is logical and looks like (1):

---

[29] © Alexander Repeko, 2004

[30] Belarusan State University, Department of Philosophy and Social Sciences, repeko@rocketmail.com

We take as a metaphor an expression
that is obviously false or meaningless. (1)

Slightly different version of this criterion we could find in different works (Arutunova, 1979; Vinogradov, 1976; Searle, 1979, etc.). When taking literally a metaphor in the majority of cases is really a false statement and this fact serves us as the only evidence for such a criterion. However, there are several difficulties with such a criterion. We could easily see that proposition "*John is a jackal*" is obviously false. That is why in accordance with (1) we could treat such proposition as a metaphor. However, equally easy we could see that propositions such as "*The Earth is flat*", "*The Sun is a small object*" are also obviously false. At the same time they are not metaphors although (1) permits us to consider them as metaphors. The main problem with the criterion (1) is that it requires to consider as a metaphor any false statement. Otherwise we have to add extra rule(s) that would filter out "good" false expressions (potential metaphors) from "bad" false expressions (simply false statements).

Thus the rule (1) gives us rather necessary condition than a criterion (necessary and sufficient condition), i.e. a metaphor is false when taken literally but this very fact is not sufficient for consideration an expression to be a metaphor. I think that such criterion should be extended.

2. CRITERION FOR METAPHOR

Let us consider the following construction:

All birds have wings.
Dove is a bird. (2)
∴*Dove has wings.*

If we agree with all the premises and with the process of reasoning we should accept the conclusion.

Now let us change the initial construction in the following way:

All birds have wings. (3)
My soul is a bird flying in the sky
∴*My soul has wings.*

Now the conclusion seems to be wrong, even if we would accept the premises. What has happened with the example? We changed one of the propositions for a metaphor. If we would follow comparison theories of metaphor we will face real difficulties to explain why the conclusion in (3) is wrong, since we have to accept that valid comparison should be true or at least meaningful.

If we would follow semantic theories we could reject the conclusion in (3) arguing that "wings" was not among the features mapped by the metaphor. But then one sould explain what features was mapped and how the soul can fly as stated in (3) and why I could not say something like "on the wings of my soul".

If we accept one of the pragmatic theories of metaphor then we have to change metaphorical premises in (3) for another proposition that conveys [true] metaphorical meaning and then to see if any conclusion is possible. In this case we will come to a necessity to find true literal paraphrase of a metaphor.

In all three cases we will try to substitute metaphor for another proposition that will convey “true” metaphorical meaning. However there is another possibility for which I will ague for. It is possible to suggest that metaphorical expressions are not subjected to formal logic (i.e., contradict to one or several axioms of formal logic).

First of all it will solve the puzzle (3). In (3) we could draw no conclusion since metaphor is not a statement about general terms.

Also the property of metaphor not to subjected to formal logic rather than its obvious falsehood could be taken as the criterion for metaphoricity. In the simplest form we could think about criterion for metaphor as about the rule that could show that an expression in question does not belong to the set of expressions subjected to formal logic. As such a rule we could formulate a criterion based on obvious violation of the third axiom of formal logic (the law of excluded middle):

If the proposition conveyed by linguistic expression is obviously false, but it is said (or it is evident from the context) that it is true, we have a sign that we deal with a metaphor. (4)

The criterion (4) could be considered as necessary and sufficient criterion for metaphor. In other words, when we say, "John is a jackal," we mean just what we say, i.e., that John is a jackal and we will insist that John is a jackal notwithstanding the fact that the proposition is false. It means that we will not agree that we are wrong that John is a jackal, while knowing perfectly well that this is a false statement. Such a criterion tells us that if we give some cue that plainly wrong or meaningless expression is true it could be taken as a metaphor. Similarly metaphor could be considered as ordinary false propositions if it would be said that they have to be considered within formal logic.

If we will accept the criterion (4) and the idea that metaphors are not subjected to formal logic we will face the problem to explain the mechanism of a metaphor. I am arguing that

by literal language one could express only general properties, while with the help of metaphorical statements one could express and understand individual properties.

This property of literal language is based on logic rules we use that are formalized in formal logic. If metaphor are not subjected to formal logic it means in case of metaphors we should use other rules to understand them or different cognitive mechanism. I argue that

metaphorical statement refers to an image instead of a schema, it is cognitively less economical, then ordinary statement. The way one constructs metaphors and verifies them is, generally, more complex and time consuming than the way one constructs and verifies statement based on the schemata.

It was done several experiments in order to check the hypothesis made

3. EXPERIMENT 1

The idea of the experiment is check how the perception of metaphors changes under different conditions. According to the line of reasoning the explicit order to use the rules of formal logic should prevent to perceive metaphors as true statements. However, if the circumstances change (e.g., there is no necessity to use logical rules) metaphors could be considered as the statements telling the truth being actually false. It is assumed that in most situations people should not judge metaphors as false statements, i.e., they should differentiate between false statements and metaphors.

We expect also that explicit instruction to use, for example, mental imagery or logic rules should change the perception of metaphors. The instruction to use logical rules would result in the increased perception of metaphors as false statements, whereas the instruction to use mental imagery would result in the increased perception of metaphors as true statements.

To check these predictions the following experiment was done.

Method

Participants

The participants were 90 students from Belarusan State Pedagogical University, Polytechnic Academy and Belarusan State University of Informatics and Padioelectronics: 45 males and 45 females. The age of participants vary from 17 to 31. They took part in the experiment as volunteers.

Materials

A list of 60 sentences was prepared for the experiment. The sentences in the list were of 3 types. Twenty sentences were obviously false (e.g., "*The Earth is flat*", "*A triangle has four angles*"), twenty sentences were true (e.g., "*A triangle has three angles*"), and the last twenty were metaphors taken from poetic and scientific literature. Several random sequences of chosen sentences were prepared

Three types of instruction were also prepared. One instruction was neutral and told the subjects that their task is to determine whether each of the sentences in the list is true or false. The second instruction stated explicitly that to solve the task it is necessary to use formal logic. The third instruction contained the order to use mental imagery when evaluating sentences as true or false.

Procedure

The subjects were divided into three groups (15 males and 15 females). Each group received a booklet of 4 pages with one of the instructions on the first page. The last three pages contained the list of sentences. Near each sentence the words "YES" and "NO" were printed, and the subjects were to circle the answer they choose.

The participants were tested individually or in small groups. They were given unlimited time to complete the task. It took approximately 10 minutes to do it.

Results and discussion

For the statistical analysis the number of positive answers (the answer "YES") was taken. Positive answers for three different types of instruction and three different kinds of statements were counted.

The data of two subjects were excluded from the analysis because of possible unreliability: too many positive answers to the obviously false statements.

Two-way ANOVA was performed with the obtained data where one factor was the instruction's type and the other factor was the kind of sentence. For the data analysis STATISTICA 5.5 for Windows was used.

The main effect of the variable *kind of sentence* (see Fig.1) appeared to be statistically significant ($F(2,255)=1446,25$; $p<0,0001$).

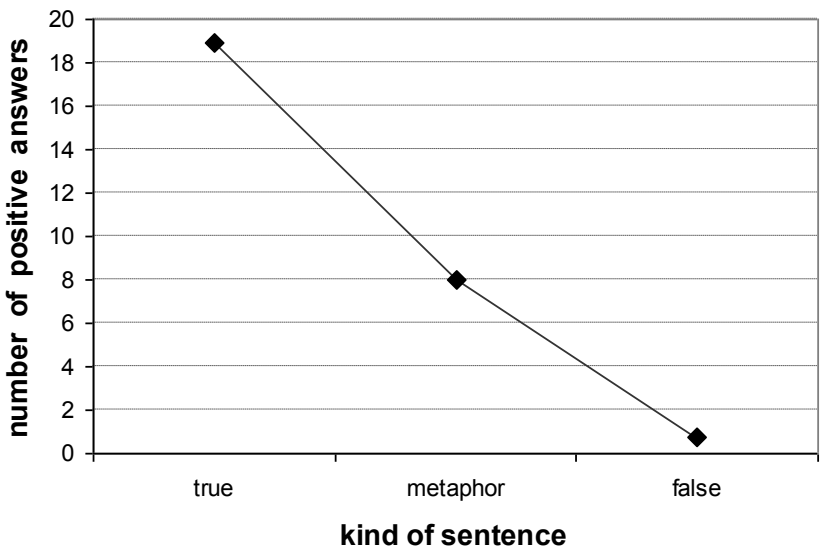


Fig. 1. Main effect of kind of sentence on the number of positive answers.

Tukey HSD Post Hoc test showed that there is also statistically significant difference between the perception of metaphors and true sentences as correct ones (p<0,0001) as well as between the perception of metaphors and false sentences (p<0,0001). It is evident from the data that unlike the other statements metaphors could be seen as true or false depending on the subject's attitude or experience. The qualitative analysis of the data showed that one and the same metaphor was considered as true by one participant but appeared to be false for another participant.

The interaction between the type of instruction (formal logic vs. mental imagery) and kind of sentences (true sentences or metaphors) appeared to be statistically significant (F(1,112)=4,82; p<0,03). The result of interaction could be found on the Fig.2.

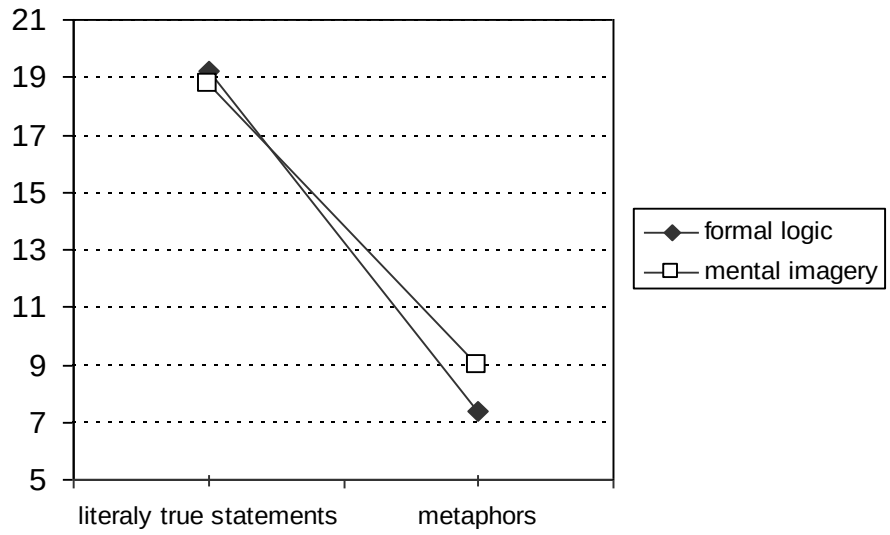


Fig.2. Interaction between the type of instruction and kind of statements: mean number of positive answers for metaphors and literally true statements in two different conditions (to use formal logic and to use mental imagery)

It could be noted that the changes in the instruction did not influence the number of literally true statements perceived as true (Duncan Post Hoc test, p=0,51), but significantly changed the number of metaphorical statements perceived as true (Duncan Post Hoc test, p<0,02).

The requirement to use formal logic reduced the number of metaphors that could be counted as correct statements but not statically significant.

4. EXPERIMENT 2

In this experiment it was decided to measure reaction time in order to see whether metaphors are really cognitively more expensive as well as to check the results of previous experiment done with the use of “paper and pen” technology.

Method

Participants

The participants were *25* students from Belarusan State Technical University: 15 males and 10 females. They took part in the experiment as volunteers.

Materials

The same set of metaphors as in previous experiment.

Procedure

The experiment was written on SuperLab program. At first participant was instructed how to use computer keyboard and then he/she read the instruction on the screen. There were tree

types of instruction (the same as in previous experiment). At the beginning of any trial it was displayed the small black square in the middle of the screen. Then the expression (metaphor, true or false statement) was shown on the screen. Subjects were to judge whether the expression is true or not. The reaction time was measured. It was also recorded the number of “yes” and “no” answers on different types of expressions. In that experiment we use only two types of instructions – logic and metaphor. Subjects were randomly selected to one of these groups.

Results and discussion

Data was processed on STATISTICA 5.5. program.

While analyzing the number of “yes” answers (expression was regarded as true) The main effect of the variable *kind of sentence* (see Fig.3) appeared to be statistically significant. The results got replicates the data from previous experiment (Fig 1) and allows us to think that the use of computers do not changed people’s way of thinking.

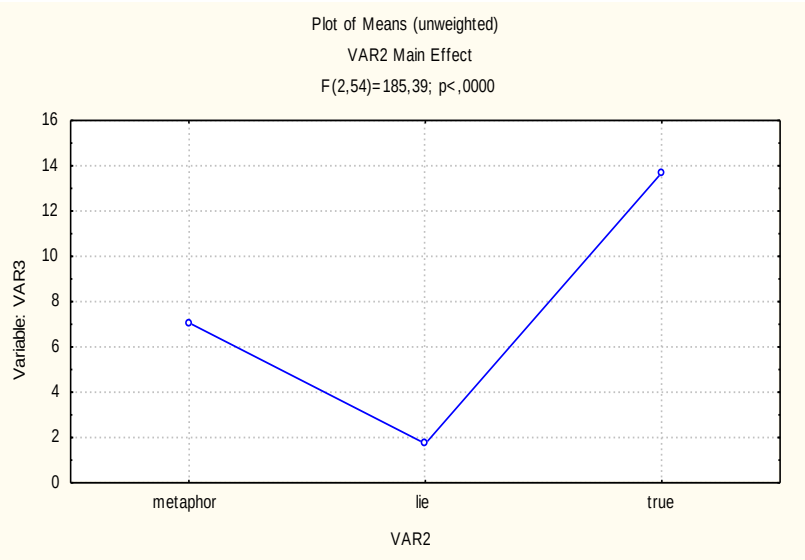


Figure 3. Main effect by the type of expression on the number of positive answers

The main effect of the variable *kind of instruction* (see Fig.4) appeared to be statistically significant.

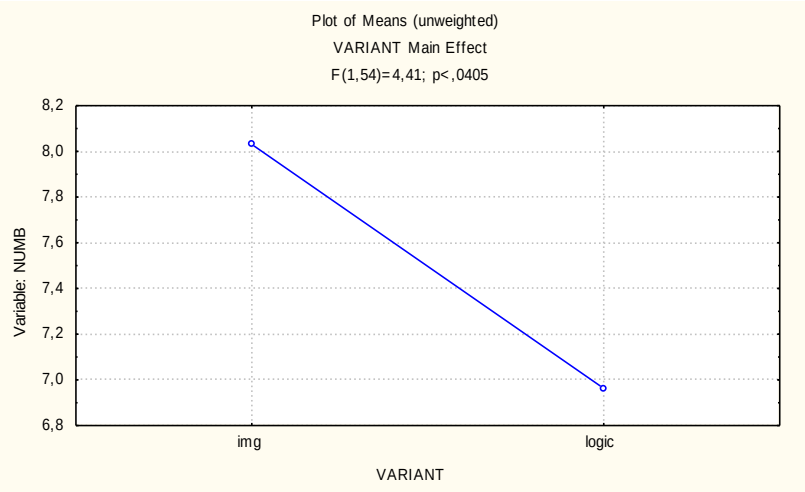


Figure 4. Main effect by the kind of instruction.

If we will check the influence of the type of instruction on the number of expression interpreted as true expression we will see (Fig. 5) that:

a) there was a significant increase of number of metaphors interpreted as true (Duncan Post Hoc test, p<0,01;

b) tere was a significant decrease of number of true statements interpreted as true (Duncan Post Hoc test, p=0,032);

c) there is a tendency to increase the number of false statements interpreted as true.

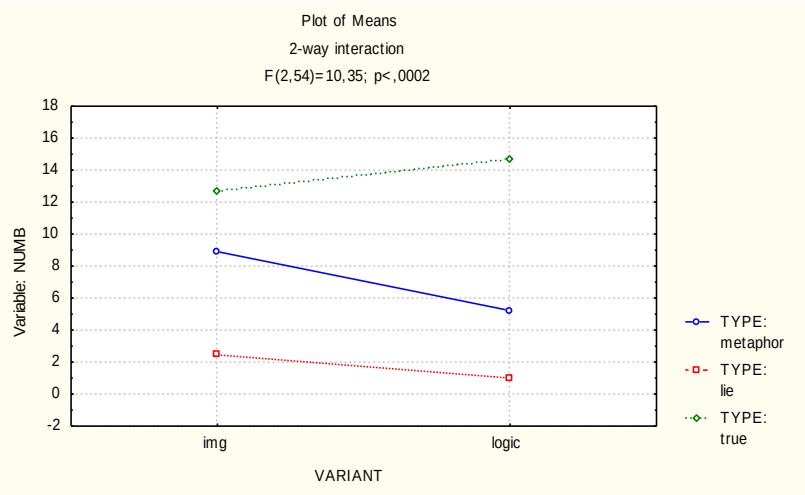


Figure 5. Interaction between the type of instruction and kind of statements: mean number of positive answers for metaphors, false and literally true statements in two different conditions (to use formal logic and to use mental imagery)

In that part we got the same results as in previous experiment and we could interpret them in support of our hypotheses that metaphors and literal statements are really based on different underlying mechanisms.

While analyzing reaction time the main effect of the variable type of expression was found (Fig 6.).

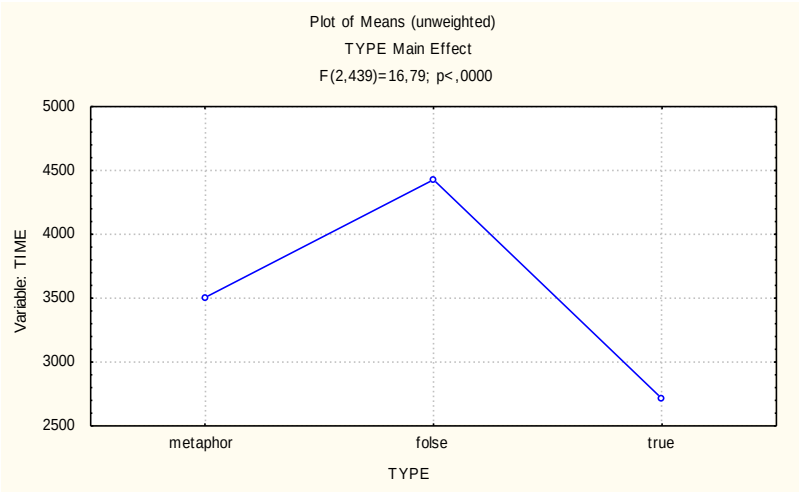


Figure 6. Main effect by the type of expression: mean reaction time to judge an expression as true.

From the data we see that metaphors are in the middle between true and false statements. Significant difference between true and metaphorical statements supports the idea that metaphors are cognitively more expensive since they require more time to be regarded as true.

The graph of interaction is shown on the Fig. 7.

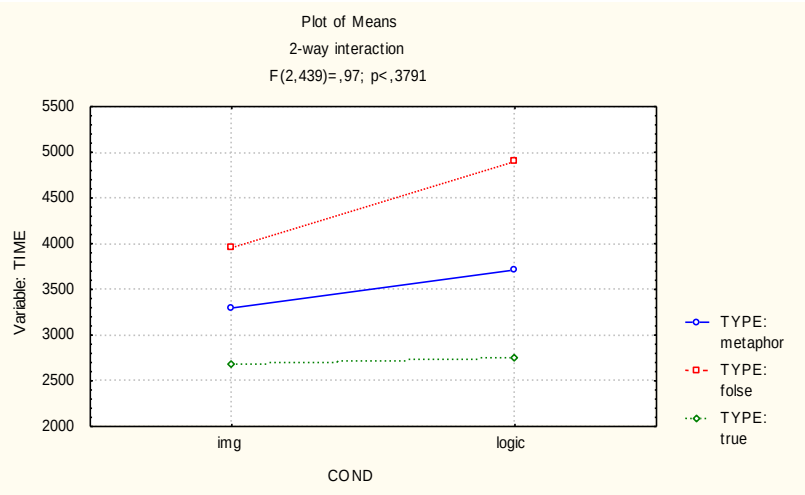


Figure 7. Interaction between the type of instruction and kind of statements: mean reaction time of positive answers for metaphors, false and literally true statements in two different conditions (to use formal logic and to use mental imagery)

Under *logic condition* the difference between all types is statistically significant (Duncan Post Hoc test) while under image condition no significant difference was found.

From the results got we could conclude that people in neutral situation really treat metaphors as neither true nor false statements (Fig. 1, 3). This results supports the suggested criterion (4). We also see that the type of expression could change both number of sentences interpreted as true and the time needed to come to this conclusion. This findings supports the idea that we use two different mechanism to process metaphors and literal language and that is why metaphors could not be used in seasonings as showed by puzzle (3).

5. CONCLUSION

From the results of the experiments it is evident that in normal situation people do not judge metaphors as neither true nor false statements. Explicit instruction to use formal logic or mental imagery changes the perception of metaphors. They are perceived as truths more often under the condition to use mental imagery then under the condition to use formal logic rules, i.e., we obtained the predicted results. This shows us that the suggested criterion could be considered as possible solution to the problem of differentiation between figurative and non-figurative speech.

REFERENCES

1. Арутюнова Н.Д. (1979) Языковая метафора// *Лингвистика и поэтика*. М. Наука

2. Виноградов В.В. (1976) *Поэтика русской литературы*. М.

3. Томашевский Б.В. (1998) *Поэтика. Краткий курс*. М. Совпадение.

4. Grice, H.P. (1975) Logic and Conversation. In: Martinich A.P. (Ed.) *The Philosophy of Language*, Oxford University Press. New York, Oxford.

5. Lakoff, G., Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. The Univ. Of Chicago Press. Chicago and London.

6. Ortony, A. (1979) The Role of Similarity in Similes and Metaphors. In A. Ortony (Ed.) *Metaphor and Thought*, 2nd Edition, Cambridge University Press, pp. 342-356.

7. Searle, John R. (1979) Metaphor. In A. Ortony (Ed.) *Metaphor and Thought*, 2nd Edition, Cambridge University Press 1993.

AGE-SPECIFIC PHONETICS AND VERBAL MEMORY IN FEIGENBAUM AND POMEAU-MANNEVILLE SCENARIO [31]

Oleg Skljarov [32]

ABSTRACT

In the present paper the mechanism of speech rhythms is offered on the basis of dynamic properties of the Feigenbaum's scenario for route of speech V-rhythm to chaos. This script is the part of the V-rhythms' scenario in dependence on some control parameter. The biological sense of control parameter is "inhibition" in the link of hierarchical control chain that responsible for a concrete fragment of the scenario. In the range of scenario that is responsible for development of V-rhythms (Feigenbaum's scenario) in environment the control parameter is inhibition, rendered on the cortex from striapallidum complex. In the range of the scenario that is responsible for memory (remembrance) (Pomeau-Manneville's scenario) control parameter is inhibition, rendered on cortex from hippocampus and reticular formation. The V-rhythms' development theory offered by us earlier, and model of inhibition in a neuron network for brain and hippocampus offered by Yakhno, and theory of crises, sudden changes in chaotic attractors offered by Grebogy et al., have allowed us to explain some experimental phenomena connecting with both development of speech in child at the environmental nonequilibrium conditions and memory.

KEYWORDS

nonequilibrium, rhythm, speech, age-specific phonetics, stuttering, memory, Pomeau-Manneville scenario

INTRODUCTION

The physics of complex systems demonstrates, that stable position for such systems is the rhythm. The further system has its position from position of equilibrium, the its rhythm is more complex, generally speaking. All the biological systems are non-equilibrium systems due to their nature, therefore in application to an alive organism the formulated above thesis will sound so: than further biological organism has its position from the homeostatic state, the its stable existence rhythm is more complex. Typical circumstance for such dynamic behaviour is the existence of the whole panel or scenario of possible dynamic regimes, from static (homeostatic) states and rhythms - oscillations up to states with an irregular, chaotic rhythm. This or that regime is implemented in dependence on magnitude of control parameter having various physiological sense in various situations: from magnitude of electric field (Matsumoto (1984)), stimulating neuron membrane, up to magnitude of a dose this or that pharmacological preparation introduced in a nervous tissue (for example, at the investigation of an epilepsy (Kaczmarek and Babloyantz (1977))).

All the tale above concerns in a peer measure to both speech production system of the human and a vocalic rhythm (V-rhythm) in speech. We shall term the regular or irregular alternating of vocalic segments' durations in speech as V-rhythm. The epochs, when the voice folds are in an oscillating state, are the physiological analogues of such segments. Durations of the samples of continuity in an intonational contour, which is dependence of fundamental frequence on time, are the acoustical analogies of such segments.

Pattern of such durations (V-rhythm) reflects complex dynamics of interdependent elements amounting a speech production system as at a level a CNS and at a level of her periphery. The such patterns' evolution reflects evolution of speech development as in an ontogenesis, so,

---

[31] © Oleg Skljarov, 2004

[32] St.Petersburg Research Institute of ear, throat, nose and speech, Speech Department, skljarov@admiral.ru

probably, and in phylogenesis, and deflection of these patterns from norm testifies to presence of any pathological processes which were flowing in the past time or in the present time in a system.

It has appeared, that the laws of V-rhythm, which were discovered by us during the investigation of fluency disorders in stammering speech, allow to understand the basic laws of phonetics of speech development, beginning from the first vagituses (and even earlier) up to a becoming of fluency speech. This circumstance was not by unexpectedness for us, though it has served as additional confirmation of a truth of our representations on a V-rhythm. But that circumstance, that some singularities of rhythm disorders at the stammering speech have allowed to spill light on structure and dynamics of memory, anyway, on its verbal component, was by pleasant unexpectedness for us, as despite of an abundance of the literary data, we did not have clearness in a problem on memory or remembrance.

SCENARIO OF SPEECH V-RHYTHMS

One of results of relative examination of speech rhythm in norm and at a stammering demonstrated by us in a cycle of papers of last decade was the rigidly established fact, that the stammering takes place in range of critical point of change of rhythm character (Skljarov (1998-2003)). Really, numerous experimental examinations and, in particular, the estimations of a K - entropy of the experimentally measured rhythms have shown, that the rhythm of normal speech is irregular (is chaotic with a limited positive K - entropy), and the rhythm of stuttering speech consists of two components. The rhythm of fluent samples in speech is an irregular rhythm, and the rhythm of fluency disorders is a regular rhythm.

Thus, it has appeared that we deal not with one rhythm but, generally speaking, with the whole panel or scenario of rhythms. Numerous experimental and theoretical results (Skljarov (1998-2003)) have allowed us to accept the sequences of both the stable equilibrium positions and unstable equilibrium positions of square-law mapping of logistic type with changeable control parameter:

$$T_{n+1}=rT_n(1-T_n); \quad n=1,2,\ldots \tag{1}$$

as the scenario of rhythms. Here T_n - reduced to a unit segment durations of n-th segments in V-rhythm, and r - control parameter. As it is well known, such map generates a set of rhythms becoming more complicated in accordance with the increasing of control parameter. At the critical value of control parameter r_∞=3, 57 these rhythms have been converted in irregular, chaotic rhythms (see fig. 1). The part of scenario describing the route of bifurcations' cascade to chaos is termed as the Feigenbaum's scenario.

We correlated zone of chaos in this scenario to a rhythm of normal speech. We considered also, that the left-hand border between bifurcations of peroid 2 and chaos is the cause of a stammering. Even these representations and singularities in a neighbourhood of critical point in Feigenbaum's scenario (we mean two wings of chaos zone, as it has appeared, the upper wing is responsible for synharmonic rhythms, and the lower wing is responsible for syllabic rhythms) have appeared sufficient for the first time both to explain many singularities of a speech rhythm at a stammering and to plan scientifically the pathes of its correction (Skljarov and Skljarova (2003)). The form of the stammering which has obtained explanation on this part of the scenario, is termed in St. Petersburg as a stammering of development, in Moscow - as transient stammering, and in West - as cluttering. This form is characterized by fluency disorders in form of repetitions of tonic, clonic or mixed type, which are well treated by oscillations on bifurcations with period 2. There is this form, as a rule, in children. These fluency disorders take place, as a rule, in the beginning of a word.

However many problems concerning the nature of control parameter r in this scenario had been remained without the answer. Two directions of research have allowed to find out its sense. The first direction is research of age phonetics. The huge contribution to development of this important direction was made by E.N. Vinarskaya (Vinarskaya and Bogomazov (1991)).

If to consider in Feigenbaum's scenario not only neighbourhood of critical point, but all evolution of rhythms, from elementary up to composite rhythms transferring in chaos, then the pattern of phonetics ontogenesis is gained. This pattern is well correlating with a pattern of phonetics becoming in the child (Vinarskaya and Bogomazov (1991)). Within the framework of such comparison N.S. Trubetskoy's phonetic oppositions and their development in children's speech find their explanation (Trubetskoy (1960)). Moreover, Feigenbaum's scale law amazingly precisely describes temporal frameworks of the complication for Trubetskoy's oppositions in phonetics of the child. And, maybe, most important is that the correlation of Feigenbaum's scenario with children's phonetics allows to open physiological hierarchy of the neural structures of brain stem, brain subcortex and cortex systems, and to connect their cross influence against each other with sense of control parameter in this scenario.

Really, reviewing a problem with such viewpoint, it's becoming clear, why the birth of the child (first bifurcation) is accompanied by cry. We here shall describe an ontogenesis of phonetics only in general with the purpose to show work capacity of the offered V-rhythm model. Homeostatic prenatal state of the nervous system of the child does not ensure appearances of phonetic opposition, or two states, between which the primary rhythm of the child could be implemented phonetically. This primary rhythm appearing with the first inspiration of the child, represents alternating epochs of "cries" described by short voice durations intermitted by short noise samples, and epochs of so-called "bubbling", described by rather long voice samples. This primary rhythm occurs at sharp child passage from a prenatal homeostasis into nonequilibrium environment at the event of birth, what is accompanied by appearance of a rhythm. Here it is necessary to be amazed to the Trubetskoy's genius, who can imagine speech process not as process in time, but as nonequilibrium (but stable) state of a nonequilibrium system. This state is a state of a rhythm, which is implemented as a result of coexistence of two stable states, i.e. the oppositions, between which there are transitions unfolded in time as a rhythm. In essence, Trubetskoy became aware of, in some measure, existence of elements of Feigenbaum's scenario.

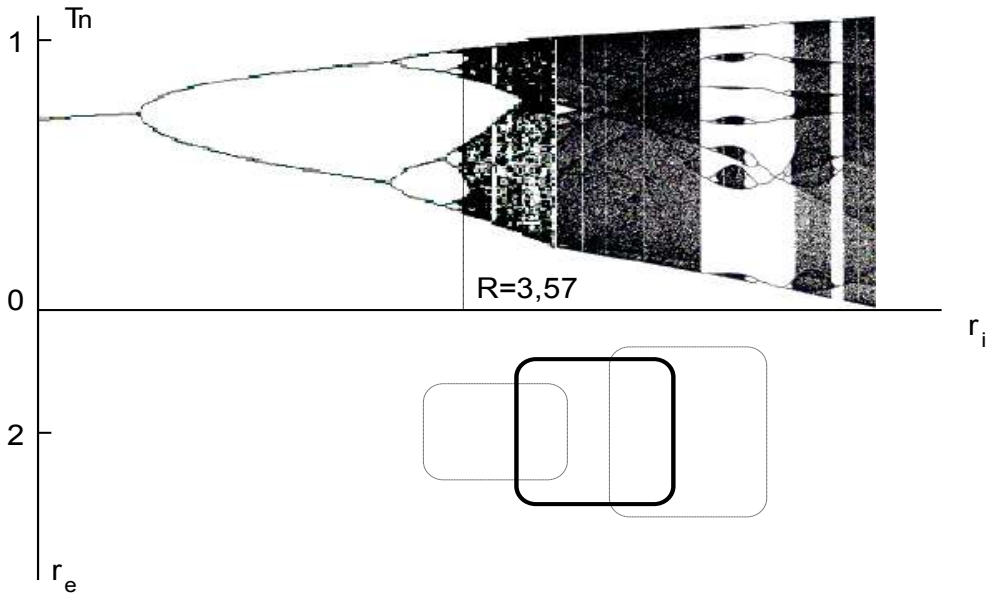


Fig. 1. [33]

[33] Above - Feigenbaum's scenario of V-rhythms' route to chaos through cascade of bifurcations with period 2 is submitted. On abscissa axis control parameter r_T (activity of "inhibition" in the neuronic system generating V-rhythm - more detals see the text) is postponed; on axis of ordinates normalized and possible in theory V-rhythm durations are postponed. Control parameter R=3,57 corresponds to the critical point of route of bifurcations of period 2 into the determined chaos. On the right in zone of chaos the rather extensive lacuna is visible, in which again there are bifurcations, but bifurcation of another nature. This part of the scenario is termed as Pomeau-Manneville's scenario of route to chaos. Below - in coordinates r_T (activity of "inhibition") and r_B (activity of "exaltation") the limit cycles are

We consider, that the following bifurcation corresponds to appearance of both major timbre "I" and minor timbre "U" from primary "A" corresponding to the first bifurcation. These oppositions are more complicated oppositions connected with more composite rhythms which have arisen as a result of the secondary bifurcation. Physiologically this rhythm complication associates with inhibition which appears from the direction of striatum on subcortical cores of pallidum ensuring existence of a primary rhythm. Further, all increasing influence of a cortex (and also of bilateral interactions) on brain stem and subcortical structures leads to the increasing rhythm complication which is leading dynamics of a rhythm into irregular range of rhythms' scenario describing mature speech processes. Here we should pay attention that the entrance in chaos goes on two stratification cavities (sinuses), or wings (see fig. 1). The upper wing evolved out of the bubbling phase, leads to languages with synharmonic (tone) rhythm (Chinese, Japanese etc.). In neurophysiology this tone wing is associated usually with a dextral hemisphere. The lower wing, evolved out of phase of cries, corresponds to languages with syllabic rhythm (practically all European languages).

Such rhythms are correlating to a dominant, usually left-hand brain hemisphere. It is evident (see fig. 1), that the rhythm of valid speech at the center of chaotic zone corresponds syllabic-synharmonic rhythms, which are ensured with interaction of both brain hemispheres.

The second direction of research which has permitted to spill light on a nature of control parameter is investigation of other form of a stammering (in St. Petersburg this form is termed as a chronic stuttering, in Moscow - neurotic stuttering, and in West - stuttering). This form cardinally differs from a stammering of development due to both its exhibitings and methods of correction. It is characteristic for stuttering teenagers and adults. Misfortune is in that these two forms (stuttering of development and neurotic stuttering) meet, as a rule, together in same stutterer, and the particular skill is required to differentiate them. The chronic stuttering in "pure" form shows itself frequently as phobia's silence (as the fear of patient to begin to speak at all) and as fluency disorders having perseveration nature. For example, at reading, stutterer enunciates phrase without disorders, but then there occurs a long-lived series of disorders when stutterer as if read to oneself some times just read phrase. Phonetically the speech at these moments is "snatchs of phrase which stutterer had been reading just now, and the scrappy pronouncing of this phrase descends with damping during several times in a cycle. The border between chaos and bifurcations in the left-hand part of the scenario could not explain such behavior. Other clinical observation concerning this form lie in the methods of correction. They were directly contrary to methods of correction of stammering of development (see, for example, (Kochergina (1969); Bloodstein (1995)). If at the stutter of development the inhibition of speech process is useful, at a neurotic stutter, vice-versa, speech process disinhibition is necessary, in other words, there is a need to take out the speech fear. This circumstance put insuperable difficulties in clinic of a stammering (Skljarov and Skljarova (2003)). Really, if in one group there are patients with the different forms, and if we apply the same procedure for all, we "treat one patients, and cripple others", figuratively. Moreover, these forms even in same stutterer, as a rule, symbiose together. That is why we should always have been on alert with any announcements about creation of universal method of correction appearing from time to time, as well as with some peripheral equipment completely eliminating a stammering (Bludov and Vorontsov (2002); Howell (2004)). The adaptable procedure changed from the patient to the patient is necessary and even with reference to one patient, the procedure varying in dependences on a stage of correction and a state of a V-rhythm of the patient is necessary (Skljarov and Skljarova (2003)). That is why problem of a stammering stands from ancient times. In new time in Russia the first papers with the recommendations on correction of a stammering have appeared

---

submitted, to which dynamics in a neuronic system, generating a V-rhythm, is attracted. Representative point $\{r_{\text{T}}\ ;\ r_{\text{B}}\}$ goes counter-clockwise in the course of time. Bold line marks a limit cycle for speech in norm; the dashed lines mark limit cycles for a stammering of development in children (at the left) and chronic (neurotic) stammering in the teenagers and adults (on the right).

in a by the begining of 19 century, in Pushkin's times (see, for example, (Laguzen (1838)). In these papers we discover basic components of the majority of modern methods of correcting of a stammering (see, for example, (Kiseleva (1966))). That is why it is obviously important as streaming observation of modifications of a V-rhythm of the patient during correction, and exact count of these modifications. Only under this understanding of deep processes of shaping of a V-rhythm it is possible to determine correctly tactics of correction of a stammering in each separate case.

So, we see that the stammering of development is connected with shortage of inhibition in neural system. Therefore it is clear, why stammering of development (if the parents and the logopedists not "have added" of a neurotic component to the child) passes by itself frequently in accordance with a maturing of neuronic structures. And on the contrary, the correction of a chronic or neurotic stammering demands back-action, disinhibition. Here nature any more does not promote the logopedist, here, instead, various pharmacological means, for example, various sort antidepressants will already be utillized, as a rule. For example, drugs providing inhibition operation, for example, aminazin, positively influences at taking out of the stammering of development and, vice-versa, aggravates a neurotic stammering (Kochergina (1969)).

Thus, accepting in reviewing the above-stated facts from phonetics of development, and also carrying out comparison of correctional measures at a stuttering of development and at a neurotic stuttering, we came to a deduction, that the role of control parameter in the scenario of rhythms of square-law map plays "inhibition" in the neuronal system responsible for this or that region in the indicated scenario of rhythms.

The model for inhibition together with excitation for neuronic formations such as brain cortex and hippocampus was offered in cycle of papers of V.I. Sbitnev and V.G. Yakhno, in which the diffusion of ranges of increased impulse activity in such neuron networks is researched. So, for example, A.V. Kudryashov and V.G. Yakhno researched dynamics of the mean numbers ρ_i and ρ_e of active («firing») filaments in the dendrites of both «inhibition» neurons and «excitation» neurons (Kudryashov, A.V., Yakhno (1978)). Dynamics of these activities in the neuronal formations like brain cortex and hippocampus proved to admit the existence of different dynamical modes, namely, triggering, waiting, and auto-oscillations mode, which are describing propagation of the domains of the increased activity. In auto-oscillations mode, Yakhno discovered existence of the waves of both inhibitory activity and excitatory activity with typical size in diapason 160-140 milliseconds. This diapason correlates rather well with diapason of the mean values of the elements in normal speech's rhythm obtained experimentally in our studies (Skljarov (1998-2003)).

Dynamics of both inhibition activity $r_i=\rho_i/P_i$ and excitation activity $r_e=\rho_e/P_e$ where $P_i \cong 10^{-7}$ mcm^{-3} and $P_e \cong 10^{-5}$ mcm^{-3} (see (Sbitnev (1977))) are densities of inhibitory neurons and excitatory neurons correspondingly was described rather well in mean field approximation (Cooke et al. (1996)) for equations of Hodgkin-Huxley's neuron activation (Hodgkin and Huxley (1952)) or for their simplified model - FitzHugh's equations (FitzHugh (1961)).

Solving FitzHugh's equations, dependence r_i of r_e may be represented with help of limit cycle shown in the bottom of Figure 1 for different situations. Let's treat the r_i as the inhibition level in the speech production system, and r_e – as the excitation level in this system accordingly. It is necessary to have in view that from region to region in scenario these specific neuron networks are different, for example, for rhythms of early phonations it, as we sow above, is stria-pallidum complex, for rhythms of mature speech, it, apparently, is cortex and hippocampus with their projections. Size and position of the limit cycle $\{r_i, r_e\}$ depend on the constants included in FitzHugh's equations (or in Sbitnev-Yakhno's equations). These constants characterize both mechanism of neuronal activation and internal input in system.

Turn out, that the right dashed limit cycle in a fig. 1 is possible to correlate with a neurotic stuttering. If to take into attention that representing point moves counter-clockwise on this limit

cycle, it becomes clear, why at the poor level of inhibition in system (stuttering of development) fluency disorders occur, as a rule, on a phase of increasing activity of a phonation (axis of ordinates in a fig. 1 below), that is in the start of a syllable, words or syntagma, and at an abundant level of inhibition in a system (neurotic stuttering) fluency disorders occur at the stage of the collapse of activity of phonation, that is at the end of the word, syntagma, as it is typical for perseverations, observed by us.

It is necessary to have in mind, that if Feigenbaum's scenario corresponding to phonetics of development and stuttering of development is featured successfully enough by analytical methods, it is not enough of analytical results in of range of a bifurcation lacuna (see fig. 1), despite of all simplicity of map (1). This range of V-rhythms' scenario is termed as Pomeau-Manneville's scenario of route to chaos (Pomeau and Manneville (1980)) and it is featured, in basic, with the help of computer calculations. The outcomes such advanced (along axis of inhibition) calculation were published in the form of scenario by the American psychiatrist E.L.Rossi (Rossi (1998)). The structure of "bifurcation" lacuna in Pomeau-Manneville's scenario differs from structure of bifurcations in the Feigenbaum's scenario rather sharply. As J.E. Hirsch et al. (Hirsch (1981)) have shown, for this lacuna the existence of regular cycles of period 3 is characteristic. Possibly, dynamic rhythm was implemented only if all three branches of this cycle were involved. If there will appear, that the dynamic diapason of phonation excitation near to chaos (to the right of it) is unsufficient for this purpose, the cycle is not implemented, and then there occurs silence, that we observed on experiment. Further, as numerical calculations show, on each branch in Pomeau-Manneville's scenario there is "bubble" in form of Feigenbaum's mini-scenario. Rossi termed these bubbles as "bubbles of consciousness" (Rossi (1998)). Thus, though there are premises for existence of phonetic Trubetskiy's oppositions, but these oppositions extremely weak-contrasting, as shows as muffled phonetic perseverations in speech of stutterers. Such speech can be interpreted as "convolute", or intrinsic speech in comprehension of A.R. Luriya (Luriya (1975)). Therefore we shall term "bubbles of consciousness " of Rossi "as capsules of convolute speech". Clinicians frequently associate a neurotic stuttering with a memory impairment, and the explorers of a neurotic stuttering correlate this form to interest of the hypothalamus-hypophysis-adrenal system (Shklovsky et al. (2000)).

The offered data, and also that fact, that the number of capsules of convolute speech in Pomeau-Manneville scenario is well correlated with volume of operative memory containing 7±2 elements, prompt to association between neuronic processes of the neurotic stuttering and mechanisms of memory.

Really, has appeared, that the results of some external actions on nervous system lead to similar results both with respect to verbal memory, and with respect to the neurotic stuttering. We already spoke about negative action of aminazin on speech of the patients with a neurotic stuttering. On the other hand, studies of N.N. Traugott have shown, that after action of aminazin both short-term memory and long-term memory are deteriorated (Traugott (1975)). She has shown, that the introduction of aminazin labilizes a forward hypothalamus, and on the contrary, leads to total depressing or inhibition labilizing influences from the direction of nonspecific systems of thalamus and reticular formation of a cerebral stem. We can assume, that such action of aminazin in case of a neurotic stuttering (see right dashed limit cycle in a fig. 1 on border between chaos and bifurcation lacuna in the Pomeau-Manneville's scenario) aggravates this form of a stuttering, down to appearance of perseverations arising due to phonetic exhibitings of convolute speech capsules in this scenario.

Other confirmation of our hypothesis about connection of a bifurcation lacuna in Pomeau-Manneville's scenario with processes which run in memory, is observations made by Traugott during insulinic hypoglycemias of a predominant left-hand hemisphere (Traugott (1975)). These observations testify that after a left-side seizure twice less words are recollected, than in a usual state. Really, at a view in a fig. 1 it becomes clear, that the lockout of the chaotic lower wing responsible for syllabic rhythm is usual associated with a dominant hemisphere, and approximately half of capsules with convolute speech in Pomeau-Manneville's scenario

disappear. The comparison of these seven capsules with shuttles whisking between two extensive chaotic subbands in a right part of figure (which it is possible to associate with a hippocampus which, for one's turn, is accociated with, in accordance with the conventional judgement, the neuronic substratum of a long-term memory) and chaotic zone producing speech is arising. Moving in a direction from right to left, these capsules realize function of extraction from memory at the speech production. Foregoing two chaotic subbands of the scenario, presumably associated by us with a hippocampus, do not show themselves phonetically in any way in normal conditions and represent a certain phonetic homeostasis showing only indirectly due to verbal operative memory.

Capsules' transport role fulfilled by them between a long-term memory and speech zone proves to be true by dynamic aspect of PomeauManneville's scenario. Point is that such capsules' appearance happens as a result of interference of strange attractor representing chaotic subbands which we associate with a long-term memory, and independent (unpaired) point of a regular cycle of the period 3, appearing in bifurcation lacuna. In paper (Grebogi et al. (1983)) it was marked for the first time, that such interferences lead to sudden modifications of chaotic attractor. For considered logistic map convolute speech capsule occurs just as a result of such interference. Really, the unstable fixed points, hitting in chaos range associated by us with a hippocampus, immediately push out " a piece of chaos " from chaotic subband, therefore the indicated capsule occurs. It turn out that in a hippocampus there are neurones, which, gaining a simultaneous input through different transmitters from a lot of sensations, can act a reticular labilizing system, which maps dynamics of a separate neurone on global neurodynamics in such a manner that the instability of a simple cell or microsystems leads to global instability (King (2004)).

Of course, mechanism of absorption of this capsule by zone of speech chaos posed in Pomeau-Manneville scenario at the left (or in Feigenbaum's scenario on the right) is not absolutely clear. But we can assume, that the absorption of this capsule by zone of speech chaos happens due to regulator functions providing chaos border displacement. These regulator functions can be carried out, as we saw, by neuronic formations of range of hypothalamus and reticular formation.

The mechanism of formation of stable states in zone of chaos at perception, which it is possible to associate with memory within the framework of Pomeau-Manneville scenario was offered recently in paper (Lysetskiy and Zurada (2004)).

CONCLUSION

Certainly, in the mechanism of memory it is necessary still much to understand, but the consonance of our treatment of memory with treatment of a problem of intrinsic speech and memory submitted by A.R. Luriya (Luriya (1975)) installs of optimism in us. In this paper the author develops concept of intrinsic speech concerned with process of memory. The intrinsic speech is, from the point of Luriya's view", the mechanism converting intrinsic subjective senses into a system of external unfolded speech, and this psychologic description of process formulated by L.S. Vygotskiy was important, final part for comprehension of the mechanism of memory".

REFERENCES

1. Bloodstein O. A handbook on stuttering. Fifth ed. San Diego; London: Singular Publ. Group, Inc., 1995. 606 p.

2. Bludov A.A., Vorontsov V.A. Research of «speech ring» modification and vegetative reactions at the stuttering. Zhurn. Nevrol. and phatol. Im. S.S. Korsakova, Vol. 100, N 3, 2002, pp. 65-66.

3. Brown G.B., Cooke M., Mousett E. Are neural oscillations the substrate of auditory grouping? Proc. of the Workshop on the Auditory Basis of Speech Percept. Keele, 1996. pp. 174-179.

4. FitzHugh, R. Impulses and physiological states in theoretical models of nerve membrane. Biophysical Journal, 1, 445-66, 1961.

5. Grebogi, C., Ott, E., Yorke, J.A. (1983) “Crises, Sudden Changes in Chaotic Attractors and Transients to Chaos”, Physica, **7D**, pp. 181-192.

6. Hirsch J.E, Huberman B.A., Scalapino D.J. (1981), “Theory of Intermittency”, Phys. Rev, 25A, pp. 519-529.

7. Hodgkin, A.L., Huxley, A.F. (1952). A quantitative description of membrane current and its application to conduction and excitation in a nerve. *Journal of Physiology.* (London), Vol. 117, pp. 500-544.

8. Howell P. Effects of delayed auditory feedback and frequency-shifted feedback on speech control and some potentials for future development of prosthetic aids for stammering. Stammering Research. 2004, Vol. 1, pp. 31-46.

9. Kaczmarek L.K., Babloyantz A. Spatiotemporal patterns in epileptic seizures. Biol. Cybern. 1977. Vol. 26. pp.199-208.

10. King C.C. Fractal and Chaotic Dynamics in Nervous System. Auckland University. www.math.auckland.ac.nz/~king/ Preprints/pdf/BrChaos.pdf

11. Kiseleva M.N. Methodical recomendations on logopedia at the stutter reiterations. Leningrad, 1966.

12. Kochergina V. S. «Bradylalia, tachylalia, cluttering». In: «Speech disorders in children and adolescents» (Ed. S.S. Lyapidevsky). Moscow: «Medicine», 1969.

13. Kudryashov, A.V., Yakhno, V.G. (1978). Propagation of the firing activity domains in neural network. In: “*Dynamics of the biological systems*”, issue 2, Gor’ky.

14. Laguzen Ch. Method of stutter treating. St. Petersburg, 1838.

15. Luriya A.R. The basic problems of neurolinguistics. Moscow, Moscow University, 1975.

16. Lysetskiy M., Zurada J.M. Bifurcation neuron: computation and learning. Neural Networks, Vol. 17, 2004, pp. 225-232.

17. Matsumoto G., Aihara K., Ichikawa M. Periodic and nonperiodic responses of membrane potentials in squid giant axons during sinusoidal current stimulation. J. Theor. Neurobiol. 1984. Vol. 3. pp.1-14.

18. Pomeau Y., Manneville P. (1980), “Intermittent Transition to Turbulence in Dissipative Dynamical Systems”, Comm. Math. Phys. **74**, 189.

19. Rossi E.L., The Feigenbaum scenario as a model of the limits of conscious information processing. Biosystems. 1998 Apr; 46(1-2): 113-22.

20. Sbitnev, V.I. (1977). Transport of the spikes in statistical neural ensembles. III. Phase transition in CA3 hyppocampus model. *Biofizika,* Vol. 22, pp. 523-528.

21. Shklovsky V.M. et al. Pathogenesis mechanisms of stuttering. Zhurn. Nevrol. and phatol. Im. S.S. Korsakova, Vol. 100, N 3, 2000, pp. 50- 53.

22. Skljarov O.P. Neurophysiological aspects of recurrent functioning of “hidden” variables in speech apparatus. Zhurn. Vysh. Nervn. Deit. 1998. Vol 48. N 5. pp. 827-835.

23. Skljarov O.P. Nonlinear neurodynamics in repesentation of a rhythm of speech. Journal of Biological Physics. Kluwer Acad. Publ. Vol. 25. N2-3. 1999. pp. 223-234.

24. Skljarov O.P. Self-organizing nature of speech rhythm. Biofizika. 1998. Vol. 43, № 1. pp.152-158.

25. Skljarov O.P. Biophysical basis of the universality principle at the speech perception. Biofizika. 2003. Vol. 48, № 3. pp. 553-557.

26. Skljarov O.P. Lagrange formulation of self-organizing problem for neuron ensemble at the counting of non-linear dissipation of energy. Biofizika. 2003. Vol. 48, № 4. pp.701-705.

27. Skljarov O.P., Skljarova T.N. «Method of estimation and selection of stuttering correction means». Claim for invention. (Priority number 2003108595/20 (009248), 25 March 2003).

28. Traugott N.N. About mechanisms of memory disorders. Leningrad, Nauka, 1975.

29. Trubetskoy N.S. The foundations of phonology. Moscow, Foreign Literature, 1960.

30. Vinarskaya E.N., Bogomazov G.M. Age-specific phonetics. STT, Tomsk, 2001.

ЗАКОН СИНОНИМИЧЕСКОЙ АТТРАКЦИИ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА «УРАЛЬСКОЙ СТАРИНЫ» (по рассказам Д.Н.Мамина- Сибиряка)

Ирина Фришберг

ВВЕДЕНИЕ

Наш интерес к данной теме объясняется ее актуальностью в свете современных направлений в лингвистике. Во-первых, в настоящее время новый виток развития получило такое направление, как лингвистика текста. Во-вторых, в лингвистике (и, как нам думается, не только в ней одной) намечаются тенденции сближения и интеграции различных научных направлений в одно. Таким образом, возникают науки психолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, лингвокраеведение, когнитивная лингвистика.

В нашей статье делается попытка свести воедино лингвокраеведение, когнитивную лингвистику и лексическую семантику, а именно закон синонимической аттракции.

Помимо введения, в статье содержится несколько разделов. В разделе 1 представлены общие замечания о проблеме интерпретации текста, дается краткий обзор и принципы когнитивной интерпретации текста. В разделе 2 дается определение закона синонимической аттракции. В 3 разделе определены параметры анализа текста с когнитивных позиций. 4 раздел посвящен грамматическим параметрам исследования текста в когнитивном аспекте, тогда как в 5 освещаются проблемы интерпретации текста с позиций лексического исследования. В 6 разделе объясняется роль контекстуальных синонимов в создании стереотипа и языковой картины мира. В заключении приводятся результаты работы и основные пути дальнейшего исследования.

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Интерпретация художественного текста с различных позиций и подходов на протяжении долгих лет привлекает внимание ученых-лингвистов, литературоведов, исследователей текста. Не случайно лингвисты выбирают в качестве материала для исследования именно художественный текст: он представляет собой образец литературной речи и является очень удобным и емким источником различных функциональных стилей языка, художественно-изобразительных средств, разнообразной стилей лексики. В последние годы одним из самых модных и прогрессивных направлений является исследование художественного текста в когнитивно-прагматическом аспекте.

При анализе художественного текста в когнитологии рассматривается, в первую очередь, акт интерпретации, который проявляется как в виде комплексного анализа художественного произведения, так и в выяснении механизмов его организации. При интерпретации художественного произведения мы принимаем во внимание и прошлый опыт автора, и его художественное и жизненное кредо, и его представление о художественно-изобразительных средствах. В центре внимания когнитивной лингвистики оказываются вопросы интерпретационных свойств художественного текста, их роль в построении картины мира, культурно-специфические и эстетические факторы, влияющие как на создание, так и на восприятие текста. При анализе художественного произведения с позиций когнитивизма, язык рассматривается и в статике, и в динамике, в связи с многочисленными факторами, находящимися за пределами языковой действительности и влияющими как на создание и производство речевых единиц, так и на их функционирование и восприятие. Одним из законов языкового развития, очень показательным для изучения в статике и в динамике, является закон синонимической аттракции. (Нефедова (2003))

Художественный текст не случайно является излюбленным материалом для всевозможных лингвистических исследований. На сегодняшний день принято считать, что

семантика конкретного речевого произведения (к которому относится, безусловно, и текст), включает в себя несколько уровней, начиная от лексико-грамматического и семантико-синтаксического и кончая коммуникативно-прагматическим и когнитивным содержанием. Следовательно, по мнению некоторых ученых, предметом лингвистического описания должно быть все, касающееся функционирования языка. (Филиппов (2003))

С этой точки зрения большой интерес для исследователей текста представляет разграничение языковых и текстовых знаний, предложенное В.Б.Касевичем. Ученый разграничивает знания, закодированные оппозициями словаря и грамматики - это языковые знания. В совокупности они формируют языковую картину мира. Наряду с этими знаниями существуют знания энциклопедического характера, которые зафиксированы в совокупности текстов, отражающих все аспекты познания мира человеком, данным историко-культурным сообществом. В текстах отражается текстовая картина мира. Ученый делает интересное замечание, что так называемая научная картина мира является частным случаем текстовой (цит. по Филиппов (2003))

При анализе художественного текста с разных позиций ученые анализируют грамматические особенности, художественно-изобразительные средства, законы языкового функционирования и их преломление в художественном тексте. Не будет являться исключением и данная статья. В данной статье делается попытка проанализировать функционирование закона синонимической аттракции в художественном тексте, выявление особенностей ее функционирования и делается попытка переосмыслить закон синонимической аттракции в художественном тексте.

В качестве материала для анализа мы выбрали короткий рассказ. Выбор этот неслучаен. В коротком рассказе автор ограничен рамками жанра, а также небольшим объемом произведения. И если в романе позволительно использовать одни и те же художественно-изобразительные средства не один раз, то в рамках рассказа писатель ограничен в повторном использовании не только художественных приемов, но даже и лексики, иначе это неизбежно ведет к тавтологии и снижает художественную ценность произведения.

Одним из способов создания художественной выразительности и масштабности произведения являются синонимы. Именно благодаря данному лексическому феномену автору удается дать яркую, образную картину. Как известно, в языке крайне редко встречаются случаи полной синонимии (т.е. совпадение синонимов во всех своих значениях - и лексических, и комбинаторных). При создании произведения автор стремится привлечь внимание читателя к тем событиям, которые являются наиболее важными, ключевыми для данного рассказа. Для того чтобы охарактеризовать событие или героя с разных сторон, дать наиболее полное описание, автор использует синонимы. Следовательно, применение автором ряда синонимов способствует созданию полной, объемной картины, словно «видимой» читателю.

При исследовании синонимов в художественном тексте большое внимание уделяется видам синонимов, их грамматической функции в тексте, но зачастую от внимания исследователей ускользает такой закон языкового развития, как закон синонимической аттракции. Остановимся на нем несколько более подробно.

2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАКОНА СИНОНИМИЧЕСКОЙ АТТРАКЦИИ

Закон синонимической аттракции предполагает, что явления и предметы окружающего мира, имеющие наибольшую значимость в данный момент времени, получают наибольшее количество синонимов. В качестве иллюстрации данного феномена можно привести такой факт: в древнеанглийском эпосе «Беовульф» содержится 37 синонимов к слову *hero* и как минимум 12 для обозначения понятия *battle* и *fight.* То же самое произведение содержит около 17 синонимов к слову *sea,* что говорит о том, что на тот исторический период для Англии наибольшую значимость имели те предметы и явления, которые были связаны с ведением военных действий (Покровский (1980)).

Применительно к художественному тексту, принцип его интерпретации с позиций когнитивного аспекта синонимической аттракции можно сформулировать следующим образом: при анализе художественного текста следует особое внимание обращать на выбор автором лексических средств языка, а именно, синонимов, и делать выводы с позиций теории познания.

3. ПАРАМЕТРЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА С КОГНИТИВНЫХ ПОЗИЦИЙ В СВЕТЕ ЗАКОНА СИНОНИМИЧЕСКОЙ АТТРАКЦИИ.

При интерпретации художественного текста даже в когнитивном аспекте мы неизбежно обращаемся и к грамматическим параметрам: частям речи, их функции в предложении, проблеме сочетаемости слов. В своей статье мы также не будем отступать от лингвистической традиции.

Так, все синонимические ряды, полученные нами методом сплошной выборки из рассказов Д.Н.Мамина-Сибиряка мы классифицировали по двум типам параметров:

1. грамматическим (морфологическим) - часть речи, функция в предложении
2. лексическим - тип синонимии

Всего нами было выделено 123 синонимических ряда, все они были разделены по принципу образующей части речи, результаты можно увидеть в таблице 1

4. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СИНОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ ПО ЧАСТЯМ РЕЧИ

Распределение синонимов в художественном тексте по частям речи представлено в таблице 1.

Таблица 1

Часть речи	Абсолютное количество	%
Прилагательное (в том числе краткие)	41 (3)	33.3 (2.4)
Глагол, в том числе: - инфинитив - - причастие (в том числе краткие) - деепричастие	35 7 3 (2) 1	28.5 5.7 2.4 (1.6) 0.8
Существительное (в том числе субстантивированные части речи)	32 (1)	26.0 (0,8)
Наречие	8	6.5
Синонимический ряд, образованный фразеологическим единством	6	4.9
СКС	1	0.8

Как видно из таблицы 1, приблизительно третью часть всех синонимических рядов составляют те, которые образованы прилагательными:

Русские фамилии жались на самых последних ступеньках этой канцелярской лестницы - писцами, дозорными, запайщиками и тому подобной мелкой сошкой, даже не имевшей подчас называния своей должности, - так она была ***мелка и ничтожна*** *(Мамин-Сибиряк (1954)).*

Глядели-глядели мы так-то друг на дружку, а тут Иван Антоныч куда-то уехал, оставил жену одну, ну, а Харитина меня тогда и заполучила по всей форме: ***и милый, и ненаглядный****, и красавец, и сухой, не пареный (Мамин-Сибиряк (1954))*

Необходимо отметить, что мы, вслед за О.С.Ахмановой, относим к глаголам не только инфинитив (что вполне логично и не оспаривается, пожалуй, никем), но и причастия и деепричастия. Численность же собственно глаголов среди всех синонимических рядов относительно невелика - 19.5%: *Нужно было и честь сохранить честью, чтобы не ославить напрасно девку, и напрасной потачки не дать, потому женское дело самое ненадежное, а* ***посоветоваться да поговорить*** *старику совсем не с кем: он вдовел уже шестнадцатый год (Мамин-Сибиряк (1954)).*

Синонимических рядов, образованных существительными, в рассказах Д.Н.Мамина-Сибиряка примерно столько же, сколько глаголов и их форм: 26.0%: *Как он любил всегда эту небольшую комнатку, в которой покоились все его* ***надежды, заботы и упования*** *(Мамин-Сибиряк (1954)).*

С позиций когнитивизма данный результат можно интерпретировать следующим образом: одним из наиболее часто применяемых авторами художественно-изобразительным средством является эпитет - яркое, образное определение. При работе с художественным текстом с позиций когнитивной науки нужно прежде всего учитывать теорию познания и то, как чувственное знание превращается в языковое. Мы воспринимаем мир, в первую очередь, с помощью зрения, затем в сознании формируется конкретно-чувственный образ, который позже приобретает, впрочем, далеко не всегда, словесное воплощение: так, для описания некоторых цветов мы, не находя адекватного словесного воплощения, используем сравнение с уже существующим и хорошо всем известным референтом: цвета мокрого асфальта, первой весенней зелени и пр. Неслучайно возникают синкретические образы: теплый прием, холодное прощание и т.д.

В рамках интерпретации текста прилагательные образуют большее количество синонимических рядов в силу указанных причин, а также в силу особенностей художественного метода, целей и идей Д.Н.Мамина-Сибиряка. Писатель стремился показать тяжелую жизнь крепостных и приписанных к уральским заводам рабочих, поэтому интересно отметить такую особенность: при описании крестьян или природы автор использует прилагательные с положительным оттенком значения: *Это был прехорошенький ребенок - круглолицая, с синими глазками и льняными волосиками, с румянцем во всю щеку, с таким детски серьезным складом пухленького ротика и* ***светлым, чистым*** *взглядом, каким умеют смотреть только дети (Мамин-Сибиряк (1954));*

Что-то такое ***торжественное и великое*** *чувствуется в такой ночи, которая проходит над спящей землей неслышными шагами, как таинственная сказочная красавица, чарующая все кругом уже одним своим присутствием (Мамин-Сибиряк 1954: 27),* в то время как при описании тяжелой работы в шахтах - с отрицательным. Данный вывод может показаться тривиальным, однако положительной оценки заслуживают даже крепостные, формально являющиеся отрицательными персонажами: *Но Матильда пересилила себя и постаралась улыбнуться своей* ***ласковой, чудной*** *улыбкой, как умела смеяться в этот доме только она одна (Мамин-Сибиряк (1954)).*

Видимо, подобным образом автор желал показать, что все крепостные, независимо от черт характера, являются людьми зависимыми, все они жертвы этой системы, которая их сломала и погубила.

С когнитивной же точки зрения легко объяснить достаточно высокий процент глаголов среди частей речи, образовывающих синонимические ряды: для русского языка характерно активное освоение действительности, т.е. при помощи «действия», которое в грамматическом выражении есть глагол.

Полученный результат в очередной раз убеждает нас в том, насколько сильно

различается функционирование одного и того же закона в языке и речи. Предыдущие исследования, проведенные на материале словарей синонимов, доказывают, что частью речи, наиболее часто вступающей в отношения синонимии русском языке, является глагол: 60% от общего количества синонимических рядов, зафиксированных в словарях синонимов. Вывод, напрашивающийся сам собой, звучит следующим образом: между языковой и текстовой картинами мира (мы пользуемся определениями, предложенными В.Б. Касевичем) существует определенные различия, заключающиеся в том, что если для носителей языка характерно освоение и осмысление действительности посредством действия (а именно об этом свидетельствует преобладающее большинство глагольных синонимических рядов), то текстовая картина мира носит явно описательный характер. Нельзя, однако, оставить без внимания факт различия в синтаксических функциях глагола и имени. Глагол (мы имеем в виду его личные формы), как правило, в предложении является сказуемым (предикатом), в то время, как имя (в данном случае, имя прилагательное), может выполнять значительно больше синтаксических функций: определение, именная часть составного именного сказуемого и т.д., причем в художественной литературе очень часто имя прилагательное употребляется именно в функции предикатива:

Прибежали сюда, место было совсем ***дикое, зверовое*** *– опять ихними же трудами все устроилось. (Мамин-Сибиряк 1954: 58)*

Еще одной причина, по которой, как нам кажется, глагол не является ведущей частью речи при образовании синонимических рядов в художественных текстах, - особенности художественного метода, характерные для литературы XX века. В конце XIX - начале XX века очень популярным художественным приемом становится так называемый рассказ в рассказе, который подразумевает ретроспекцию, т.е. взгляд в прошлое из некоего момента в настоящем, когда встретились автор произведения и рассказчик. Поскольку события, которые легли в основу сюжета, в этом случае оказываются «делами давно минувших дней», то, следовательно, динамика, которую произведению придает глагол, становится менее значимой.

Что же касается роли существительного как объекта построения синонимических рядов в художественной литературе, то это, по преимуществу, существительные конкретные, причем с отрицательной коннотацией:

Варнаки и душегубы *все до единого, - кричал Секрет, начиная показывать полученные в разное время рубцы и членовредительства (Мамин-Сибиряк 1954: 19);*

Совсем дело на мазе было, да родитель поднялся на дыбы: не хочу и кончено, потому Михряшев хоша и из наших старообрядцев, а совсем обмиршился и все компанится с ***бритоусами и табашниками*** *(Мамин-Сибиряк 1954: 28).*

Путем использования большого количества конкретных существительных (нейтральных или с отрицательным коннотативным значением) автор создает у читателя лингвокогнитивную структуру восприятия «уральской старины», в узлах которой находятся:

- <u>отношения между крепостными и помещиками</u>: ***Душегубы*** *проклятые,* ***кровопийцы****!.. (Мамин-Сибиряк 1954: 91);*

- <u>отношения заводчиков друг с другом</u>: *Управление Кургатским заводом разделялось на две половины, и такое разделение служило источником нескончаемых* ***недоразумений, пререканий и раздоров*** *(Мамин-Сибиряк 1954: 80);*

- <u>экономическая деятельность заводчиков</u>: *Была введена артистически выработанная система* ***вычетов и штрафов****, подробные правила, как ходить и дышать, и это аптекарский способ экономии на первых же порах дал самый блестящий результат (Мамин-Сибиряк 1954: 50);*

- <u>юридическая регуляция отношений между заводчиками и купцами</u>: *Важенин действительно начал дело о неправильном завладении Пластунским заводами землей, принадлежащей деревне Боровки, постоянно приезжал в город, ходил по адвокатам,*

собирал какие-то справки, ездил в губернский город Мохов за какими-то таинственными документами, писал какие-то «копии, с копии копии» и опять исчезал (Мамин-Сибиряк 1954: 60)

- работа на заводах: *Глухой **шум** воды смешивался с вечным **грохотом и лязгом** железа, точно здесь билось на цепи какое-то чудовище, скованное по рукам и ногам (81)*

- состояние природы: *Тепло, светло, сытно – сидишь себе в горнице да радуешься, на дворе **стужа**, калящий **мороз**, а тебе еще приятнее, - потому, как в это время беднота колеет да зябнет (Мамин-Сибиряк 1954: 58)*

Использование существительных с явно выраженной положительной коннотацией, как правило, создает иронический эффект: *«Надлежащее место» навело справки, но Человеколюбцев оказался не только **сыном отечества**, но даже великим **патриотом**: в N-ске не было лавки и магазина, где он не был бы должен, затем выяснилось, что решительно все – даже гораздо больше, чем все, что он получал от своих клиентов, - он немедленно провинчивал, и, наконец, что у него в разных судах накопилось двенадцать дел о незаконном присвоении чужого имущества и подлоге в разных формах (Мамин-Сибиряк 1954: 62)*

В данном примере синонимический ряд «***сын отечества - патриот***» применяется для характеристики недобросовестного адвоката, а все пороки современного Д.Н.Мамину-Сибиряку уездного общества (долги, игра в карты, недобросовестность в ведении дел) используются для доказательства «патриотизма» Человеколюбцева.

Следующим по распространенности (правда, лишь в 6,5% случаев) является синонимический ряд, образованный наречием: *- Мантилья Карловна, это вы-с? – как-то **нерешительно и конфузливо** заговорил он, ощупывая свою мокрую голову.*

Как правило, синонимические ряды, образованные наречиями (впрочем, как и слова категории состояния) в исследуемых рассказах Д.Н.Мамина-Сибиряка относятся к характеристике природы или состояния человека:

*А кругом было так хорошо: над головой шумели вершины высоких сосен, пахло свежей смолой, где-то **беззаботно и весело** переговаривались две птички, рассеянный солнечный свет падал сверху широкими полосами переливавшейся золотой пыли (Мамин-Сибиряк 1954: 74).*

*Старик-отец действительно избаловал ее, и она не боялась его ни на волос, хотя поп Андрон было очень «ндравный» человек и держал себя очень **гордо** и подчас **неприступно** (Мамин-Сибиряк 1954: 103)*

Очень интересными (хотя и не очень многочисленными – 4.9%) представляются синонимические ряды, образованные фразеологическими единствами: как несложно догадаться, большая их часть имеет негативную коннотацию и связана с произволом управляющих заводами: *Вон на горке стоят новые дома – это тоже для представителей высшей заводской администрации, которая быстро **доведет** заводы **до полного краха** и **пустит** население **по миру**, но – прежде чем доведет до этого – будет вытягивать правительственные субсидии, будет хлопотать о повышении пошлин на привозимые из-за границы дешевые металлы, будет донимать рабочих штрафами и т.д. (Мамин-Сибиряк 1954: 59-60).* А интерес данные фразеологические ряды представляют для нас потому, что используются они там, где явно слышна речь автора, а не рассказчика из народа: вопреки распространенному в литературе того времени представлению о народе как носителю образного языка (одним из «знаков» которого являются ФЕ), Д.Н.Мамин-Сибиряк не наделяет своих рассказчиков яркой речью. Если принять во внимание вышеуказанные характеристики народа и его угнетателей, можно сделать вывод, что писатель относится к народу в целом положительно, жалеет, причем как угнетателей, так и угнетенных, но, в отличие от писателей прошлого, не наделяет его такими качествами, как силой, восприимчивостью, впечатлительностью.

Таким образом, мы делаем вывод, что даже при беглом анализе преобладающих частей речи уже можно сделать некоторые выводы о намерениях автора, о его отношении к действительности. Проанализируем исследуемый материал с лексической точки зрения.

5. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Исследование следующей – лексической - группы параметров в художественном тексте начинается с распределения синонимов по типам. Результаты представлены в таблице 2:

Таблица 2. Распределение синонимов по типам

Тип синонимии	Абсолютное количество	%
Идеографические	73	59.5
Контекстуальные	40	33.5
Стилистические	10	8

Как видно из таблицы 2, каких-то неожиданных результатов в плане видов синонимов нами не обнаружено: идеографические синонимы преобладают во всех текстах нашей выборки:

Голые, беленые стены с паутиной по углам, избитый в ямы тысячами тяжелых ног деревянный пол, захватанные грязные двери, покрытые больничной клеенкой письменные столы с грудами книг и бумаг, просиженные деревянные стулья, и везде ***пыль, сор и грязь****, как это бывает только в полицейских управлениях да еще в заводских конторах (Мамин-Сибиряк 1954: 130)*

В примерах другого типа слова сближаются по значению лишь в контексте. Извлеченные из данного контекста, подобные лексические единицы синонимами не являются:

Сморщенное лицо смотрело ласковыми светлыми глазами, сохранившими еще таившуюся в них искру жизни; когда-то это лицо, вероятно, было очень красиво, потому что и теперь еще на утратило известной приятности, особенно когда старушка улыбалась такой ***хорошей, спокойной улыбкой*** *(Мамин-Сибиряк 1954: 10)*

Довольно неожиданным был лишь сравнительно высокий процент наличия в тексте стилистических синонимов (как правило, одно слово в таких синонимических парах - нейтральное, а другое - сниженное, просторечное или диалектное), однако этому факту легко дать объяснение, исходя из прагматических аспектов анализа текста: целью Д.Н.Мамина-Сибиряка (выросшего и почти всю жизнь прожившего в уральской глубинке) было создание правдивого и максимально приближенного к реальности образа уральской старины, чтобы читатель в процессе знакомства с текстом не восклицал: "Не верю!". Необходимым условием для создания подобного образа является подбор именно той лексики, которая была характерна для речи рабочих и мастеровых уральских заводов. Кроме того, обратим внимание на такой факт: большинство новелл Д.Н.Мамина-Сибиряка по сути своей "рассказы в рассказе", т.е. рассказчиком является не автор, а некий персонаж из народа, который, естественно, не может выражаться высоким слогом в силу своего образовательного, культурного, социального и т.п. уровня:

Только и семейка: ***здоровенны****е все,* ***могутны****е, красавцы, а всех лучше эта самая Ульяна (Мамин-Сибиряк 1954: 54)*

И что только он над своими женами ***не выделывал****, как* ***не галился****… (Мамин-Сибиряк 1954: 134)*

6. КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ СИНОНИМЫ И ИХ РОЛЬ В СОЗДАНИИ СТЕРЕОТИПА

Изучая проблему контекстуальных синонимов, мы сталкиваемся с вопросом изучения стереотипов как элементов языковой картины мира.

Термин «стереотип» очень широко используется не только в лингвистике, но и в социологии, культурологии, этнографии, психологии и этнопсихолингвистике, правда, ученые разных направлений вкладывают различное понимание в этот термин. Впервые понятие стереотипа было использовано У.Липпманом для обозначения упорядоченных, схематичных, детерминированных культурой «картинок мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов.

Другое определение стереотипу дает В.В.Красных, которая понимает по стереотипом некоторую структуру «ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих концепт феномена, стоящего за данной единицей» (Красных 1998: 45). Ведь «жизнь» контекстуальных синонимов очень коротка, она ограничивается рамками произведения, а иногда – всего лишь предложения или даже его части (отметим в скобках, что некоторые ученые, например, Ю.Д.Апресян, данные отношения между словами вообще не относят к синонимии (Апресян 1974: 221)). Весьма редки случаи, когда контекстуальная синонимия получала свое развитие за пределами текста. Однако контекстуальная синонимия позволяет автору выражать свое мнение в завуалированной форме, внося свою лепту в речевую картину мира: *Потом начал он меня* ***пощипывать да заигрывать****, а я бросила с ягодами к нему ходить (14).* Разумеется, лексические единицы ***пощипывать*** и ***заигрывать*** не являются синонимами в общепринятом смысле этого слова, но особенности русской национальной культуры таковы, что пощипывание может означать грубое заигрывание, особенно со стороны тех, кто находится выше по положению.

Точно так же согласно словарю не являются синонимами лексические единицы ***мертвый, казенный*** в примере: *В большие запыленные окна заводской конторы врываются снопы ослепляющего света и делают еще непригляднее* ***мертвую, казенную*** *обстановку длинной и высокой комнаты, именуемой бухгалтерской (Мамин-Сибиряк 1954: 130),* однако для человека, живущего в России, все казенное ассоциируется с бюрократией, отсутствием уюта, жизни, более того, первая ассоциация, возникающая при употреблении словосочетания «казенный дом» - тюрьма. В данном случае автор не создает свой авторский стереотип, а использует уже существующий в языковой картине мира – «казенный – скучный – неуютный - мертвый».

И еще один пример, иллюстрирующий употребление контекстуальный синонимов и ее роли в создании стереотипа: *Но, несмотря на* ***хороший солнечный*** *день и на красивое место, как-то все кругом так тяжело и грустно выглядит, точно жизнь придавлена какой-то невидимой карающей рукой: в деревнях пусто, в поскотинах не видно скотины, шахматная скатерть бесконечных полей вблизи представляет самую жалкую картину – чахлые, редкие озими с белесоватыми пролежнями и плешинами, яровые, точно побитые молью, и везде плохая, бессильная трава (Мамин-Сибиряк 1954: 144).* Лексические единицы ***хороший, солнечный*** различаются как сферой употребления, так и объемами значения: как нетрудно догадаться, он значительно больше у прилагательного «хороший», имеющего, кстати, более общее значение «достойный, достаточный, положительный, приличный», в то время как значение слова «солнечный» ограничено физическими и природными свойствами. Для человека, живущего в средней полосе России, а особенно на Урале, не избалованного теплой солнечной погодой, понятия «хороший день» и «солнечный день» являются выражениями с одинаковым смыслом. Вполне допускаем, что существуют на земле народы, для которых данные понятия являются носителями противоположных смыслов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы: закон синонимической аттракции является интереснейшим явлением, которое нужно изучать не только в контексте семантики, но и в когнитивно-прагматическом аспекте. И именно в подобном ракурсе изучения, а также с позиций интерпретации текста его изучение будет

наиболее плодотворным, т.к. именно этот закон, даже в отсутствие исследования художественно-изобразительных средств, которые применяет автор в своих произведениях, позволяет понять его истинные намерения, а также более полно раскрывает тему произведения и идею автора. Причем – что немаловажно – пищу для размышлений может дать даже сугубо грамматическое исследование (например, деление синонимических рядов на основании образующих их частей речи)

Также интересным выводом нашего исследования является переформулировка закона синонимической аттракции в речи (в художественном произведении): *явления, предметы и их признаки, важные для автора данного произведения в данный момент, являющиеся своеобразными смысловыми вехами в данном контексте, приобретают наибольшее количество синонимов, которые зачастую становятся семантически близкими лишь в условиях данного контекста.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая синонимия. Синонимические средства языка. - М.: Наука, 1974.

2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1973.

3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов – М.: Советская энциклопедия, 1969.

4. Гандельсман А.Б. Английская синонимия/ Под ред. В.И.Тархова. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1963.

5. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд. Иркут. гос. ун-та, 2004.

6. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность – М., 1998

7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2004.

8. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 8 томах. Т.4. Повести, рассказы, очерки 1885-1889г. - М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954.

9. Нефедова Л.А. Когнитивный подход к интерпретации художественного текста/ Учебное пособие. – Челябинск, 2003.

10. Покровский И.Н. An Essay in Comparative Lexicology. - Куйбышев, 1980.

11. Филиппов К.А. Лингвистика текста: Курс лекций. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2003.

12. http://xxx.lanl.gov/cmp-lg/

13. Ullman S. Semantic Universals. - Л.: Просвещение, 1975.

SYNONYMIC ATTRACTION IN CREATING THE IMAGE OF "URAL OLD DAYS" [34]

Irina Frishberg [35]

ABSTRACT

In this article we trace the peculiarities of functioning of the law of synonymic attraction in fiction, as well as the problems of text interpretation. We try to study the role of synonyms in creating the image of the Ural old days. We've found out that in text interpretation the law of synonymic attraction sound as follows: the things and phenomena that are the most important for the author in the given novel attract most of the synonyms. The more so, even the amount of this or that part of speech in the text may indicate the aim and style of the author. We also studied stereotype as part of the language picture of the world, and we've arrived to the conclusion that contextual synonyms are mostly determined by the author's stereotypes

KEYWORDS

Когнитивная лингвистика; закон синонимической аттракции; интерпретация текста; стереотипы; языковая картина мира.

---

[34] © Irina Frishberg, 2004

[35] Chelyabinsk Aviation Military Institute of Navigators, Department of Foreign Languages

HESITATION MARKERS IN ORAL ARMENIAN AND ITALIAN NARRATIVES [36]

Victoria Khurshudyan [37]

ABSTRACT

Oral language discourse peculiarities and hesitation markers, in particular, function as one of the main indicators of general linguistic, psycholinguistic and sociolinguistic picture of a language. The present research will have Armenian and Italian as target languages. Oral discourse peculiarities of each language can be significantly accounted for national mentality of the native speakers which is reflected in the language, in general, and in oral language, in particular. Both target languages have never been compared systematically and contemporary discourse analysis approaches have only sporadically been applied to them. The research aims at presenting the inventory of oral discourse peculiarities mainly in connection with hesitation markers (including pauses), to have the detailed characteristics and description of each sample included in it. The research is mainly based on corpus material in database format that consists of records by native Armenian and Italian speakers, transcribed texts of the stories, the glosses of the texts and the rhetoric tree of the respective texts. The comparison of the results for each language enables to understand the structure of oral discourse, fluency failures, and syntactic incompleteness as well as to give peculiarities of narrative genre typical of the Armenian and Italian languages.

KEYWORDS

hesitation, marker, oral narrative, Armenian, Italian

INTRODUCTION

The main goal of every communication act is information release by the speaker and its deciphering and understanding by the listener. Different people perform this function differently though having certain general arsenal of tools for achieving this result. Besides the individual peculiarities that determine the way of performance there are more general factors that have their impact on this process. First, this is the system of general linguistic tricks and techniques that can be found in most of languages. The other crucial factor that is of great significance mainly in terms of oral language, is the unique system of each language, i.e. its language peculiarities, as well as mentality, culture, traditions, political-economic state in terms of diachronic and synchronic approach, etc. Each of the above-mentioned phenomena is important for understanding any real language system and its oral discourse, in particular. Therefore, for having a complete picture of how a certain language functions all these factors should be taken into account. In case of oral language research, particular attention should be paid to peculiarities of a certain language though having in mind that universal linguistic techniques are always applied.

The present research has Armenian and Italian as target languages. [38] No systematic typological research has ever been performed to both target languages from discourse analysis perspective. The goals of the research are to introduce the nomenclature of hesitation markers in Armenian and Italian, to provide the peculiarities and description of expression means included in that inventory. Since there has not been done any holistic study of Armenian Intonation and Armenian Discourse this research will tackle these problems as well trying to present the general state of the issues. Besides, there is few researches on the Armenian language in a typological

[36] © Victoria Khurshudyan, 2004

[37] Russian State University for Humanities, Institute of Linguistics, xurshvic@yahoo.com

[38] The research is supported by RGNF grant (№04-04-00220a)

perspective (with respect to the Italian, in particular). Therefore, the research will contribute to the better presentation and understanding of Armenian as well as Italian.

The research is mainly based on corpus material in a database format. The corpus material presents the narration of two stories by native speakers of the target languages. Each focus group includes ten native speakers of each target language. Two stories in a comics format were selected, and each story was recorded twice by the same native speaker with a time break of 6 hours. Thus, each native speaker narrates 4 stories. The first stage of the experiment included the creation and narration of the story looking at the pictures whereas the second stage of the recording included retelling of the story from memory without looking at the pictures.

Overall, the corpus material consists of records by native speakers of Armenian and Italian, transcribed texts of the stories, the glosses of the texts and the rhetoric tree of the respective texts. Besides the corpus material, descriptive grammars and dictionaries of the Armenian and Italian languages (Armenian-Russian Dictionary, 1987, Dizionario italiano sabatini coletti, 1997, etc.) are used for the research as a source of expression means and their interpretations.

The stories were recorded as MP3 files and were converted into WAV uncompressed audio files, 16 bit, mono, 44 kHz. and analyzed with Speech Analyzer Program (***Speech Analyzer 1.5 Speech Manager 1.52, IPA Help 2.0, and AudioCon 3.2*** Copyright (c) 2000 SIL International).

Overall, the following parameters were included and taken into account in the research:

1. *Recording time*
2. *Net Speaking Time (sec.)*
3. *Overall pause time*
4. *Filled Pause Time (sec.)*
5. *Number of Prolonged Vowels*
6. *Number of Prolonged Consonants*

The transcription of the corpus material is preserved always orienting to the authenticity of audio files even if it is obviously counter to that of the standard language. Oral narratives are always taken as a bench mark. Being significantly different from written discourse, oral discourse has its own peculiarities that should be described as a part of oral discourse organization and oral discourse grammar in general. The present transcription system elaborated by A.A. Kibrik and V.I. Podlesskaya [2003] preserves the orthography rules as they are accepted in the standards of a target language. The only declination of the traditional orthography is introduced in terms of the usage of capital and small letterforms. Special rules are introduced for all the cases of capital form usage. Punctuation marks in the corpus material of the target languages are not presented canonically; special conventions are worked out instead that determine their functions. Corpus material is divided into portions each forming a separate line and being equal to an Elementary Discourse Unit (EDU) the borders of which are determined and marked according to the rules of the transcription system. Two main criteria for splitting into EDU-s are that first, an EDU should contain a single predication and second, it should be an Intonation Unit (IU). The transcribing system and the criteria for segmenting the discourse into EDU-s are the same for both target languages. The system of Russian punctuation marks is taken as a source system since the present transcription system is first based on the Russian standard. Consequently, the punctuation marks and usage principles for these marks are common for transcribing both Armenian and Italian.

After the introductory section, the rest of this paper is organized as follows:

Chapter 1: Discourse Peculiarities: Hesitation
Chapter 2: Armenian Oral Discourse Peculiarities
Chapter 3: Italian Oral discourse Peculiarities
Chapter 4: Conclusion
References

Chapter 1. DISCOURSE PECULIARITIES: HESITATION

Oral discourse organization and reproduction are complicated phenomena and have numerous peculiarities that greatly differ from those of written and standard language. This is

mainly accounted for the fact that oral discourse is a live communication and it is accompanied for various specific features like syntactic incompleteness, lack of speech fluency, certain discourse organization that are counter to the rules of a standard language, etc. However, oral discourse has its own means that enable to compensate and "reimburse" these blanks and it is exactly for these means that oral discourse becomes possible and can be received and deciphered by a listener. Oral discourse support tools that make information reconstruction and repair possible include intonation, discourse markers, gestures and appearance in general, etc.

Hesitation markers are almost prerogatives of oral discourse and have a significant contribution in oral discourse reconstruction being one of the main oral discourse tools. Oral language discourse peculiarities and hesitation markers, in particular, function as indicators of general linguistic, psycholinguistic and sociolinguistic picture of every language; hence, each language will have certain oral discourse tools that will be typical of only that particular language. Therefore, the study of hesitation markers in oral discourse can contribute considerably to language typology. The concept of hesitation marker usually includes various means of expressing oral discourse fluency failures in oral communication, e.g. pauses, filled pauses, lexical discourse markers, special intonation patterns, etc.

Speech disfluency appears in two stages: extra-linguistic and linguistic. These two stages are interrelated and extra-linguistic causes almost always result in linguistic expressions and modifications. Extra-linguistic causes include psychological problems of various types that hinder the fluency of oral discourse (e.g. lack of attention, failure to restore in memory, etc.). Oral discourse disfluency is mainly connected with the problem of selection of a certain linguistic means and its planning process. On the whole, in oral discourse, cognitive processes and discourse organization and reproduction are appearing almost simultaneously. Therefore, the difficulties and disfluencies caused by cognitive processes find their reflection in oral discourse, whereas in written discourse these problems always go through certain "polishing", which enables to prevent any declination from the standards. This can be mainly accounted for the fact that in case of oral discourse the planning time is very limited and still proper oral discourse should be produced, thus the reproduction is done to the detriment of "quality", and this often results in disfluencies in oral discourse itself. Hence, lack of time for cognitive process planning is often accompanied with speech disfluencies, consequently this cause certain increase of hesitation markers in oral discourse.

On the linguistic level the disfluencies mainly arise for the following reasons:

1. Groping phenomenon [P.H. Tannenbaum, F. Williams, C. Hillier 1965]
    a. groping for means for long-term (corporate) intention
    b. groping for means for short-term (monic) intention
        - groping for a lexical means
        - groping for a word form
        - groping for syntactic patterns
2. Discourse controlling phenomenon
    a. speaker's controlling of discourse reception by listener
    b. speaker's controlling of his own discourse reproduction
        - speaker's controlling of his long-term (corporate) intention
        - speaker's intention of his short-term (monic) intention

The hesitation markers arising from the above-mentioned causes have their particular functional aspect in oral discourse. Respectively, the following functions can be ascribed to hesitation markers.

1. cognitive function
    a. controlling function
    b. planning function
2. communicative function
    a. expressive function
    b. appellative function

c. delimitative function
d. connective function
e. preserving function

3. physiological function

Chapter 2. ARMENIAN ORAL DISCOURSE PECULIARITIES

The Armenian corpus material is presented in transliterated variant and in transcribed text: such presentation of Armenian texts enables to make them readable (the Armenian writing system is unique and is based on its original graphic system), besides this way of transcribing removes the problem of working out new instructions and principles for the Armenian punctuation marks (Armenian punctuation system greatly differs from that of the other languages, and from the Russian language, in particular). However, all the orthographic peculiarities of the Armenian language are preserved in glosses that are given in Armenian writing system.

There are a number of phonetic and intonation factors that greatly influence Armenian oral discourse among which the phonetic system itself with its vocalic and consonant systems, the syllable structure, the stress position, intonation patterns, etc.

The Armenian phonological system consists of 36 phonemes: 6 vowels and 30 consonants. According to the degree of the intensiveness the vowels are arranged in the following order: /a, o, e, i, u, ə/. The Armenian phoneme /ə/ behaves in a peculiar way and differs greatly from all the other vowels of the system; it never occurs in a stressed position and it mainly forms hidden syllables. However, the hidden syllables are rather frequent phenomenon in Armenian syllabic system.

The quality of vowels, the number of sounds in a syllable and the position of the syllable have a significant impact on the position of the stress and on sound change in unstressed positions. The stress in Armenian is characterized by a complex interrelation of intensiveness, tonality and length of stressed and unstressed syllables. Stress in Armenian is fixed-dynamic, it is fixed since it is almost always on the last syllable, and it is dynamic since in all cases of derivations, compositions, etc. it shifts to the last syllable of the word form. There are only a very small number of exceptions from this rule.

Syllabic structure is characterized by certain phonemic compatibility constraints. Single vowel phoneme functions as a syllable-building element, sometimes it may occur with the sonorant /y/ which either immediately precedes or follows the vowel phoneme. In a number of cases these combinations undergo certain phonetic changes in unstressed positions and often function as one indecomposable unit, as a diphthongoid. Consonants in a syllable can be up to 4 with only 3 consecutive ones. According to the estimations the average Armenian syllable is constituted of 4.7 phonemes, and 56% of them are open. In general the vowels and consonants in the Armenian language have the following correlation: 1:5 (17%:83%) in the system itself, and 2:3 (41%:59%) [Jahukyan, 1980] in texts. Whereas the correlation of words and syllables is 3:7 respectively.

Figure #1.

	Record Time (sec.)	**Net Speaking (sec.)**	**Silent Pauses (sec.)**	**Filled Pauses (sec.)**	**Pause Time (sec.)**	**Internal pauses (№)**	**Boundary pauses (№)**	**Lines (№)**
Armenian R1	**64.25**	**47.8**	**10.35**	**6.1**	**15.45**	**12.9**	**15**	**27.4**
Armenian R2	**59.7**	**48.4**	**5**	**6.4**	**12.6**	**23.25**	**9.4**	**24.25**
Armenian R1: Armenian R2	**1.08 : 1**	**1 : 1.0**	**2.07 : 1**	**1 : 1.05**	**1.2 : 1**	**1 : 1.8**	**1.6 : 1**	**1.3 : 1**

R1 stands for narration # 1. R2 stands for narration # 2

The prosodic features appear in various patterns presenting different combinations of the tones. The main intonation patterns are formed by the combinations of rising, falling and level tones.

All the above-mentioned peculiarities have a significant impact on oral Armenian discourse.

The present research revealed the following picture for Armenian in terms of the parameters that were chosen for both target languages.

In case of ArmR1 the number exceeds for 13% in comparison with that of ArmR2. As for the figures with respect to record time and net speaking time (without filled and silent pauses) in Armenian the difference between ArmR1 (64.25 sec.) and R2 (59.7 sec.) average record time is 8% and the difference for net speaking time is, on the contrary, in favor of ArmR1: ArmR1 (47.8 sec.) and ArmR2 (48.4 sec.), thus ArmR2 is more for 1.4%. Hence, in case of ArmR1 filled and silent pauses exceed for 11% than in ArmR2.

The present research revealed interesting results for the Armenian consonant system in terms of hesitation expression means. The general picture is that consonants in Armenian are actively functioning for expressing speech disfluencies. Since the number of syllables consisting of only vowels is very small and 54% of the syllables are close, this phenomenon should be considered quite normal.

Figure #2.

	Prolonged Consonant (№)	**/-h/ (№)**	**/-h/ (sec)**	**Prolonged Cons. (sec)**	**Other**	**Prolonged word (№)**	**False-start (№)**
			h	**other**	**thm**		
Armenian R1	**1.6**	**1.75**	**0.49**	**0.35**	**0.9**	**0.75**	**1.75**
Armenian R2	**4.4**	**9.1**	**3.06**	**1.36**	**2.21**	**3.1**	**3.6**
Armenian R1: Armenian R2	**1 : 2.75**	**1 : 5.2**	**1 : 6.25**	**1 : 3.9**	**1 : 2.5**	**1 : 4.1**	**1 :2.05**

First, this is proceeded by prolonging consonant phonemes (other than /h/) generally at the end of a word. The average number of consonant occurrence at the end of a word is 1.6 for the first story narration (Armenian R1). This number is increasing for almost three times for the second story retelling (Armenian R2) 4.4. The remarkable increase of this phenomenon for the second step appear to be a sound proof that consonant phonemes do function as a hesitation expression means in Armenian.

e.g.

ArmR2#8

13. thm(0.7) /na \o’ro’šum a ənkeroj-j(0.4) asacə iro’k’ /irakanac’ni,
    na o’ro’šum a ənker-oj as-ac-ə iro’k’
    he:NOM decide-IMP be:PRES:3SG friend:SG-GEN tell-RES:SG:NOM-DET really irakan-ac’ni,
    fulfill- DES:PRES:3SG
    he decides to realize what the friend said

14. \bayc’-c’(0.3) /aŕnum a xałalik’ic’-c’(0.2) mi mek’ena.
    bayc’ aŕnum a xałalik’ic’ mi mek’ena
    but buy-PERF be:PRES:3SG toy:SG-ABL DET car:SG:ACC
    but he buys a toy car.

Another specific feature is abundant occurrence of adding prolonged glottal /h/ at the end of the words; this trick is used rather frequently and is significant in quantitive sense as well. It appears only at the end of words and never at the beginning or in the middle, and it can come across both after vowels and after consonants. The average number of occurrence for Armenian R1 is 1.75 whereas for Armenian R2 the number becomes already 9.1. Correlating Armenian R1 and Armenian R2 we have 1:5.2 respectively, thus, in case of Armenian R2 it is more for over 5 times than in Armenian R1.

The analysis shows that glottal /h/ as a hesitation marker appears with the following correlation to the number of lines for ArmR1 and ArmR2 is one /h/ per 2.7 lines and one /h/ per 15.7 lines respectively with an average duration of 0.3 seconds.

e.g.
ArmR1 #7
11. …(0.4) /nrank' \ēl \inč xorhurd /ktan-h(0.5),
nrank' ēl inč xorhurd k-tan,
they:NOM also what advice:SG:ACC COND-give:COND:PRES:3PL
what they will advise as well

Hesitation in the Armenian language is expressed in a great number of filled and silent pauses. Consonants are also functioning as components of filled pauses. Such cases can be divided into two types:

1. combination "thm" and

e.g.
ArmR2#6
12. thm(0.5) əə(0.7) Eritasard tłamardə o'ro'šum ē kno'j hamar$PROLONGED$ əə(0.5) thm(0.4) mi nor-h(0.3) əə(0.5) bayc' p'o'k'rik ev harmaravet avto'mek'ena gnel-hh.
Eritasard tłamard-ə o'ro'šum ē kn-o'j hamar mi nor
Young man:SG:NOM-DET decide-IMPP be:IND:PRES:3SG wife:SG-GEN for one new
bayc' p'o'k'rik ev harmaravet avto'mek'ena gnel
but small and comfortable automobile buy-INF
The young man decides to buy a new but a small and comfortable car for the wife

2. prolonged consonants with vowels.

e.g.
ArmR1 #7
9. hm(0.6) o'rə šat ..(0.3) əm(0.4) harmar kliner ..(0.2) ev ..(0.1) mayriki ev əntanik'i hamar.
o'r-ə šat harmar k-liner ev mayrik-i
which:SG:NOM-Det very comfortable COND:be:COND:PAST:3SG and mother:SG-GEN
ev əntanik'-i hamar
and family:SG-GEN for
which would be very comfortable both for the mother and for the family

In this case as well as for the previous cases these phenomena increase for ArmR2 in comparison with ArmR2. The correlation of ArmR1 and ArmR2 for 'thm' and prolonged consonants in the function of a filled pause (other than "thm") is 1:2.5 and 1:4 respectively.

Figure #3.

	Prolonged Vowel (№)	**Prolonged Vowel (sec)**						**Prolonged Vowel (sec)**
		a	**o**	**i**	**ə**	**e**	**u**	
Armenian R1	**3.75**	**0.15**	**0.05**	**0.9**	**0.35**	**0.3**	**-**	**0.9**
Armenian R2	**2.9**	**0.24**	**0.025**	**0.25**	**0.3**	**0.14**	**-**	**0.94**
Armenian R1: Armenian R2	**1.3 : 1**	**1 : 1.6**	**2 : 1**	**3.6 : 1**	**1.2 : 1**	**2 : 1**		**1 : 1.04**

Armenian native speakers also use vowels as a hesitation means both in a prolonged way and as filled pauses; however, the frequency is less in respect with the consonant occurrence.

The following sequence of frequency is observed for vowels in ArmR1: /i/, /ə/, /e/, /a/, /o/ (there was no case with /u/) and for ArmR2 we have this picture: /ə/, /i/, /a/, /e/, /o/ (there was no case with /u/). The phoneme /ə/ can also be viewed as a peculiarity of the Armenian discourse. There are very few syllables in which this phoneme forms a full syllable, however, this phoneme is used very frequently for hidden syllables, and since this is always reflected in oral discourse, it functions as a hesitation means as well.

e.g.

ArmR1 #8

13. ..(0.3) č(ə)hrajarvi ənkero'ĵ ar'aĵarkic'

č-hrajarv-i ənkero'-ĵ ar'aĵark-ic'

not-refuse-DES:PRES:3SG friend:SG-GEN offer:SG-ABL

so that he does not refuse his friend's offer

Overall, almost all the selected parameters (except the prolonging of the vowel /u/) were found in the Armenian discourse and were worth analyzing with more or less significance for each of the case.

Chapter 3. ITALIAN DISCOURSE PECULIARITIES

Several researches are made on the Italian discourse, ("Conflict Discourse in Italian Film Scripts", R. Piazza, available at http://www.public.iastate.edu/~goodwin/conf/piazza.pdf, Bayley, P. (1988). Textuality and Rhetoric in TV News Discourse. Studi Italiani di Linguistica Teorica ed Applicata, Diadori, P. (1992). La lingua dei telegiornali italiani degli anni '90. Studi Italiani di Linguistica Teorica ed Applicata, etc.), however, Italian oral discourse was not studied in a typological perspective in general and in comparison with the Armenian oral discourse, in particular, therefore, this results in a number of gaps in theoretic and practical terms.

As well as in case of the Armenian language the phonetic system and the intonation of the Italian language have a crucial impact on the characteristics of Italian oral discourse. The peculiarities are related with its particular phonetic system and intonation patterns.

A key issue in Italian phonology is syllabification. In Italian a syllable often consists of group vowels, there can be up to 6 consecutive vowels in a word, and there can be no more than 3 vowels in a syllable. This accounts for the presence of diphthongs and triphthongs in Italian. The average Italian word consists of 9.36 phonemes [C. Marello, 2000], among which 64% are composed of 4 or 5 syllables. The most common type of an Italian syllable is CV and CCV.

The following observations about vowels in Italian are worth mentioning. Vowels in stressed, open syllables are long word-internally. Vowels in stressed, open syllables are short word-finally (though stressed).

The onset of the following syllable closes the preceding syllable if a word-final vowel is stressed due to gemmination. The presence of the gemmination of a word initial consonant when preceded by a stressed vowel is typical of the Italian phonology (Raddoppiamento Sintattico).

One of the significant issues in Italian is connected with the lexical stress position. In majority of cases the stress is fixed in a penultimate position (68%), however, it is often the case that the stress is on the third or forth syllables from the end. An additional prosodic peculiarity of Italian is that there is often no word Foot boundary.

Figure #4.

	Record Time (sec.)	Net Speaking (sec.)	Silent Pauses (sec.)	Filled Pauses (sec.)	Pause Time (sec.)	Internal pauses (№)	Boundary pauses (№)	Lines (№)
Italian R1	**72.25**	**50.9**	**17.4**	**3.8**	**21.4**	**16.5**	**17.5**	**29.6**
Italian R2	**72.55**	**57.9**	**11.4**	**4.6**	**30.5**	**17.9**	**10.4**	**19.9**
Italian R1: Italian R2	**1 : 1**	**1 : 1.4**	**1.5 : 1**	**1 : 1.2**	**1 : 1.4**	**1 : 1.08**	**1.7 : 1**	**1.5 : 1**

The most important peculiarities of hesitation observed in our Italian corpus are: a great number of prolonged vowels, frequent absence of word foot boundary and loss of gemmination in

case of word foot boundary absence. The vowel prolonging in Italian is expressed in a significant number.

The parameters that were chosen as key ones for the research showed the following results for the Italian language.

Line numbers in ItR1 is almost ½ times more with respect to ItR2, they correlate in 1.5:1 respectively. Analyzing record time and net speaking time (without filled and silent pauses) the following observations can be made for the Italian language. ItR1 and ItR2 average record time correlate in 1:1.004, i.e. ItR2 exceeds ItR1 for 0.4%, net speaking correlation is 1:1.4, i.e. in contrast to record time in the case of which there is very small difference between ItR1 and ItR2 the difference in net speaking is 40%. This shows that in spite of the fact that the record time is almost equal in ItR1 and ItR2 the net speaking time difference is 100 times more in comparison to record time. Hence, its filled and silent pauses are more for 17% in ItR1 than in ItR2.

In contrast to the Armenian discourse in which consonants undertake the leading part for expressing hesitation, in the Italian discourse this function is shifted to the vowel system. Different vowel modifications and combinations serve as hesitation means.

Figure #5.

	Prolonged Vowel (№)	**Prolonged Vowel (sec)**						**Prolonged Vowel (sec)**
		a	**o**	**i**	**ə**	**e**	**u**	
Italian R1	**9.5**	**2.3**	**1.0**	**0.5**	**-**	**4.6**	**0.3**	**5.8**
Italian R2	**10.6**	**1.4**	**0.6**	**0.9**	**-**	**3.4**	**-**	**6.025**
ItalianR1: Italian R2	**1 : 1.1**	**1.6 : 1**	**1.7 : 1**	**1 : 1.8**	**-**	**1.3 : 1**	**0 : 0.3**	**1 :1.03**

Vowel prolonging in Italian is expressed in a significant number and it is the most frequent case of hesitation. The correlation of prolonged vowel number and the number of lines reaches up to 1.9 prolonged vowel per one line (1.9:1)!

e.g.

ItR1 #1

41. si /presenta-a(1.6) ==
    si present-a
    itself present-PRES:3SG
    it presents

42. ...(0.1) si presenta a /casa || ...(0.5) yy(1.1) alla /sua \/famiglia, ...(0.6) yy(0.3) ...(0.1) con
    si present-a a cas-a a-ll-a su-a famigli-a con
    itself present-PRES:3SG at home-SG:F to-DET-SG:F his-SG:F family-SG:F with
    it presents at home to his family with
    una-a(1.5) || ...(0.5) ym(1.1) con un'/\automobile-e(0.2) ...(0.2) yy(0.3) \/giocatolo ==
    un-a con un'-automobil-e giocatol-o
    IND-SG:F with IND:SG:F-car-SG:F toy-SG:M
    one with one toy car.

The average correlation of prolonged vowel number and line number in ItR1 is almost 1:3 respectively, i.e. one prolonged vowel per three lines, whereas for ItR2 it increases in favor of the prolonged vowels forming 1:2 respectively, i.e. one prolonged vowel per 2 lines. The average duration of a prolonged vowel is 0.6 sec.

The succession of prolonged vowels in ItR1 with respect to their frequency is: /e/, /a/, /o/, /i/ (no case with /ə/), whereas in ItR2 we have the following succession: /e/, /a/, /i/, /o/ (no case with /ə/ and /u/). In both cases /e/ functions as the most active phoneme as a hesitation means which can be accounted for the facts that there are a number of nouns ending in /e/, the conjunction 'e' (and) is expressed by this phoneme, certain verb forms have /e/ in the end, etc. however, the most important one among these is that the conjunction 'e' (and) consists of only this phoneme and it is often used as a hesitation means both in the prolonged form and in a non-prolonged form serving as a discourse marker.

Figure #6.

	Prolonged Consonant (№)	/-h/ (№)	/-h/ (sec)	Prolonged Cons. (sec)	Other	Prolonged word (№)	False-start (№)
			h	other	thm		
Italian R1	-	-	0.05	0.19	0.1	-	7.25
Italian R2	0.5	0.4	0.125	0.125	0.21	0.4	3.9
Italian R1: Italian R2	1:2	0 : 0.4	1 : 2.5	1.5 : 1	1 : 2.1	0 : 0.4	1.9 : 1

The consonants also function as a hesitation means, however, in comparison with the vowel participation it is much less. In ItR1 there was no case with prolonged consonant at all, and in ItR2 the average number was 0.5 which is almost 21 times less than with vowels. There were also sporadic cases with prolonged /h/ and filled pause /thm/.

Chapter 4. CONCLUSION

The results of the research showed that Italians generally speak longer than Armenians both in R1 and in R2 as well as both in case of record time and net speaking time. In case of record time R1 the Italian speeches last for 10% longer than Armenian ones, in case of R2 Italian texts are longer for 20%. As for Net speaking peculiarities for Armenian and Italian in R1 Italian texts last longer for 40% than Armenian ones, whereas in R2 they are longer only for 6%. In R1 internal pauses in Italian are more for 30% than in Armenian, whereas in R2 it is right the contrary, in Armenian they are more for 30%. In the case of boundary pauses Italian is dominating in both cases, for 20% in R1 and for 10% in R2.

Figure #7.

	Record Time (sec.)	Net Speaking (sec.)	Silent Pauses (sec.)	Filled Pauses (sec.)	Pause Time (sec.)	Internal pauses (№)	Boundary pauses (№)	Lines (№)
Armenian R1	64.25	47.8	10.35	6.1	15.45	12.9	15	27.4
Armenian R2	59.7	48.4	5	6.4	12.6	23.25	9.4	24.25
Armenian R1: Armenian R2	1.08 : 1	1 : 1.0	2.07 : 1	1 : 1.05	1.2 : 1	1 : 1.8	1.6 : 1	1.3 : 1
Italian R1	72.25	50.9	17.4	3.8	21.4	16.5	17.5	29.6
Italian R2	72.55	57.9	11.4	4.6	30.5	17.9	10.4	19.9
Italian R1: Italian R2	1 : 1	1 : 1.4	1.5 : 1	1 : 1.2	1 : 1.4	1 : 1.08	1.7 : 1	1.5 : 1
Armenian R1: Italian R1	1 : 1.1	1 : 1.06	1 : 1.7	1.6 : 1	1 : 1.4	1 : 1.3	1 : 1.2	1 : 1.08
Armenian R2: Italian R2	1 : 1.2	1 : 1.14	1 : 2.3	1.4 : 1	1 : 2.4	1.3 : 1	1 : 1.1	1 : 1.2

The data concerning the consonant system is more abundant for the Armenian discourse. Means that are typical of only Armenian oral discourse such as glottal /h/ (it is sporadically presented in Italian as well) in the end, the emersion of hidden /ə/ or the great number of prolonged consonants. Even though consonant prolonging is present both in the Armenian and

Italian discourse the quantitive factor is definitely in favor of the Armenian language – in R1 Armenian correlates with Italian for 1.6:0 respectively, in R2 the correlation is 8.8:1 respectively.

Figure #8..

	Prolonged Consonant (№)	/-h/ (№)	/-h/ (sec)	Prolonged Cons. (sec)	Other	Prolonged word (№)	False-start (№)
			h	other	thm		
Armenian R1	1.6	1.75	0.49	0.35	0.9	0.75	1.75
Armenian R2	4.4	9.1	3.06	1.36	2.21	3.1	3.6
Armenian R1: Armenian R2	1 : 2.75	1 : 5.2	1 : 6.25	1 : 3.9	1 : 2.5	1 : 4.1	1 :2.05
Italian R1	-	-	0.05	0.19	0.1	-	7.25
Italian R2	0.5	0.4	0.125	0.125	0.21	0.4	3.9
Italian R1: Italian R2	0 : 0.5	0 : 0.4	1 : 2.5	1.5 : 1	1 : 2.1	0 : 0.4	1.9 : 1
Armenian R1: Italian R1	1.6 : 0	1.75 : 0	9.8 : 1	1.8 : 1	9 : 1	0.75 : 0	1 : 4.15
Armenian R2: Italian R2	8.8 : 1	22.7 : 1	24.5 : 1	10.9 : 1	10.5 : 1	7.75 : 1	1 : 1.08

In the case of vowel participation as hesitation marker the dominant participant definitely becomes Italian. In terms of quantity the target languages have 1:2.5 (ArmR1:ItR1) and 1:3.7 (ArmR2:ItR2) correlation. The difference is even greater if we compare the average duration of the vowels: 1:6.4 (ArmR1:ItR1) and 1:6.4 (ArmR2:ItR2).

Figure #9.

	Prolonged Vowel (№)	Prolonged Vowel (sec)						Prolonged Vowel (sec)
		a	o	i	ə	e	u	
Armenian R1	3.75	0.15	0.05	0.9	0.35	0.3	-	0.9
Armenian R2	2.9	0.24	0.025	0.25	0.3	0.14	-	0.94
Armenian R1: Armenian R2	1.3 : 1	1 : 1.6	2 : 1	3.6 : 1	1.2 : 1	2 : 1		1 : 1.04
Italian R1	9.5	2.3	1.0	0.5	-	4.6	0.3	5.8
Italian R2	10.6	1.4	0.6	0.9	-	3.4	-	6.025
ItalianR1: Italian R2	1 : 1.1	1.6 : 1	1.7 : 1	1 : 1.8	-	1.3 : 1	0 : 0.3	1 :1.03
Armenian R1: Italian R1	1 : 2.5	1 : 15.3	1 : 20	1.8 : 1	0.35 : 0	1 : 15.3	0 : 0.3	1 : 6.4
Armenian R2: Italian R2	1 : 3.7	1 : 5.8	1 : 24	3.6 : 1	0.3 : 0	1 : 24.3	-	1 : 6.4

The research showed that alongside a number typologically general techniques for smoothing speech disfluencies the target languages apply particular ones that are typical of only Armenian or Italian.

REFERENCES

1. Гармаш Н.Г. (1999). *Влияние хезитации на организацию устного детского дискурса.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: МГУ

2. Кибрик А.А., Паршин П.Б., энциклопедия «Кругосвет», available at: www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a9.htm

3. Кибрик, А.А., Подлесская В.И. (2003) К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования. *Научно-техническая информация*, серия 2, 5-11.

4. Bayley, P. (1988). Textuality and Rhetoric in TV News Discourse. Studi Italiani di Linguistica Teorica ed Applicata

5. Chafe, Wallace (1994). *Discourse, consciousness, and time*. Chicago: Univerity of Chicago Press

6. Cioni, Lorenzo (1997). *An algorithm for the syllabification of written Italian*, "V Simposio Internacional de Communicacion Social", Santiago de Cuba, January 22-24

7. "Conflict Discourse in Italian Film Scripts", R. Piazz available at: http://www.public.iastate.edu/~goodwin/conf/piazza.pdf

8. Diadori, P. (1992). La lingua dei telegiornali italiani degli anni '90. Studi Italiani di Linguistica Teorica ed Applicata

9. D'Imperio, M. and S. Rosenthall. (April 1998) *Phonetics and Phonology of Italian Main Stress*, Twenty-Eighth Linguistics Symposium on Romance Languages, University Park, Penn

10. Esposito, A. & Di Benedetto, M. G. (1999) *Acoustic and perceptual study of gemination in Italian stops*. Journal of the Acoustic Society of America

11. Givon, Talmy (1993). *Coherence in text, coherence in mind. Pragmatics and cognition*, vol. 1-2

12. Jahukyan, G.B. (1980) *The Armenian Language*, Yerevan

13. Mann, William, Christian Matthiessen, and Sandra Thompson (1992). *Rhetorical structure theory and text analysis.* In: Man, William, an Sandra Thompson. (ed.) 1992. Discourse description. Amsterdam: Benjamins

14. Marello, C. (2000), *Le parole dell'italiano*, Zanichelli editore, Bologna

15. McCrary, Kristie. *Syllable Structure vs. Segmental Phonotactics: Geminates and clusters in Italian Revisited*, University of California, Los Angeles

16. Tannenbaum, P.H., Williams, F., Hillier, C.S., (1965): Word predictability in the environments of hesitation. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour*. Vol. **4**

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «СУБЪЕКТ ДЕЛОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» В УЧЕБНОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ

Шевченко В.Д.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия объектом исследования для многих лингвистов стали когнитивные аспекты функционирования лексических единиц и грамматических конструкций. При этом в рамках такого рода исследований ставится цель детально описать концептуальные структуры и фреймы слов, реализуемых в различных дискурсах.

В проведенном исследовании нами был рассмотрен процесс актуализации концепта «субъект деловой деятельности» в учебном деловом дискурсе. Учебный деловой дискурс, по нашему мнению, является подвидом педагогического дискурса, в котором дискурсивные стратегии – последовательности интенций речевых действий в типовой ситуации социализации – направлены на познание основных особенностей процесса деловой коммуникации в современном мире.

Следует отметить, что средствами актуализации особых информационных структур, отражающих знание и опыт человека – концептов, служат лексические единицы, фреймы которых организованы вокруг соответствующих концептов и содержат основную, типичную и потенциально важную информацию, ассоциированную с тем или иным концептом (Гончарова (1999)).

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ СЛОВА “BUSINESS”

В семантической структуре существительного ***business*** присутствуют такие семы, как person, firm, company. При употреблении данной лексической единицы в аутентичных пособиях по деловой коммуникации можно обратиться к единому *фрейму интерпретации*, который предполагает: (1) понимание того, что для выполнения широкого спектра видов деловой деятельности необходимо функционирование множества различного рода фирм, компаний, организаций, частных лиц и т.п.; (2) понимание того, что данные субъекты деловой деятельности выполняют определенные, присущие только им функции, и что функции эти отличаются разнообразием; (3) понимание того, что данные субъекты деловой деятельности отличаются друг от друга количеством персонала, прибылью, количеством и размерами производственных площадей, офисных помещений и т.п. Вся эта информация актуализируется в сознании человека при восприятии слова ***business*** в учебном деловом дискурсе. Имплицитное владение этой специфической организацией нашего физического и социального мира обеспечивает концептуальный базис для довольно значительного корпуса лексического материала. На этом основании можно сделать вывод, что для актуализации концептов, относящихся к деловой сфере общечеловеческой деятельности, используется определенный корпус лексических единиц.

Фрейм, вводимый при восприятии лексической единицы ***business***, является единицей знаний, организованной вокруг концепта «субъект деловой деятельности» как абстракции, обобщающей значения ряда своих языковых реализаций (Воркачев (2001)).

Существительное ***business***, по нашему мнению, выполняет функцию языковой реализации концепта «субъект деловой деятельности» в следующих примерах:

Anything owned by a ***business*** (cash, investments, buildings, machines, and so on) that can be used to produce goods or pay liabilities. (EBS, p. 65).

Commercial or retail banks are ***businesses*** that trade in money. (EBS, p. 70)

Как видно из данных примеров, существительное ***business*** может употребляться во множественном числе и с неопределенным артиклем, что говорит об ослаблении в рамках

его семантической структуры абстрактного значения действия и приобретении значения «предприятие, фирма», которое является составной частью концепта «субъект деловой деятельности».

ФРЕЙМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО “BUSINESS”

Фрейм, возникающий в сознании коммуниканта при обращении к слову ***business*** и актуализирующий при этом концепт «субъект деловой деятельности», можно представить и схематично в виде таблицы, организованной (согласно методике И.М. Кобозевой) следующим образом:

BUSINESS (концепт «субъект деловой деятельности»)

Название слота	**Содержание слота**
1. Схема	Один из участников деловой деятельности.
2. Состав	В состав входит определенное количество людей, каждый из которых выполняет определенные функции.
3. Функции	Выполняет широкий спектр функций по производству, продаже, покупке, инвестированию, обмену продукцией, услугами, информацией.
4. Основные свойства	Имеет в своем распоряжении офисные и/или производственные помещения, транспорт, офисную мебель, средства связи, компьютерную, копировальную технику, оборудование, станки, машины, денежные средства, активы, которые служат средствами выполнения деловой деятельности.
5. Внутренняя структура	Имеет владельца, руководителя (директор, президент), подчиненных ему работников; состоит из отделов, бюро, каждое из которых имеет своего руководителя.
6. Общая структура	Может иметь филиалы, подразделения, в том числе и в других городах, странах, выполняющих такие же или другие функции.
7. Расположение	Находится в городах, других населенных пунктах.
8. Жизнедеятельность	Может прекратить свое существование, сменить спектр выполняемой деятельности, войти в состав других субъектов деловой деятельности; сотрудничает с другими субъектами деловой деятельности.
9. Подчиненность	Деятельность регулируется законодательством страны, международным правом, этическими нормами.
10. Объектность	Является объектом внимания со стороны других субъектов деловой деятельности, прессы, государственных органов, населения.

Следует отметить, что использование подобных схем-фреймов стало возможным благодаря разработкам, выполненным в русле когнитивного направления, получившего признание в современной лингвистике (Кобозева (2000), Филлмор (1988), Фрумкина (1992)). На основе фактического материала легко проследить, как все слоты данного фрейма актуализируются в сознании коммуникантов при реализации слова в рамках учебного делового дискурса:

Слот № 1:

Its shares are listed on sixteen stock exchanges in nine countries and it is active in about 100 ***businesses***. (BV, p. 62)

Слот № 2:

In a free enterprise, private-property system, a corporate executive is an employee of the owners of the ***business***. (EBS, p. 107)

Слот № 3:

...an economic system in which anyone can attempt to raise capital, form a ***business***, and offer goods or services. (EBS, p. 108)

Small ***businesses*** are the main customers. (BV, p. 35)

Keynesians believe that a government can increase the money supply without people noticing it, so that they spend more, and ***businesses*** invest more. (EBS, p. 135)

Advertising is essential for ***business***, especially for launching new consumer products. (EBS, p. 58)

Слот № 4:

Anything owned by a ***business*** (cash, investments, buildings, machines, and so on) that can be used to produce goods or pay liabilities. (EBS, p. 65)

Слот № 5:

The owner's last ***business*** went bust. (BV, p. 62)

Most ***businesses*** are organized as hierarchies, with a clear chain of command: a boss who has subordinates, who in turn have their own subordinates, and so on. (EBS, p. 20)

Слот № 6:

Businesses that cannot be divided into autonomous divisions with their own markets can stimulate decentralization, setting up divisions that deal with each other using internally determined transfer prices. (EBS, p. 19)

Слот № 7:

Accounting ***business*** in New York. (EBS, p. 64)

Слот № 8:

In the 1960's, a big wave of takeovers in the US created conglomerates – collections of unrelated ***businesses*** combined into a single corporate structure. (EBS, p. 99)

Top managers also have to manage a ***business's*** relations with customers, suppliers, distributors, bankers, investors, neighbouring communities, public authorities, and so on, as well as deal with any major crises which arise. (EBS, p. 13)

Слот № 9:

Milton Friedman, while dismissing the notion of "social responsibility", still argues that a ***business*** must conform to the basic rules of society. (EBS, p. 109)

That responsibility is to conduct the ***business*** in accordance with their desires, which generally will be to make as much money as possible, while of course conforming to the basic rules of the society, both those embodied in law and those embodied in ethical custom. (EBS, p. 107)

Слот № 10:

Raiders and their supporters argue that the permanent threat of takeovers is a challenge to company managers and directors to do their jobs better, and that well-run ***businesses*** that are not undervalued are at little risk. (EBS, p. 100)

ПЕРЕНОС ЗНАЧЕНИЯ

Следует отметить, что фрагменты знаний, которые составляют содержание слотов, актуализируются при помощи контекста. Фрейм, вводимый посредством существительного ***business***, организован вокруг концепта «субъект деловой деятельности», поскольку все слоты фрейма отражают его базовые характеристики, т. е. могут быть объединены в рамках семантического образования высокой степени абстракции, каким является концепт. Поскольку концепт представляет собой абстракцию, обобщающую значения ряда своих языковых реализаций, существуют и другие лексические единицы, способные реализовывать данный концепт.

Процесс изменения значения, произошедший в семантической структуре анализируемой лексической единицы, основывается на метонимическом переносе. В качестве денотата I для единицы ***business*** выступает один из видов общечеловеческой деятельности, целью которой является, в основном, покупка и продажа товаров и услуг. В качестве объекта вторичной номинации (денотата II) выступает определенная фирма, компания, организация и т.п., выполняющая эту деятельность. Перенос значения при этом основывается на общем для обоих денотатов признаке «деятельность, выполнение определенных функций».

В результате номинации денотата II сема «деятельность» отходит на второй план и при этом происходит актуализация в семантической структуре слова новых сем – «организация, занимающаяся деловой деятельностью». Индуцирование новых сем стало возможным благодаря актуализации в сознании коммуниканта потенциальных сем («выполнение определенной деятельности»), которые являются общими для прямого и переносного значений. Присутствие в семантической структуре слова потенциальных сем обусловлено взаимоотношением между лексическим содержанием слова и объектом или фрагментом реальной действительности, который оно отражает. Потенциальные свойства объектов способны отражаться в значении слова, на котором основан фрейм, в виде потенциальных сем, способных актуализироваться при определенных условиях.

ПРАГМАТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛОВА “BUSINESS”

Прагматические аспекты использования существительного ***business*** для актуализации концепта «субъект деловой деятельности» связаны с ситуативной основой контекста, включающей степень формальности ситуации, временные и пространственные параметры, ролевые отношения коммуникантов. Дейктический и дискурсивный контексты учебного делового дискурса содержат указания на временные условия (показатель last в примере для слота № 5), пространственные условия (пример для слота № 6), ролевые отношения коммуникантов (примеры для слотов № 4, 8). В процессе категоризации использовался концепт «субъект деловой деятельности». Ситуации, описанные в примерах, характеризуются как формальные.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование слова в новом для него контексте и последующий сдвиг в семантической структуре слова приводят к образованию нового фрейма, организованного вокруг нового концепта. Формирование нового фрейма происходит постепенно. Следует отметить, что данный процесс обусловлен, прежде всего, различиями прагматического характера в контекстуальном окружении слова. Именно благодаря фактору связи с другими словами и с разнообразными ситуациями коммуникации в целом происходит «энциклопедическое» наполнение слотов фрейма фрагментами знаний, оперирование которыми позволяет глубже понять как семантическое содержание лексической единицы, так и необходимые параметры ее употребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании//Филологические науки, 2001, № 1. С. 66 – 71.

2. Гончарова Н.Ю. Формирование фактообразующего значения в рамках когнитивного подхода//Филология и культура: Тезисы II-й Международной конференции. 12-14 мая 1999 г./Отв. Ред. Н.Н. Болдырев: В 3 ч. Ч. 1. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. С. 29 – 32.

3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 С.

4. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52 – 92.

5. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога//НТИ. Сер. 2. Информ. Процессы и системы. 1992. № 3. С. 3 – 8.

ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Simon Sweeney, English for Business Communication, Cambridge University Press, 1999. (EBC)

2. Ian MacKenzie, English for Business Studies, Cambridge University Press, 1999. (EBS)

3. Graham Tullis, Tonya Trappe, New Insights into Business, Longman, 2001. (NIIB)

4. Michael R. Sneyd, International Banking and Finance, Prentice Hall, 1992. (IBF)

5. Roger Barnard, Jeff Cady, Business Venture 2, Oxford University Press, 1994. (BV)

6. Sue Robbins, First Insights into Business, Longman, 2001. (FIIB)

COGNITIVE ASPECTS OF CONCEPT ACTUALIZATION "SUBJECT OF BUSYNESS ACTIVITY" IN THE COMBINED ACADEMIC AND BUSINESS DISCOURS [39]

Vyacheslav Shevchenko [40]

ABSTRACT

The article deals with the study of lexical units used for realization of the "business activity subject" concept in the combined academic and business discourse. The process of its realization is revealed within the framework of discourse and frame analyses.

KEYWORDS

cognitive semantics, concept actualization, frame

[39] © Vyacheslav Shevchenko, 2004

[40] Samara State University, English Department, slavshev@samaramail.ru, slash99@mail.ru

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЗАГАДКА КАК МОДЕЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Сергей Щербаков

1. ВВЕДЕНИЕ

В классической психологии способностей интеллект понимается как умение решать четко сформулированные проблемы, обладающие, как правило, единственным решением. Ограниченность подобной трактовки уже давно является предметом критики как отечественных, так и зарубежных психологов (Д.Б. Богоявленская, Дж. Гилфорд, В.Н. Дружинин, Э. Торренс и др.). "Открытость" и неоднозначность интеллектуальных феноменов подчеркивает М. А. Холодная (Холодная, 2002, с. 28).

В этой ситуации ряд ведущих исследователей проблемы когнитивных способностей (Д. Б. Богоявленская, Р. Штернберг и др.) выступают с критикой академизма современной психологии интеллекта. Так, Д. Б. Богоявленская и Р. Стернберг называют систему диагностики интеллекта “порочным кругом тестирования”, в процессе которой один тест сопоставляется с другим (Богоявленская, 2002; Штернберг, 2000).

Необходимость опоры на здравый смысл при изучении интеллектуальных феноменов подчеркивают и представители т. н. "контекстуального интеракционизма". Причисляя IQ "к царству хоббитов", М. Андерсен критикует механицизм психометрического подхода к интеллекту (цит. по: Смит, 2003, с. 218).

К примеру, большое число исследований в рамках кросс-культурной психологии посвя-щено т. н. "бытовому познанию". В частности, А. Д. Шлиман и Д. У. Каррахер "… подвер-гают сомнению когнитивный анализ, который строится исключительно на лабораторных исследованиях" (Мацумото, 2003, с. 233).

Во втором разделе данной работы излагаются теоретические предпосылки данного ис-следования, в третьем описаны использованные методики, в четвертом представлены экс-периментальные результаты, а последняя часть посвящена выводам и перспективам.

2. ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

О метафорической способности – возможности создавать метафоры – как о творческой способности говорил еще Аристотель [2]. Как известно, в основе метафоризации лежит расплывчатость, неточность и многозначность обыденных понятий, которыми оперирует человек. Предположение о том, что понимание и конструирование метафоры тесно связа-но с интеллектуальными способностями личности, высказывают ряд российских и зару-бежных ученых (Е. Ю. Артемьева, Э. Кассирер, Д. Лакофф, П. Рикёр, М. А. Холодная и др.). В частности, Х. Ортега-и-Гассет указывает, что "…метафора служит не только наи-менованию, но и мышлению", и что она "…удлиняет руку интеллекта" (Ортега-и-Гассет, 1990, с. 71-72).

В нашем исследовании критерием метафоричности служил уровень успешности реше-ния русских народных загадок. Наиболее простое и ёмкое определение загадки дает Ари-стотель, понимавший последнюю как “хорошо составленную метафору" (Аристотель, 1998, с. 743). Отечественный литературовед С. Г. Лазутин пишет, что "… подавляющее число загадок является метафорическими" и подчеркивает, что метафора – душа загадки (Лазутин, 1973, с. 34). Одна из ведущих исследователей этого жанра устного народного творчества В. В. Митрофанова выделяет такие особенности загадки, как иносказатель-ность, метафоричность, проблемность и наличие отгадки (Митрофанова, 1968).

И. И. Ревзин, предполагая важность загадок как неотъемлемого элемента народной пе-дагогики, определял загадку, как "… минимальный связный текст, побуждающий к непосредственной деятельности (нахождению денотата)" (Ревзин, 1975, с. 90). Ю. И. Ле-вин, трактуя загадки как "... намеренно трансформированное описание реальности",

подчеркивал принципиальные трудности алгоритмизации и формализации семантической процедуры отгадывания загадки (Левин, 1973, с. 166).

Важную роль загадок как неотъемлемого атрибута архаических культур отмечает Й. Хейзинга. Называя загадку "священной игрой", находящейся на грани "серьезного и несерьезного", этот философ подчеркивает фундаментальную роль игрового первоначала в структуре общественного сознания (Хейзинга, 2001). Л. Витгенштейн, иллюстрируя понятие "языковой игры", наряду с такими классическими образцами интеллектуальной деятельности, как выдвижение и проверка гипотез, решение арифметических задач, приводит в качестве примера и разгадывание загадок (Витгенштейн, 2003).

Хотя экспериментальная психология мышления и интеллекта имеет более чем вековую историю, загадкам посвящались лишь единичные исследования. Подобные задачи счита-ются прерогативой возрастной психологии, и объектом изучения чаще всего оказываются дети (Непомнящая, 2001, с. 67-169). Отметим, что загадки входят в набор тестовых зада-ний популярного в США теста интеллектуальных достижений А. С. Кауфмана - Kaufman Assessment Battery for Children (KABCsampler.pdf).

Планируя эксперимент, мы исходили из гипотезы о том, что успешность решения зага-док, представляющих собой пример проблемных ситуаций, использовавшихся народом для "стихийной диагностики" сообразительности и смекалки, так или иначе связана с уров-нем психометрического интеллекта взрослых испытуемых.

3. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В экспериментах, проводимых со студентами 2 курса факультета романо-германской филологии Башгосуниверситета, использовались три подборки русских народных загадок, взятых из академического сборника, подготовленного В. В. Митрофановой (Митрофанова, 1968). Каждая экспериментальная серия состояла из тематически однородных загадок: в первой серии (12 заданий) испытуемые решали загадки, посвященные природным явлениям (дождь, снег, сугроб и т.д.), во второй (10 заданий) - использовались загадки, связанные с человеком и частями его тела (зубы, язык, рот и т.д.), а в последней (10 заданий) студентам предлагались загадки из мира животных.

В эксперименте участвовали 130 человек, 122 девушки и 8 юношей, в возрасте от 17 до 20 лет. Опыты проводились с учебными группами во время лабораторных занятий по пси-хологии, на решение каждого цикла предоставлялось не более 30 минут. Отдельное заня-тие было посвящено диагностике интеллекта по тесту Р. Амтхауэра в модификации В. Н. Дружинина (Дружинин, 1999).

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Описывая полученные результаты, необходимо отметить, что ряд заданий оказались до-статочно трудными для данного контингента испытуемых. Например, такие загадки, как "Маленький конек все озеро выпил", или "Стоит свекровь на току и грозится на сноху" во-обще никто не решил. Хотя экспериментальные задания были организованы в тематически однородные циклы, лишь одна испытуемая высказала предположение, что загадки подобраны по тематическому принципу. Средняя успешность решения загадок первой серии составила 1.2, второй – 3.3, а третьей – 0. 6 загадки.

Результаты выполнения теста Р. Амтхауэра значительно стабильнее: средние индексы успешности решения вербального, арифметического и геометрического субтестов данной методики равны, соответственно, 4.8, 4.1 и 5.8.

Сопоставление успешности решения загадок с индексами с показателями интеллектуальной компетентности по Р. Амтхауэру с помощью непараметрического коэффициента корреляции Кендалла выявило большое количество значимых взаимосвязей ($p<0,05$), выделенных жирным шрифтом в таблице 1.

Нормальность распределения суммарных результатов выполнения теста Р. Амтхауэра, проверенная с помощью критерия "хи-квадрат", позволила применить аппарат

линейного регресссионного анализа, в котором предиктором являлось количество решенных загадок,

Таблица 1. Интеркорреляционная матрица связей интеллектуальной компетентности по Р. Амтхауэру с успешностью решения загадок

	Вербальный субтест	Арифметический субтест	Геометрический субтест	Суммарный интеллект	Успешность решения загадок
Вербальный субтест	1,00	0,10	**0,19**	**0,36**	**0,20**
Арифметический субтест	0,10	1,00	**0,40**	**0,65**	**0,21**
Геометричес-кий субтест	**0,19**	**0,40**	1,00	**0,74**	**0,35**
Суммарный интеллект	**0,36**	**0,65**	**0,74**	1,00	**0,34**
Успешность решения загадок	**0,20**	**0,21**	**0,35**	**0,34**	1,00

а регрессором – успешность выполнения теста Р. Амтхауэра. В целом линейная зависи-мость между общей успешностью решения загадок (X) и количеством правильно решен-ных заданий по тесту Р. Амтхауэра (Y) описывается следующим уравнением ($p<0,01$):

$$Y = 9,6 + X \qquad (1)$$

В процессе анализа ответов испытуемых оказалось, что по целому ряду заданий студен-там удалось подобрать ответы, не совпадающие буквально с правильными, но в целом не менее удачные. Например, ответом на загадку: "Черная кошка лижет окошко" является "ночь". Ответ "дворники на стекле автомобиля" оценивался как не менее удачный и засчи-тывался в качестве решения. Это обстоятельство, уже описанное в литературе (Левин, 1973), повысило вариативность ответов испытуемых и сделало возможным сопоставление "условной успешности" решения отдельно взятых загадок с психометрическим интеллек-том.

С помощью пошагового регрессионного анализа удалось получить линейную зависи-мость между суммарной успешностью решения отдельных загадок (X) и интеллектом (Y) всего лишь по семи экспериментальным заданиям: ($p<0,01$):

$$Y = 9,5 + 1,6X$$

5. ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Сопоставление продуктивности выполнения теста Р. Амтхауэра с успешностью ре-шения русских народных загадок студентами обнаружило тесную связь между интеллек-туальной компетентностью по Р. Амтхауэру и количеством правильно решенных загадок.

2. Анализ успешности решения отдельных загадок позволил построить ряд достоверных линейных регрессионных зависимостей между суммарной успешностью отдельных набо-ров загадок и индексами интеллектуальной компетентности по Р. Амтхауэру.

3. В результате проведенных экспериментов можно сделать вывод о том, что загадка представляет собой прототип интеллектуального теста, входившего в систему народной психологии и педагогики. Интеллектуальные возможности студентов, выявляемые с по-мощью загадок, сопоставимы с показателями классического теста на когнитивные способ-ности, и загадки могут быть использованы как один из методов "неклассической" диаг-ностики интеллекта.

4. Мы считаем, что на основе полученных результатов можно высказать предположение о принципиальной важности комплексного психологического и

лингвистического изуче-ния таких форм стихийной интеллектуальной деятельности, как загадки, пословицы, юмор и т. д. для понимания такого сложного феномена, как интеллект человека. Следуя за Л. Витгенштейном и К. Апелем (Витгенштейн, 2003; Апель, 2001), вышеуказанные явления можно рассматривать как своеобразные "трансцендентальные нормативные языковые иг-ры", играющие большую роль в процессе социализации индивида. В этой связи такой сложный и неоднозначный феномен, как загадка, можно рассматривать как своеобразную комплексную лингвопсихологическую модель для исследования интеллекта человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апель К. О. Транформация философии. – М.: Логос, 2001.

2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Мн.: Литература, 1998.

3. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр "Академия", 2002.

4. Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М., 2003, С. 220-546.

5. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. – СПб., Питер, 1999.

6. Загадки. Подгот. изд. В.В.Митрофановой. – Л.: Издательство "Наука", 1968.

7. Лазутин С. Г. Метафоры в загадках (принципы их создания, виды и идейно-эстетические функции) // Вопросы поэтики литературы и фольклора. – Воронеж, 1976, С. 34-49.

8. Левин Ю. И. Семантическая структура русской загадки // Труды по знаковым системам, т. VI. Сб. науч-ных статей в честь М. И. Бахтина (К 75-летию со дня рождения), С. 166-190. – Тарту, 1973.

9. Непомнящая Н. И. Психодиагностика личности: Теория и практика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001.

10. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. – М., 1990, С. 68-81.

11. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003.

12. Ревзин И. И. К общесемиотическому истолкованию трех постулатов Проппа (анализ сказки и теории связности текста) // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895-1970). – М., 1975, С. 77-91.

13. Смит Н. Современные системы психологии. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

14. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.

15. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования.– 2-е изд.., перераб и доп. – СПб.: Пи-тер, 2002.

16. Штернберг Р. Дж. Отточите свой интеллект. – Мн.: ООО "Попурри", 2000.

17. KABCsampler.pdf [Online]. Available: <http:www/agsnet.com.pdf>.

RUSSIAN FOLK RIDDLE AS A MODEL OF HUMAN INTELLECTUAL ACTIVITY [41]

Sergey Shcherbakov [42]

ABSTRACT

The results of performing the intelligence test were compared with the successfulness of solving Russian folk riddles. Significant correlations between the level of intellectual ability and the number of riddles solved have been discovered. Linear regression relationships between the number of riddles solved and the successfulness of performing the intelligence test have been built. An assumption that riddles may serve as a cognitive model for the investigaton of human intelligence was made.

KEYWORDS

riddle, intelligence, metaphor, language game.

[41] © Sergey Shcherbakov, 2004

[42] BashStateUniversity, Department of Psychology, Segrey@netcity.ru, ScherbakovSV@ic.bashedu.ru

КОГНИТИВНАЯ «РУСИСТИКА» (О СОЧЕТАЕМОСТИ СУБСТАНТИВА И АТРИБУТА С КОГНИТИВНЫХ ПОЗИЦИЙ)

Юдина Наталья Владимировна

Общеизвестно, что полисемичный термин «*когнитивная модель*» (cognitive model; kognitives Modell; modele cognitif) используется по меньшей мере в трех значениях (Кубрякова и др. (1996, 56-57)), среди которых выделяется «характеристика процесса категоризации в естественном языке», в соответствии с чем, например, по Лакоффу (Лакофф 1988, 31), следует говорить о четырех типах когнитивных моделей: пропозициональные, метафорические, метонимические и схематические (образные). Результатом последних является «способ представления операциональной информации» (Кубрякова и др. (1996, 179)), получивший название *схема*, а в других терминологиях *когнитивная структура, концепт*, которые могут по-разному репрезентироваться в языке, начиная от отдельных лексем и заканчивая сложными синтаксическими целыми.

В центре внимания данного исследования находятся выражающие *ментальные репрезентации* и *стереотипы* продуктивные и частотные в большинстве языков конструкции – сочетания атрибута с субстантивами в современном русском языке. Известно, что проблема лексической валентности и/или сочетаемости слов давно и активно разрабатывается в отечественной и зарубежной лингвистической научной литературе на материале разных языков и в рамках разнообразных лингвистических парадигм и концепций (см. работы Ю.Д.Апресяна, Н.Д.Арутюновой, З.Вендлера, В.Г.Гака, Б.Н.Головина, А.Греймаса, И.Дюбуа, С.Д.Кацнельсона, Дж.Мак-Коли, Л.Ю.Максимова, И.А.Мельчука, Б.Потье, Е.В.Рахилиной, В.Н.Телии, Ч.Филлмора, В.И.Фурашова и др.). В результате этих исследований в зависимости от типа сочетаемости были выявлены разного рода (фонетические, лексические, семантические, стилистические, просодические, морфологические, синтаксические и др.) особенности сочетаемости и ограничений на совместное употребление элементов, однако только в последние десятилетия было обращено достаточное внимание на более глубинные ментальные и когнитивные основы сочетаемостных возможностей лексических единиц. В недавнем прошлом лингвистами-когнитологами и психолингвистами было обращено внимание на то, что язык выстраивается в одну синтагматическую плоскость с такими когнитивными способностями человека, как мышление, воображение, память, способность к умозаключению, фантазиям, способность считать и т.д. Можно предположить, что умение соединять одни слова с другими также является особой когнитивной способностью человека. Так, не случайно, например, Е.С.Кубрякова справедливо указала на то, что в рамках когнитивного подхода к лексической семантике... "было продемонстрировано, насколько сложной интерпретации требуют, казалось бы, достаточно обычные случаи простого сочетания атрибута с существительными (типа красного карандаша)" (Кубрякова 2002, 53). В свою очередь, обращает на себя внимание и актуальная ремарка А.Р.Лурия, тонко заметившего, что прилагательные... "почти всегда требуют дополнения соответствующим существительным, выбор которого определяется как смысловой близостью, так и частотой встречающихся сочетаний (ср. "красный" - флаг, "Советский" - Союз, "спелое" - яблоко, "острый" - нож и т.д.)" (Лурия 1979, 47-48). Эта идея была подтверждена и в ходе проведенных в недавнее время ассоциативных экспериментов, выявивших, что в любом языке существуют особые образы, отражающие обычно или устойчивую сочетаемость (*темный - лес, интересный - фильм, белый - Бим черное ухо, дерево - жизни* и др.), либо уже стандартизированный концептуальный образ (*кровь - красная, рост - высокий, спать - долго*) (Попова 2000, 6-7). Думается, что, ориентируясь на предложенные А.Р.Лурия особенности "доступности" (availability) сочетаемости слов, их *лексические связи* не более актуальны, чем *контекст, привычность, частота встречаемости данного слова, установка личности* и ее

непосредственный опыт (Лурия 1979, 47-48). Так, например, далеко не лексическими связями можно объяснить субъективно-отрицательную оценку следующих прилагательных в определенных контекстах: *учебная граната* ("ненастоящая") в речи военных, *дамская диссертация* в значении "слабая, посредственная" или мелиоративный оттенок существительных при появлении при них прилагательных в словосочетаниях *спортивная злость или здоровый национализм* (Карасик 2002, 121) и под. Помимо выделенных А.Р.Лурия маркеров "доступности" (availability) сочетаемости слов, необходимо обратить внимание на фактор "ментальной" установки не отдельно взятой личности, а большинства говорящих на конкретном языке (ср. в этой связи, например, при сочетаемости глаголов: русский человек *варит кашу, суп, кофе, варенье, пиво, сталь, чугун, но готовит завтрак, обед и чай*; немцы *варят (kochen) суп, кашу, обед*, но для приготовления пива и стали у них есть другие глаголы *giessen* (сталь) и *brauen* (пиво), поляки *жарят (smazyc) варенье* и под. (Всеволодова 2000, 375). То же наблюдаем мы и при употреблении других частей речи, ср., например, рус. *крепкий чай* - англ. *strong tea* ("сильный") - кит. *густой чай*; рус. *черствый хлеб* - англ *stale bread* ("затхлый") - кит. *твердый хлеб* и др. (Карасик 2002, 132). При этом важно заметить, что, например, для русского, впрочем, как и для другого языка, (хотя при этом набор таких сочетаний будет совершенно другим!) характерны конструкции, в которых при сочетании имени прилагательного и имени существительного получается иной, третий компонент, не угадывающийся из семантики составляющих слов, ср.: ворон - *черный* ворон; отец - *святой* отец; очки - *розовые* очки, студент - *вечный* студент, дом - *белый* дом, муха - *белая* муха, радио - *сарафанное* радио и др. В плане психологического анализа процесса декодирования сообщения, на наш взгляд, эти конструкции не менее сложны, чем приведенные А.Р.Лурия конструкции родительного атрибутивного падежа, "обладающего рядом свойств, затрудняющих процессы понимания" типа *брат отца* или *отец брата* (Лурия 1979, 229), где "наглядное восприятие каждой части подобных конструкций мешает тому, чтобы воспринять их как "коммуникацию отношений" (Лурия 1979, 227-228).

Для иллюстрации тезиса об особом статусе когнитивного подхода к анализу проблемы лексической валентности в сфере имени и атрибута исследованию были подвергнуты конструкции атрибута *русский* с разного рода субстантивами. Судя по представленным в «Словаре сочетаемости слов русского языка» данным, прилагательное *русский* обладает разнообразной палитрой сочетающихся с ним существительных: «*русский народ, человек, люди, женщина, девушка, писатель, художник, поэт, композитор, артист, балерина, интеллигент, демократ, рабочий, крестьянин, солдат, путешественник, рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, общество, земля, степь, просторы, лес, природа, пейзаж, небо, зима, деревня, береза, культура, наука, искусство, литература, история, архитектура, музыка, балет, живопись, поэзия, книга, газета, журнал, фольклор, обычай, характер, дух, душа, сердце, удаль, лицо, язык, слово, алфавит, грамматика, поговорка, сказка, песня, мелодия, танец, костюм, кухня, блюдо, гостеприимство, радушие…*» (Словарь сочетаемости 2002, 581). Большинство из представленных сочетаний имеют определенный, иногда лежащий на поверхности, иногда латентный, известный далеко не каждому носителю языка смысл. Более того, необходимо заметить, что все без исключения представленные сочетания конструируются и репрезентируются в зависимости от фоновых знаний говорящего. Это относится как к конструкциям первой группы, которую составляют словосочетания, обозначающие реалии, не существующие или существующие вне России в несколько ином виде (*русская изба*, *русская рубашка* (косоворотка), *русские сапоги*, *русский самовар, русская гармонь*, *русская матрешка* и др.), так и к словосочетаниям, образующим вторую группу, куда относятся понятия, по тем или иным причинам *названные* русскими (*"Русские квартеты"*, *"Русские сезоны"*, *русская* (плясовая), "*русская партия*" (в шахматах), *русский хоккей* и др., а также ономастические названия типа *Старая Русса* (город в Новгородской области), "*Русская Америка*" (название российских владений в Северной Америке, которые в 1867г. были

проданы Россией США) и др.). Однако за рамки зеркального отражения, или репрезентирования, внешней реальности более всего выходит третья выявленная в ходе лингво-ассоциативных экспериментов группа словосочетаний, концептуальные системы которых основаны не прямо на опыте, а на ментальной образности (ср. *русская земля, русская интеллигенция, русская философия, русская идея; русский характер, русский бунт, русская хандра, русское гостеприимство; русская женщина, русская красавица; русский Иван, русский богатырь, русский медведь; русский простор, русская береза, русское поле, русская зима, русский снег, «русское чудо»; русская мафия, русский шансон, русский рок* и др.). Появившиеся в последнее время единицы номинации (ср., например, в г.Владимире магазин "Русское золото", автосалон "Русский Рим", рестораны "Русская деревня" и "Русский базар", ночные клубы "Русь" и "Русский барс", фирмы "Русский простор" и "Русский металл" и др.) во многих случаях остаются лишь наименованиями и не являются способом отражения образной мысли, обладающей гештальтными свойствами.

Тезисно представленный в виде «готовых языковых единиц», составленных из сочетаний разного рода существительных с прилагательным *русский*, языковой материал дает основания предположить, что проанализированные единицы соответствуют в ряде случаев структуре знания, служащей фоном для когнитивной переработки существующей информации как о всей русской языковой картине мира, так и о ментальном лексиконе отдельно взятой языковой личности. Сочетания же имени и атрибута в целом являются благодатным материалом для всестороннего анализа как собственно языковых явлений, так и особых процессов, связанных с "получением и обработкой, хранением и использованием, организацией и накоплением структур знания, а также с формированием этих структур в мозгу человека" (Кубрякова 1994, 34), что, собственно, и входит в сферу интересов когнитивной науки. Известно, что сочетаемость "не случайна и не свободна, но и не идиоматична" (Рахилина 2000, 3). Более того, она "национальна", хронологически ограниченна и детерминирована социумом. Умение сочетать слова друг с другом представляет собой уникальный ментальный процесс, имеющий своей реализацией показатель уровня развития отдельной языковой личности и целого языкового пространства в сфере как одного языка, так и - сверх того - большой языковой группы.

Результаты исследования, сделанного на основе лингво-ассоциативного эксперимента (более 100 респондентов), проведенного в г.Эрлангене (Германия) и г.Владимире (Россия), нашли свое применение в одной из передач «Лексикон» Владимирской государственной телерадиокампании «Владимир», посвященной проблемам речевой культуры и современного состояния русского языка, а также были использованы в качестве иллюстративного материала на Симпозиуме по русскому языку в Институте иностранных языков и страноведения при Университете Эрланген-Нюрнберг имени Фридриха-Александра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. - М., 2000.

2. Карасик В.И. Языковой круг, личность, концепты, дискурс. - Волгоград, 2002.

3. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука // ВЯ. - 1994. - №4. - С.34-47.

4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С.Кубряковой. – М., 1996.

5. Кубрякова Е.С. Композиционная семантика и ее особенности в сфере словообразования//Проблемы семантического анализа лексики. - М., 2002. - С.52-54.

6. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып.23. – М., 1988. – С.12-51.

7. Лурия А.Р. Язык и сознание. Под ред. Е.Д.Хомской. – М., 1979.

8. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях. - Воронеж, 2000.

9. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. - М.: Русские словари, 2000. - 416 с.

10. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н.Денисова, В.В.Морковкина. – М.: Изд-во АСТ, Изд-во Астрель, 2002. – 816 с.

COGNITIVE “RUSSIAN PHILOLOGY” (ABOUT COMBINATIONS "ADJECTIVE + SUBSTANTIVE" FROM THE COGNITIVE STANDPOINT) [43]

Natalya Yudina [44]

ABSTRACT

Variety of the approaches to the description of the lexical items illustrates as example on the combinations "adjective + substantive" in Russian language. A special attention is paid to the cognition method of approach to the analysis of combinations "adjective “Russian”+ substantive” and the role of these combinations for the Russian linguistic world-image and the creation of the conception about it.

KEYWORDS

cognitive model, valency, substantive, adjective «russky»(Russian)

[43] © Natalya Yudina, 2004

[44] Vladimir State Teacher’s Training University, Faculty of Linguistis, dr.yudina@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА И КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА И РЕЧИ [45] [46]

Николай Алмаев

Поскольку взаимодействие лингвистики и психологии происходит по поводу двух весьма различных предметов – языка и речи, хотелось бы разбить сообщение на две части. В первой рассмотреть принципиальные отношения между языком и психикой и, соответственно, лингвистикой и психологией; во второй обсудить, как человеческая индивидуальность раскрывается в индивидуальном употреблении языка, т.е. в речи.

Здесь, для того чтобы иметь возможность двигаться дальше, нам стоит признать, по крайней мере, ограниченную валидность интроспекции как метода получения знания. Иначе говоря, мы должны согласиться, что «ум» способен идентифицировать свои собственные акты, в частности и те, что скрыты в оперировании словами естественного языка. Если бы этой способности не было, мы не только не могли бы доверять лингвистам в их истолковании значений слов, но не могли бы доверять и самим себе в том, что касается выражения в словах того, что мы переживаем. Однако существует и непосредственно переживаемая мера полноты, «удачности» и прочих характеристик выражения, и многочисленные словари, в целом, вещь явно не бесполезная.

Не следует забывать при этом, что имеются различные способы интроспекции, одни из которых более адекватны задачам изучения значения, в то время как другие - менее (Алмаев, 1998). Кроме того, любая, самая безупречная интроспекция есть лишь факт сознания субъекта, осуществившего ее, и вопрос о распространимости ее результатов нуждается в дополнительном обсуждении. В отношении лингвистической интроспекции в пользу такой распространимости свидетельствует тот факт, что язык есть часть психики, специально разработанная для общения и, следовательно, наиболее инвариантная, наиболее общая для всех лиц данной культуры. Против, - то, что априорно мы не можем оценить индивидуальные границы вариабельности значений. В частности, в отношении синонимии обозначений эмоций депрессивного спектра различные словари дают различную, подчас противоречивую картину (Соловьев В.Д. сообщение на Казанской школе по компьютерной и когнитивной лингвистике, 2003г.). В таком случае, как и во многих других, результаты лингвистической интроспекции следует проверять на более широких, желательно репрезентативных, выборках.

В целом все направление *психолингвистики* (история которого восходит к работам Осгуда, Миллера и Хомского) можно, на наш взгляд, охарактеризовать как применение методов экспериментальной психологии для проверки адекватности теоретических построений лингвистики. К таковым могут относиться и гипотезы о структуре синтаксиса, и интерпретация определенных значений, и исследование коннотаций значений слов с помощью ассоциативного эксперимента и т.д.

При этом от психолингвистики в столь широком смысле слова следует отличать (или же выделять в ее рамках) *когнитивную лингвистику* как формирующееся научное направление, характерной чертой которого является попытка привлечь для объяснения употребления слов некоторые конструкции, описывающие манипуляции значениями.

Хотя данная область представляет собой пока лишь собрание индивидуальных проектов отдельных ярких ученых и их последователей, (Мински, Лакофф, Кинч, Ван Дейк и др.) т.е. пока рано говорить о том, что в ней сложилась какая-то устойчивая общепринятая парадигма, есть и некоторый принцип, позволяющий однозначно судить о принадлежности исследования к данному течению.

---

[45] Данная работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 03-06-80106-а.

[46] Доклад был представлен на Казанской школе по компьютерной и когнитивной лингвистике (TEL-2003)

В рамках этого направления когнитивные науки представлены не только со стороны своего методического инструментария, выступают не только как средство проверки гипотез, но и как источник представлений о механизмах, лежащих в основе тех или иных лингвистических феноменов (Janssen C. T.and Redeker G..(Eds.), 1999).

Глубинная оправданность данного течения в том, что за любыми лингвистическими феноменами, очевидно, стоят некоторые психические (и далее - нейронные) механизмы, реализующие эти феномены. Если наше сознание способно подбирать адекватные для выражения слова, то почему бы ему не научиться отслеживать и те свои действия, с помощью которых эти слова подбираются?

Реализацию такого проекта можно, на наш взгляд, обозначить как построение *психологической теории значения*[47], которая неизбежно должна быть несколько шире чисто «когнитивной», поскольку в значение наряду с когнитивными компонентами входят и аффективные.

Хотя полномасштабное построение такой теории значения сопряжено с не малыми трудностями, можно прогнозировать рост ее востребованности по мере того, как задача построения систем искусственного интеллекта, живущих в реальном мире и имеющих качественный естественно-языковой интерфейс, будет приобретать промышленную актуальность. (Поляков В.Н., 2002).

Действительно, традиционная лингвистика начинается со слов и заканчивается словами. В ней не предусмотрено какого-либо систематического изучения связи слов и воспринимаемого мира, не предусмотрено выхода в реальный мир, поскольку нет отчетливых понятий о том, что объединяет слова и выражаемые ими доязыковые реальности - воспринимаемые и понимаемые ситуации.

При этом в настоящее время промышленно актуальны задачи, которые могут решаться лингвистическими или в основном лингвистическими способами: обработка текста и гипертекста, поиск информации, автоматическая рубрикация, реферирование, контекстные подсказки и т.п.; роботы же пока не сильно отличаются от игрушек.

II. Одной из важнейших сфер взаимодействия лингвистики, психологии и компьютерных технологий является контент-анализ вербальной продукции, проводимый в целях психодиагностики.

Опыт показывает, что основной областью психологии, в которой развивался этот вид контент-анализа, является клиническая психология. Популярные шкалы контент-анализа социальных мотивов МакКлелланда (см. Hogenraad 2002(a,b), McClelland, 1975) были получены им и его сотрудниками на основе многолетнего анализа протоколов проективной методики ТАТ. На материале клинической психологии разрабатывалась и контент-аналитическая система Готтшалка-Глезер (Gottschalk, 1982), характеризующаяся, наверное, наибольшей законченностью и систематичностью.

Клиническая психология – область, в которой идеографические и номотетические методы взаимодействуют наиболее интенсивно. В ней важно как максимально полное понимание каждого отдельного случая, так и возможность описания данного случая в терминах общих категорий и свойств.

За номотетическую «составляющую» отвечают объективные, рейтинговые и опросниковые тесты. Идеографическая информация получается в основном из беседы с пациентом, а также из наблюдения за его или ее поведением. Термин «беседа» используется здесь как максимально объемлющее понятие для группы методов получения вербальной продукции. К таковым относятся: 1) интервью различной степени структурированности, 2) проективные тесты, 3) свободно порожденные рассказы.

---

[47] Элементы одного из вариантов подобной теории представлены в (Алмаев, 1997, 1998, Almayev, 1999, и в материалах, хранящихся по адресу: http://www.psychol.ras.ru/old/strukt/ALMAEV/ALMAEV.HTM)

При этом различные способы анализа интервью (см. Алмаев, Малкова, в печати) и контент-анализа так же могут быть преимущественно ориентированы на идеографический или же на номотетический идеал (Hogenraad et al, 2003).

ШКАЛЫ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА И ТЕСТЫ-ОПРОСНИКИ, ОСНОВАННЫЕ НА САМООТЧЕТЕ

Особого внимания заслуживает тема взаимодействия контент-аналитических шкал с тестовыми методиками, основанными на самоотчете (опросниковыми тестами).

Конечно, у нас нет причин полагать, что эти вторые как-то существенно более валидны, нежели контент-аналитические шкалы. На их валидность влияют, в частности, следующие факторы, приведенные еще Готтшалком. Вкратце, это: 1) отсутствие у испытуемого адекватного представления о себе, 2) нежелание в нем самому себе признаться, и 3) нежелание поделиться этим знанием с проводящими тест.

Однако следует принять в расчет, что второй и третий из только что перечисленных факторов, хотя и несколько в иной форме, но влияют так же и на порождение рассказа о самом запомнившемся событии (стандартная инструкция Готтшалка). При этом опросниковые тесты, в отличие от контент-аналитических шкал, обладают хорошо разработанным инструментарием проверки их внутренней согласованности. Так что в принципе, хороший, грамотно проверенный на внутреннюю согласованность опросниковый тест и хорошая, правильно составленная контент-аналитическая шкала должны давать сходные результаты.

Для анализа взаимодействия между контент-аналитическими и опросниковыми методиками нам следует критически рассмотреть концептуальные средства, стоящие за разработкой опросниковых методик, их формальную онтологию.

Как известно, решающую роль для развития личностных опросников сыграло понятие личностной черты или черты характера, предложенное Г.Олпортом и затем подхваченное Р. Кеттелом и Г.Айзенком. Черта понималась как некая устойчивая предиспозиция вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций (Allport, 1961, p.347). Она противопоставлялось состоянию как чему-то проходящему и текучему.

Отметим следующие две основные тенденции создания тестов на основе понятий черты и состояния. Содержательное сближение черты и состояния. Например, в хорошо известном тесте Спилбергера на тревожность есть две шкалы – тревожность как состояние и тревожность как черта. Черта понимается как обычное, частое или же преобладающее состояние. Этого принципа придерживается и Готтшалк (Gottschalk, 1982), предлагавший, считать результаты одного замера с помощью своей контент-аналитической методики проявлением актуального состояния человека, а результаты трех замеров, проведенных в разное время, - чертой (Gottschalk, 1982; p.280).

Вторая тенденция - агрегация черт и разработка на основе этой процедуры личностных опросников. История развития этой тенденции прекрасно изложена в статье Г. Айзенка (1993). Первым, кто разработал процедуры агрегации черт в факторы был Р.Кеттел. Представляется, что данная процедура заслуживает интереса в частности и с психолингвистической точки зрения, хотя нам не известно, что она когда-либо рассматривалась с этих позиций. Кеттел исходил из того, что в естественном языке представлены все необходимые личностные черты, более того, что они представлены с избытком. (см Мельников, Ямпольский, 1985). Для того чтобы уменьшить их количество, он сначала подрядил испытуемых, которые должны были оценивать смысловую близость выписанных из словаря слов, характеризующих личность. Поскольку вся эта процедура была в свое время воспроизведена А.Г. Шмелевым на материале русского языка и русскоязычной выборки, за подробностями можно обратиться к его книге (Шмелев А.Г., 2002). В случае Шмелева это около 80 человек студентов и преподавателей факультета психологии МГУ. Затем на основе факторизации полученных данных выделяются факторы описывающие, как полагают сторонники данного подхода, личностную структуру, позже

по этой факторной структуре разрабатываются вопросы, и формируются тесты. Факторный анализ при таком подходе выступает как основной метод проверки. Однако именно он и показывает, что данный метод не отличается большой надежностью. Действительно, согласно Айзенку (1993) тест Кеттела так не разу и не был воспроизведен при повторной (проверочной) факторизации, максимум чего удавалось достичь – воспроизведения 8 факторов. Шмелев же свой тест, насколько мы смогли понять из его книги, так ни разу и не рефакторизовал.

В качестве выхода из данной ситуации Айзенк (1993) предлагает путь все большой агрегации черт и факторов, и останавливается на своих «гигантских 3-х» (экстраверсия, нейротицизм, психотицизм). Они виделись ему буквально во всех результатах подобного рода исследований. После смерти Г. Айзенка в кругах специалистов по дифференциальной психологии наибольшую популярность приобрела так называемая «Большая Пятерка» (в интерпретации Шмелева: Дружелюбие (альтруизм), интеллект (интеллигентность), активность (экстраверсия), самоконтроль (сознательность), эмоциональная устойчивость (уверенность в себе) Шмелев А.Г., 2002, стр. 381).

Однако, согласно хорошо известному логическому закону, чем больше охват понятия, тем беднее (и/или расплывчатее) его объем. В результате столь, казалось бы, прекрасно воспроизводящийся тест Айзенка, эмпирически дает слишком мало информации. Соответственно, и в клинике, насколько нам известно, практически никогда не применяется. Интересно, что и тест Кеттела и тест Шмелева (15 русских факторов, - так сказать, - «русский Кеттел») и «большая пятерка» явно проигрывают по своей популярности в клинике таким, казалось бы, явно устаревшим тестам как MMPI 1 (СМИЛ), и тест Леонгарда-Шмишека. Наиболее же адекватным для целей клинической психологии, на наш взгляд, является опросник структуры темперамента и характера Клонинджера (Cloninger, 1994).

К критике, как выражался А.В. Брушлинский, «чертизма», следует добавить еще и следующие аргументы. По-существу, теория, основанная на описанной выше агрегации личностных черт, представляет собой не что иное, как обобщение обыденных представлений носителей языка о человеческой личности. В годы создания подобных методов, вопрос о психофизиологических механизмах, о субстратной детерминации поведенческих явлений, еще не мог быть поставлен. Айзенк, правда, попытался предложить, некоторые психофизиологические интрепретации своих «гигантских 3-х», однако они оказались явно неудачными (Грей, 1993). Между тем, в научной психологии вопрос о психофизиологических детерминантах поведения должен ставиться с необходимостью, особенно теперь, когда в свете последних успехов психофармакологии, картина, предложенная Дж.Греем (1993) более 10 лет назад, подтверждается все более убедительно.

ЧЕРТА И ЧТО ЗА НЕЙ СТОИТ

Все сказанное заставляет нас критически взглянуть на концептуальный набор формальной онтологии психологических явлений. «Состояние, черта, личность (субъект) как объединение черт». Не пропущено ли в этом ряду некоторое существенное звено?

Является ли черта онтологически такой же реальностью, как состояние или субъект, насколько самостоятельно и независимо она существует?

Черта - это всегда суждение, некий предикат, приписываемый кому-то (одному субъекту), кем-то (другим субъектом) на основе своего опыта и опыта наблюдения за вторым субъектом. Такая структура намного сложнее по сравнению с непосредственно переживаемым и квалифицируемым состоянием. Более того, она предполагает некий субъективный (всегда пристрастный) прогноз о поведении другого субъекта «в широком диапазоне ситуаций». Даже когда речь идет о себе, т.е. оценивающий и оцениваемый субъекты совпадают, это нисколько не упрощает ситуацию, поскольку в отличие от состояния черта не переживается непосредственно. Следовательно, чтобы приписать себе

какую-то черту, человек должен «смотреть на себя со стороны», что, конечно, представляет собой процесс весьма затруднительный, искажаемый массой разного рода психологических защит и прочих образований, и, как правило, очень далекий от объективности. Вся эта масса побочных факторов, относящихся к пристрастности, ограниченности опыта и необходимости экстраполяции и приводит к тому, что результаты факторизаций одних и тех же тестов столь разнятся, а одни и те же наименования черт, оказываются покрывающими весьма различные феномены.

Но что же является непосредственным субстратом для суждения о черте, что наблюдает судящий? Судящий наблюдает либо свои состояния и поступки, если речь идет о себе, либо поступки другого человека вкупе с теми или иными состояниями, приписываемыми ему им.

Свои состояния даны человеку непосредственно, и за исключением случаев алекситимии, он способен более или менее адекватно их вербализовать.

В чужих состояниях ошибиться, конечно, гораздо больше шансов, но, ведь, мы и не собираемся делать выводов о других людях на основе рассказов о них наших испытуемых.

Таким образом, непосредственная реальность, стоящая за суждениями о чертах чьего-либо поведения, есть некоторая ***совокупность психических состояний с вероятностями переходов из одних состояний в другие при тех или иных внешних или внутренних условиях***.

Это понятие и следует признать пропущенным звеном, которое должно идти в цепи формально отнологических концептов психологии после «состояния», но перед «чертой».

Оговоримся сразу, что состояние понимается нами предельно широко, это слово не должно ассоциироваться с какой-либо пассивностью, состояние это всегда активная интенциональная направленность субъекта на те или иные феномены внешнего или внутреннего мира.

В самой простой форме этот феномен можно обозначить как «совокупность состояний», подразумевая под ней такое множество состояний G, в котором для каждого состояния x, принадлежащего G, существует вероятность p перейти в состояние y, также принадлежащее G. Так что y=px.

Следует сразу отметить, что совокупностей состояний может быть множество, и что они могут иерархически входить друг в друга. Например, в «большое» состояние депрессии может входить несколько совокупностей депрессивных переживаний и т.д.

На наш взгляд, именно представления о некоторых устойчивых совокупностях состояний и обеспечивают внутреннюю согласованность шкал опросниковых тестов и диагностических критериев психиатрических систем. Однако люди различаются своеобразными «порогами» для квалификации той или иной совокупности состояний как той или иной черты.

При этом именно совокупности состояний человека и отражаются в его или ее вербальной продукции, а задачей психодиагностики выступает оценка вероятностей, связывающих данные состояния и их совокупности.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ И СОВОКУПНОСТЬ СОСТОЯНИЙ

- Как же оценить вероятности переходов от одних состояний в другие?

Самым общим ответом будет: по актуализации слов, обозначающих (или выражающих) одни состояния, вслед за актуализацией слов, обозначающих (или выражающих) другие состояния.

Конечно, речь пока не идет о количественно точной оценке вероятности актуализации тех или иных состояний при тех или иных условиях, пока достаточно хотя бы оценки в терминах больше-меньше. Но при этом принципиально важно, что данная оценка «больше-меньше» однозначно связана с оценкой «ближе-дальше», получаемой из оценки расстояний между словами, выражающими те или иные состояния.

Другими словами, чем меньшее расстояние в тексте отделяет слова, выражающие состояние «a» от слов, выражающих состояние «b», тем выше и вероятность того, что за психическим состоянием «a» последует психическое состояние «b».

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ

В качестве примера рассмотрим анализ интервью больных депрессией[48]. В наших недавних работах (Алмаев Н.А., МалковаГ.Ю., Селяева Е.В.,2003; Алмаев Н.А., 2003) мы приводили пример детального изучения симптомокоплекса депрессии на материале рассказа Л.Н.Толстого «Записки сумасшедшего». Тогда мы учитывали только выражение депрессивных явлений и оставляли другие психологические содержания в стороне. Однако в интервью пациентов проявляется значительное количество совокупностей состояний, как относящихся к симптомокомплексам болезни, так и принадлежащие особенностям преморбидной личности (т.е. личности, какой она была до болезни). Более того, изучение преморбидных черт в их взаимодействии с симптомами расстройства жизненно важно для правильной постановки диагноза.

В целом депрессия – это симптомокомплекс, появление которого может быть вызвано различными причинами (экзогенными: стресс, псхотравмирующая ситуация; эндогенными: шизофрения, циклотимия). Более того, часто эндогенные расстройства могут скрываться за внешними причинами или могут провоцироваться ими (Смулевич и др. 2002). При этом в современной психиатрии в нашей стране имеется тенденция прямо противоположная тому, что было в 1970-е годы. Если тогда психиатры бывали иногда слишком «поспешны» с постановкой диагноза шизофрения, то теперь во главу угла ставится социальная адаптация индивида, и хотя бы врачи и были уверены в эндогенном характере заболевания, очень часто официально выносится менее «стигматизирующее» определение: депрессия того или иного вида, ПТСР, невротическое расстройство и т.п.

МЕТОДИКА

Фрагменты интервью были размечены вручную (под «разметкой» понимается отнесение определенных суждений к тем или иным классам) в соответствии с таксономией психических явлений, разрабатываемой сейчас нашим коллективом, для целей психологического контент-анализа. В качестве своего рода каркаса в этой таксономии выступают представления о структуре темперамента и характера Р. Клонинджера (Cloninger, et. al., 1994), которые дополняются различными более частными конструктами, такими как аффилиация и достижение (МакКлелланд), агрессия различных видов (Басс), а также психопатологические симптомы. При этом мы придерживаемся следующих принципов:

1) избегание чрезмерных генерализаций (его жертвой, например, пал МакКлелландовский мотив власти). Для квалификации языкового выражения психологического феномена используется по возможности ближайшее родовое понятие[49];

2) параллельное построение моделей описываемых явлений в терминах психологической теории значения. Такие модели помогают разграничению явлений в тех случаях, когда конструкты различных психологических теорий конкурируют между собой. К сожалению, эта тема не может здесь обсуждаться подробно ввиду объемов данной публикации.

Кроме содержательно психологических феноменов представляется весьма важным так же и рассмотрение таких маркеров как обозначение субъектом частоты явлений,

---

[48] Данные были любезно предоставлены Т.Кубрак.

[49] Однако это не означает отказ от агрегации частных феноменов в более объемлющие классы. В таком случае первым идет название класса, а за ним через точку следует обозначение непосредственного феномена. Наример, «ЗП. поступки ради». Означает: Зависимость от поощрения, конкретный феномен -поступки ради кого-то.

субъективной значимости, а также семантической безысключительности (слова всегда, никогда, все, никто и т.п.). Ввиду небольшого объема текстов и при этом значительного количества классов, данные маркеры при ручной разметке в отдельные классы не выделялись, а записывались как дополнительные идентификаторы после феноменов. Например, «принятие правил поведения. семантич. безысключ.»

Для определения близости психических феноменов подсчитывался порядковый номер хождения данной категории от начала интервью от начала интервью, затем производился кластерный анализ.

Пример 1.

Больной А., 24 года. Поступил с жалобами на тревогу, расстройство сна, феномены дереализации (чувство, что «его нет»), трудности в общении.

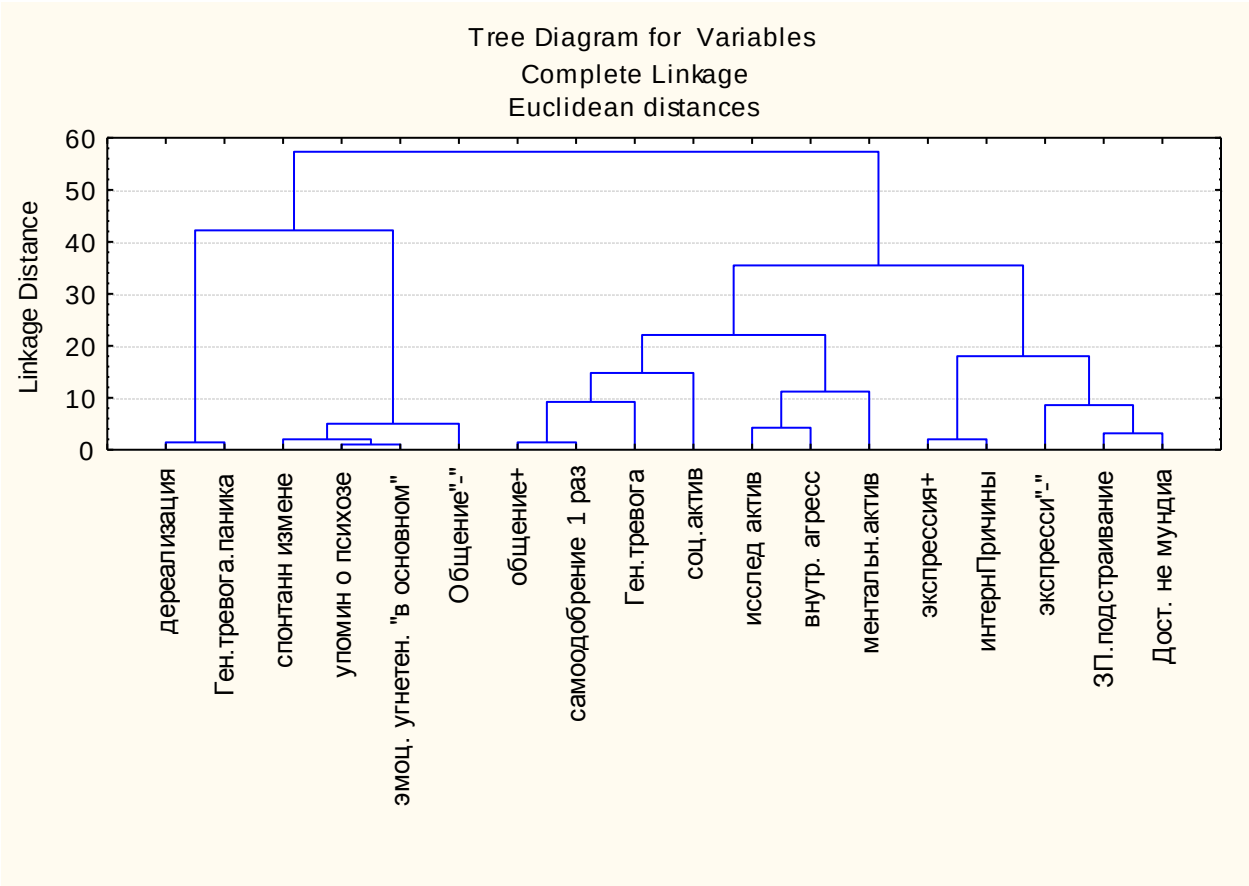


График 1. Взаимная близость психических состояний пациента А. на основе фрагмента интервью.

Прежде чем мы начнем анализ данного графика, необходимо дать некоторые пояснения. Под «немундиальным» (т.е. «не мирским») достижением мы понимаем различного рода активность, направленную «самосовершенствование», например: йога, аутогенная тренировка, религиозные и духовные практики и т.п. Подобные увлечения очень характерны для многих пациентов. ЗП – зависимость от поощрения – одно из основных измерений темперамента по Клонинджеру - после точки указывается конкретный вид данной зависимости. Знаком «- » обозначаются суждения о неудаче какой-либо активности, или отсутствии какого-либо свойства или переживания, знаком «+» - об удаче какой-либо активности или наличии того или иного свойства. В Ген.(генерализованную) тревогу входят тревога («боялся»), дезорганизация деятельности вследствие тревоги (скованность и т.п.) и паника. Как видим, тревога с одной стороны внедряется внутрь кластера Общение+ самоодобрение, и соц. активность, а с другой

стороны входит и в кластер дереализации, эмоциональной угнетенности и субпсихотических проявлений.

Зависмость от поощрения в одной из наиболее откровенных своих форм связана с неудачами самовыражения (экспрессия «-») и активностью в области немундиальных достижений (занятия аутогенной тренировкой). Примечательно, что ментальная активность («думать»), которую мы здесь отделили от исследовательской активности (вопросы почему?, в чем причина?) оказалась связана с внутренней агрессией. В целом по данной картине становится понятным, что мы имеем дело с очень тревожным, очень зависимым человеком и настораживающая симптоматика (дереализация, чувство измененности), по всей вероятности, связана, посредством механизма генерализации возбуждения при тревоге, с его личностной незрелостью и проблемами в общении. Т.е. мы, скорее всего, имеем дело с генерализованным тревожным расстройством у невротика, но не с шизофренией или циклотимией.

Пример 2.

Для контрастирующего примера мы выбрали фрагмент из интервью пациента Б., 21 год. Он поступил в клинику с жалобами на трудности концентрации, быструю утомляемость, резкую потерю трудоспособности. В ходе дальнейших бесед с психиатрами и психологами обнаружились элементы ипохондрического бреда и бреда воздействия.

Дадим некоторые пояснения к графику 2. ПН – поиск новизны – одно из базовых измерений темперамента в системе Клонинджера. В качестве «ментального воздействие на него» обозначены элементы бреда, встретившиеся в данном интервью (в качестве виновницы неблагополучия пациента объявлялась знакомая девушка, которая якобы «промывала ему мозги»). Большой фрагмент интервью занимает попытки интервьера добиться, в чем состояла «промывка мозгов». Поскольку ответы на эти вопросы были получены, так сказать, под давлением интервьюера, этот фрагмент нельзя рассматривать как спонтанную речь, и он был исключен из анализа. (Подробнее тема анализа интервью в связи с зависимостью его результатов от воздействия интервьера на его ход обсуждается в Алмаев Н.А., Малкова Г.Ю., (в печати).

«Ментальные проблемы» – трудности с концентрацией, неспособность усваивать материал. «Соматопсихическая хрупкость» – термин Клонинджера и одна из субшкал в его тесте – быстрая утомляемость, снижение работоспособности и т.п.

Аффилиация от него «-» - нежелание тратить слишком много времени на общение, в данном случае с девушкой. Конкретное выражение для нахождения в тексте: «уделять мало внимания».

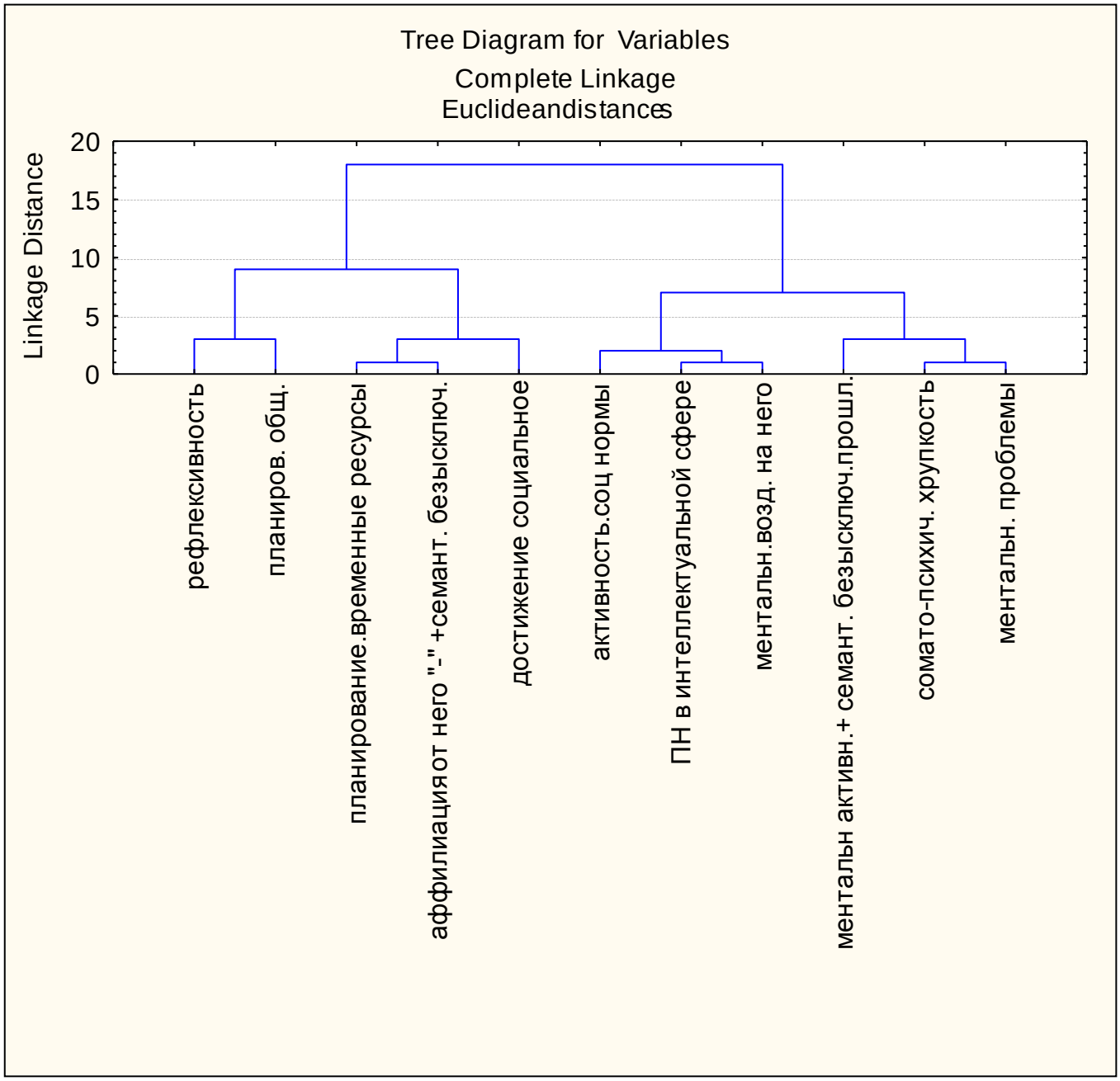


График 2. Взаимная близость психических состояний пациента Б. на основе фрагмента интервью.

Крайне правый кластер составляют жалобы на ухудшение состояния – ментальные проблемы и трудности с концентрацией. Они тесно связаны друг с другом. При этом следует принять во внимание их совокупный вес в чисто количественном выражении[50].

[50] К сожалению, мы пока не подобрали такую форму представления результатов, которая сочетала бы и психологическую близость (близость по совместной актуальности) содержаний друг к другу и меру количественной представленности каждого из них.

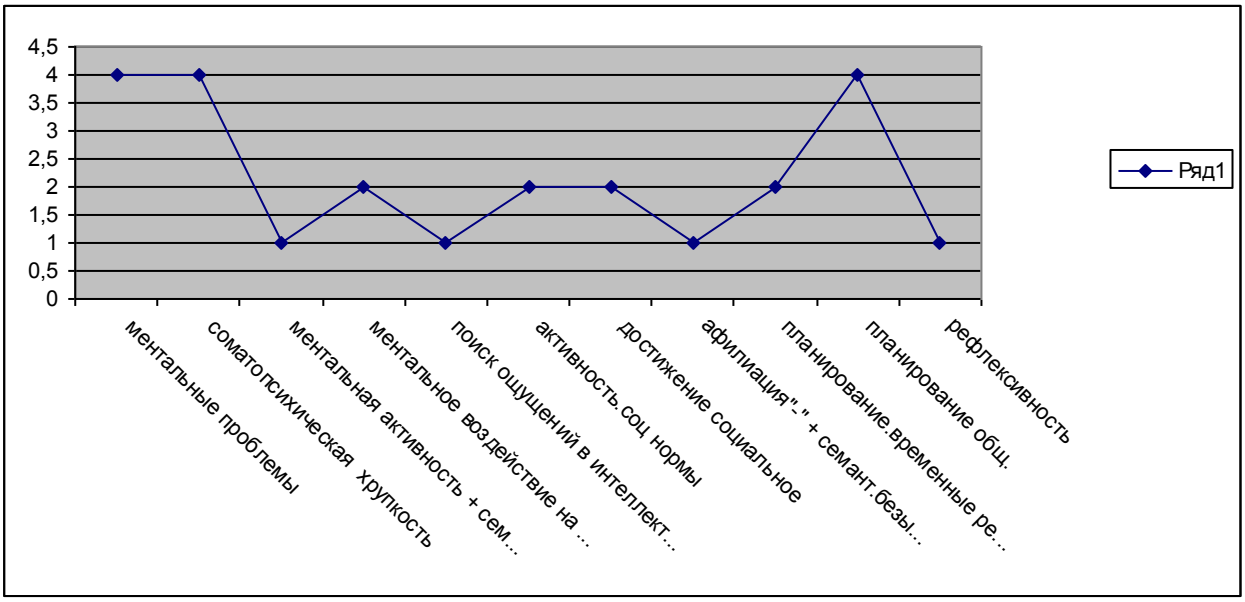


График 3 Количественная представленность обозначений психических состояний в тексте.

Доля этих жалоб в данном фрагменте интервью велика, вместе они составляют одну треть от всех зарегистрированных психологических содержаний (8 из 24).

При этом с данным кластером оказалось связанным лишь одно суждение о ментальной активности в прошлом, до болезни: «я человек, который привык что-то думать всегда».

Левая же половина графика представляет собой выражение той, возможно, несколько идеализированной личности, которая существовала до начала болезни. Впрочем, поскольку идеализация производится с совершенно определенных ценностных позиций, можно сказать, что ядро личности не затронуто болезнью.

Судя по проанализированному фрагменту, преморбидная личность имела развитую систему планирования, в частности своих временных ресурсов, стремилась к социальному достижению, была интеллектуально стенична. При этом несколько замкнута и не слишком склонна к аффилиации. Нынешняя симптоматика и прежняя личность жестко отграничены, противопоставлены друг другу. Единственное связующее звено – девушка, «назначенная» ответственной за возникновение проблем. По всей вероятности, здесь мы имеем дело с воздействием на психику человека болезненных эндогенных процессов, никак не связанных с содержаниями и устремлениями личности. Личность противостоит им насколько может.

При всей трагичности, подобные случаи весьма распространены. Очень часто молодые шизоиды проявляют высокие интеллектуальные достижения, но за их расцветом следует приступ болезни. Тема борьбы высоко организованной личности и органического недуга не раз делалась предметом как психиатрического (Ясперс К., 1999) так и художественного осмысления (фильм “Brilliant mind”).

ОБСУЖДЕНИЕ

Как видим, подобный способ анализа интервью дает весьма наглядные результаты даже на небольших фрагментах текста. Естественно, чем больше фрагмент, и чем меньше при этом выделяемых для анализа классов, тем надежнее результаты. Вместе с тем высокая степень агрегации феноменов, объединение их в некоторые супер-единства, чревато необоснованной генерализацией и, как следствие, потерей важных психологических содержаний. Наиболее целесообразно применение данной методики, впрочем, не для

сравнения пациентов между собой, а для анализа развития болезни или, напротив, процесса реабилитации. Взаимная близость феноменов, рассмотренная вкупе с их количественной представленностью, могут дать отличную картину изменения актуальных содержаний психики пациентов.

Если же говорить о репрезентативности результатов, то объединение психологических феноменов в более широкие единства неизбежна, иначе получится слишком много отсутствующих случаев. При этом уровень агрегации не должен быть все же слишком высоким. В частности, явно не следует терять грань между субъектом и объектом, например, равно регистрировать в качестве «агрессии» и тот случай, когда рассказчик стал объектом агрессии и тот, когда он был ее субъектом, или объявлять «аффилиацией» и аффилиацию со стороны субъекта и отказ от этой аффилиации со стороны субъекта и его желание аффилиации со стороны другого, и отказ субъекту в аффилиации со стороны другого. Подобное сверх-укрупнение, очевидно, ведет к существенной потере психологического смысла, ведь, явно не одно и то же «меня побили» и «я побил». Хотя и то и другое относится к «агрессии.»

Однако здесь вновь встают вопросы о связи психологии, лингвистики и компьютерных технологий. Правда, теперь эти отрасли поменялись ролями, и в качестве заказчика выступает психология, в качестве исполнителя компьютерные технологии, а в качестве субподрядчика лингвистика. Поясним это утверждение. Для эффективности обработки текстов процедуры анализа должны быть компьютеризированы. Однако для того, чтобы компьютер смог анализировать и правильно распознавать не отдельные слова или лексемы, а множество довольно сложных выражений, программный код должен содержать значительное количество лингивстической информации. Другими словами программы обработки должны быть способны к морфологическому, синтаксическому и семантичесокму анализу текста. Должны уметь выбирать адекватные контексту значения слов, в частности, и слэнговых выражений. Должны уметь прослеживать субъект высказываний, несмотря на структуру и длину предложений и даже за пределами предложения, и многое другое. Все эти проблемы в основном и находятся в настоящее время в центре внимания компьютерной лингвистики, причем можно констатировать существенный прогресс в их решении в последнее время.

В качестве средства проверки связи между категориями психологических содержаний, выраженных в тексте, и особенностями личности мы предполагаем корреляционный анализ с данными психологических тестов в частности теста Клонинджера, теста Русалова и некоторых других, для чего в настоящее время собирается репрезентативная база данных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык необходим для постижения психики, равно как изучение психики помогает более ясному пониманию устройства языка. Использование полученных при этом знаний в компьютерных технологиях способствует дальнейшему развитию психологии и лингвистики. Основным условием возможности исследований на стыке психологии и лингвистики является, с одной стороны, доверие интроспекции, с другой, - проверка ее результатов на репрезентативных выборках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айзенк Г.Ю.* Количество измерений личности: 16, 5 или 3? – критерии таксономической парадигмы. // Иностранная психология. Т.1 № 2б 1993. стр. 9-24.

2. *Алмаев Н.А.* Интенциональные структуры естественного языка: экспериментальное исследование // Психологический журнал. Том 19, №5,1998, стр. 71-80.

3. *Алмаев Н.А.* Динамическая визуализация как метод исследования языкового сознания // Языковое сознание. Формирование и функционирование. Сб. Под.ред. Н.В.Уфимцевой. М., 1998. стр.77-87.

4. *Алмаев Н.А., Малкова Г.Ю*. Определение актуальных содержаний психики

5. с помощью анализа интервью // Психологический журнал (в печати).

6. *Алмаев Н.А., Малкова Г.Ю., Селяева Е.В*. Группировка и кластеризация семантических категорий и тем в литературном произведении //«Исследования высших когнитивных процессов» сб. под.ред. Т.Н.Ушаковой, и Н.И.Чуприковой. 2003.

7. *Грей Д.А.* Нейропсихология темперамента // Иностранная психология. Т.1 № 2, 1993. стр.24-37.

8. *Мельников В.М., Ямпольский Т.М*. Введение в экспериментальную психодиагностику личности. Просвещение. Москва, 1985.

9. *Поляков В.Н. 2002.* Моделирование перцепции в семантике глагола // Психологические исследования дискурса (под.ред.Павловой Н.Д.) Москва. ПерСе. стр.51-63.

10. *Шмелев А.Г.* Психодиагностика личностных черт. Речь. Спб., 2002.

11. *Ясперс. К. 1999.* Стриндберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина. Гуманитарное агентство Спб. «Академически проект».

12. *Allport G.W.* Pattern and Growth in Personality. Holt, Reinhart and Winston, New York. 1961.

13. *Almayev N.A.* “Dynamic Theory of Meaning. New Opporunities for Cognitive Modeling.”// Web-Journal of Formal Computational and Cognitive Linguistics (FCCL), 1999.

14. *Cloninger C.R., Przybeck T.R., Svrakic D.M. , Wetzel R.D*. The Temperament and Character Inventory (TCI). The guide to its development and use. 1994.

15. *Gottschalk L.A.* Manual of Uses and Application of Gottschalk-Gleser Verbal Behavior Scales //Research Communications in Psychology Psychiatry and Behavior. Vol 7, #3, 1982. (pp. 273-327).

16. *Hogenraad R., McKenzie D.P. & Péladeau N.* Force and influence in content analysis: The production of new social knowledge // Quality & Quantity, 37(1), 2003.

17. *Hogenraad, R.*. The words of swords. In E. Malianov, N. Zakharov, E. Berezina, L.Dorfman, V. Petrov, & C. Martindale (Eds.), Personality, creativity, and art (pp. 380-390). Perm, Russia: Perm State Institute of Art and Culture, Prikamsky Social Institute. 2002

18. *Hogenraad, R.* Fourteen days in October 1962: A content analysis of a nuclear close call (the Cuban Missile Crisis). In E. Malianov, N. Zakharov, E. Berezina, L. Dorfman, V. Petrov, & C. Martindale (Eds.), Personality, creativity, and art (pp. 391-396). Perm, Russia: Perm State Institute of Art and Culture, Prikamsky Social Institute. 2002.

19. *Janssen C T.and Redeker G.(*Eds.) 1999. Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Ed. By Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter.

20. *McClelland D. C.* Power: The Inner Experience. New York: Irvington Publishers, 1975

PSYCHOLOGY, LINGUISTICS, AND COMPUTER TECHNOLOGIES IN LANGUAGE AND SPEECH STUDY [51]

Nikolay Almaev [52]

Language is a mean of study of human mentality. In the same manner information about mentality helps us to study language functionality. Using of this knowledge in computer technologies make for futhter development of psychology and language.

[51] © Nikolay Almaev, 2004

[52] Institute of Psychology of Russian Academy of Science